

ВЕСТИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Право

№ 4 (80), 2024

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть reproduced без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2024

VESTNIK

TVER
STATE
UNIVERSITY

Series: Law

№ 4 (80), 2024

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina
(editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Каменский М.А.

- Факт осуществления рекламной деятельности как критерий привлечения к ответственности за нарушения авторских прав в сети Интернет.....7

Кондратьев В.А.

- Определение неравноценности встречного предоставления при оспаривании подозрительных сделок должника.....16

Попова И.Ю.

- Произведения и товарные знаки: проблемы соотношения.....25

Сапронова Т.П.

- Зашита прав потребителя: закон и реальность.....34

Туманова Л.В.

- Некоторые аспекты извечной проблемы «отцы и дети».....41

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

- Право граждан на участие в местном самоуправлении: трансформация природы и форм.....54

Крусс В.И.

- Юридическая наука и законотворческая практика: проблемы адекватной коммуникации.....64

Кувырченкова Т.В., Черевко В.В.

- К вопросу об особых административно-правовых режимах.....73

Очагова В.С.

- Некоторые аспекты обеспечения доступа и качества образования на муниципальном уровне.....85

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Жукова О.В.

- Право несовершеннолетнего на медицинскую помощь: де-юре и де-факто.....94

Щербаков А.В.

- Особенности функционирования отечественной пенитенциарной системы: организационно-правовой аспект.....109

Яковлева Н.Г.

- Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.....117

Обзор и анонсы научных мероприятий

Дронова Ю.А.

Обзор научно-методического семинара «Тенденции и перспективы развития высшего юридического образования».....127

Проблемы организации учебного процесса

Сладкова А.А.

Опыт практической подготовки будущих специалистов таможенного дела.....133

Трибуна молодого ученого

Базунов И.В.

Распоряжение общим имуществом супругов: коллизия частных и публичных интересов.....141

Джиджавадзе Л.Г.

Трудоправовые ограничения в сфере контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства.....147

Ерёмин И.Д.

Дискуссионные вопросы последствий недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан.....155

Лавриновская И.С.

Анализ зарубежного уголовно-процессуального законодательства в части применения упрощенных досудебных производств.....164

CONTENT

Topical issues of private law

Kamenskiy M.

The fact of carrying out advertising activities as a criterion for liability for copyright infringement on the Internet.....7

Kondratyev V.

Determination of the unequal value of consideration when challenging suspicious transactions of the debtor.....16

Popova I.

Works and trademarks: problems of correlation.....25

Sapronova T.

Consumer protection: law and reality.....34

Tumanova L.

Some aspects of the eternal problem "fathers and sons".....41

Topical issues of public law

Antonova N.

The right of citizens to participate in local government: the transformation of nature and forms.....54

Kruss V.

Legal science and law-making practice: problems of adequate communication.....64

Kuvyrchenkova T., Cherevko V.

On the question of special administrative-legal regimes.....73

Ochagova V.

Some aspects of access and quality of education at the municipal level.....85

Topical issues of science and law enforcement practice

Zhukova O.

The right of a minor to medical care: de jure and de facto.....94

Shcherbakov A.

Features of the functioning of the domestic penitentiary system: the organizational and legal aspect.....109

Yakovleva N.

The use of digital evidence in criminal proceedings of the Russian Federation.....117

Overview and announcements of scientific events

Dronova Yu.A.

Review of the scientific and methodological seminar "Trends and prospects for the development of higher legal education".....127

Problems of organization of the educational process

Sladkova A.

Practical training experience for future customs specialists.....133

Tribune of young scientist

Bazunov I.

Disposal of the common property of spouses: collision of private and public interests.....141

Dzhidzhavadze L.

Labor law restrictions in the field of control and supervision of compliance with labor legislation.....147

Eremin I.

Controversial issues of the consequences of the invalidity of the agreement on the payment of alimony for minor children in the bankruptcy of citizens.....155

Lavrinnovskaya I.

Analysis of foreign criminal procedural legislation regarding the use of simplified pre-trial proceedings.....164

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.78

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.007

Факт осуществления рекламной деятельности как критерий привлечения к ответственности за нарушения авторских прав в сети Интернет

М.А. Каменский

Постоянное представительство Республики Марий Эл
при Президенте Российской Федерации, г. Москва

В статье рассматриваются особенности развития судебной практики по вопросам нарушений авторских и смежных прав в сети Интернет, связанных с осуществлением рекламной деятельности. Автором делается вывод об использовании в судебной практике факта осуществления рекламной деятельности и получения доходов от ее осуществления в качестве одного из критериев, позволяющих выявлять случаи нарушений прав на результаты интеллектуальной деятельности, ответственность за которые должны нести владельцы онлайн-сервисов, в том числе социальных сетей и торговых площадок. Отмечается важность учета выработанного судебной практикой подхода «единого намерения нарушителя» для определения размера компенсации в случае нарушений авторских и смежных прав при осуществлении рекламной деятельности. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития судебной практики с учетом существующих потребностей хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: реклама, интернет-реклама, произведения, результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права, правообладатели.

В вышедшем в мае 2024 г. новом Обзоре судебной практики, связанной с нарушением авторских и смежных прав в сети Интернет (далее – Обзор) [8], Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) сделал ряд рекомендаций, направленных на учет осуществления рекламной деятельности в качестве одного из критериев, позволяющих выявлять случаи нарушений авторских и смежных прав, а также устанавливать лиц, ответственных за их совершение. Данный обзор представляет особый интерес в том числе с учетом закрепления в нем новых подходов и обобщения практики по тем вопросам, ответы на которые до его принятия отсутствовали в постановлениях Пленумов ВС РФ и ранее разрабатываемых ВС РФ обзорах судебной практики.

Проблемы защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) при осуществлении рекламной деятельности ранее неоднократно становились предметом научных

исследований [3, 4, 6], однако в таких исследованиях порой выражались диаметрально противоположные по своему содержанию идеи либо рассматривались особенности судебной практики применительно к отдельным случаям применения правовых норм в конкретных ситуациях, с учетом присущих каждой такой ситуации особенностей. При этом судебная практика по вопросам защиты авторских прав складывалась из разрозненных решений, без их обобщения, что препятствовало дальнейшему ее развитию, достижению сбалансированных единых подходов даже применительно к сходным по своему содержанию случаям.

Особенность рекламной деятельности состоит в том, что проведение любой рекламной компании предполагает многократное использование тех или иных рекламных материалов, как правило, содержащих РИД. В результате любая ошибка при оформлении прав на РИД для их использования в рекламе, в том числе ошибка в их авторе, правообладателе, допустимых случаях, территории, сроке, способе и иных условиях использования, приводит к тому, что права на такие РИД будут нарушены неоднократно. Кроме того, ввиду повторяемости рекламных сообщений значительно облегчается для правообладателей решение задачи обеспечения доказательств с помощью съемки, видеозаписи, копирования, создания скрина экрана и иных решений, которые могут без значительных усилий обеспечить современные технические средства.

Дополнительно следует отметить, что при осуществлении рекламной деятельности задачей является обеспечение как можно более массового охвата целевой аудитории, к которой может относиться широкий круг потребителей, в силу чего значительно возрастает шанс того, что рекламное сообщение и содержащиеся в нем РИД будут замечены лицами, считающими себя их правообладателями, следовательно, многократно возрастает риск предъявления претензий. Если в отношении большинства иных видов деятельности вероятность выявления нарушений при их наличии не так велика и, как правило, непосредственным образом связана с ожидаемыми доходами от такого использования, то рекламная деятельность сама по себе не приносит доходов, она только создает предпосылки для их получения в случае удачного осуществления, правильности определения целевой аудитории потребителей и их скрытых намерений, потребностей и ожиданий. Таким образом, широкое использование рекламных материалов в рекламной деятельности, само по себе не гарантирующее получение дохода и не связанное с его получением непосредственным образом, наоборот, приводящее к росту расходов рекламодателя на ее осуществление, может стать причиной появления претензий, связанных с нарушениями прав на РИД, и требований о выплате компенсаций, размер которых правообладатели часто связывают именно с объемами

рекламы, количеством показов на различных телеканалах, сайтах, сервисах, ротаций на радиостанциях и другими обстоятельствами.

Рекламная деятельность в данном случае должна учитываться в широком смысле, как охватывающая любые способы информирования потребителей о товарах и услугах, оповещение представителей публики различными способами в целях обеспечения широкой известности, способствующей в дальнейшем привлечению потребителей, в том числе покупателей, зрителей, лиц, желающих воспользоваться предоставляемыми услугами [9, с. 587]. При этом рекламная деятельность во все большей мере осуществляется с использованием сети Интернет и иных современных цифровых технологий [2], что очевидным образом приводит к росту числа отдельных просмотров, сайтов и страниц сайтов, на которых такие просмотры могут осуществляться.

Правообладатели при предъявлении претензий ссылаются на показатели рекламной деятельности, чтобы, основываясь на их абсолютных значениях (количество показов, количество осмотров, охват аудитории и т. п.), потребовать выплаты значительных компенсаций. Однако следует учитывать, что эффективность рекламы в сети Интернет во многом ограничена, частые показы не свидетельствуют о том, что потребители посмотрят рекламу, воспримут ее и в дальнейшем примут решение о покупке товара, заказе работы или получении рекламируемой услуги. Действительно, по сравнению с несколькими показами на телевидении информация о тысячах или даже сотнях тысяч показов на различных сайтах в сети Интернет выглядит как основание для повышенных претензий. При этом не учитывается, что один показ по телевизионному каналу могут увидеть миллионы зрителей, а один показ на сайте или странице сайта в сети Интернет увидит только конкретный посетитель данного сайта, что обусловлено особенностями использования компьютерной техники и мобильных устройств, как правило, являющихся устройствами индивидуального доступа. «Всплывший» рекламный баннер может оказывать влияние на одного пользователя, зашедшего на сайт, и при этом не обязательно даже будет замечен им, рекламное сообщение будет во многих случаях отключено или не будет воспринято ввиду множественности доступной информации и кратковременности, разовости демонстрации при заходе на страницу сайта. Показ рекламы на телевидении или ее звучание на радио прерывают телевизионную или радиопередачу и тем самым вынуждают зрителей и слушателей уделить внимание рекламной информации. В сети Интернет существует множество вариантов оперативного перехода, отключения звука или пропуска рекламных сообщений. Таким образом, нет каких-либо оснований для того, чтобы приравнивать отдельные случаи или даже множество случаев показа рекламы в сети Интернет к показам рекламной информации на

телевидении или ее звучанию на радио, в силу чего при определении размера компенсации необходимо использовать иные критерии.

При рассмотрении в п. 18 Обзора сложного вопроса о критериях, на основании которых можно определить, в каких случаях онлайн-сервисы, включая социальные сети и торговые площадки, но не ограничиваясь ими, могут привлекаться к ответственности за нарушения авторских прав, ВС РФ привел в качестве одного из таких критериев рекламирование владельцами сайтов и сервисов наряду с совершением ими сделок по продаже экземпляров РИД и получением дохода непосредственно от неправомерного использования РИД.

В качестве примера онлайн-сервиса, владелец которого оказывает только услуги по администрированию, но не осуществляет сам деятельности по использованию РИД, ВС РФ привел торговую площадку, которая используется продавцами товаров в качестве витрины, причем продавцы сами размещают информацию о товарах, сами формируют их карточки, сами осуществляют рекламную деятельность, направленную на продвижение таких товаров, и осуществляют иную деятельность, связанную с использованием содержащих РИД товаров.

Противоположная ситуация, как отмечается в п. 19 Обзора, имеет место в случаях, когда владелец сайта или онлайн-сервиса получает доход, связанный с использованием РИД или материалов, содержащих РИД, например, если просмотр таких материалов оказывается возможным только при условии просмотра рекламы, вставленной в текст произведения, в видеоматериалы или в иные охраняемые авторским правом объекты. Если при этом размещение таких материалов, содержащих РИД, осуществляется третьими лицами, владелец сайта или онлайн-сервиса все равно несет ответственность, т. к. размещая рекламу и получая доход от ее размещения, он тем самым участвует в осуществлении деятельности, связанной с нарушением прав на РИД. Следует признать, что данный подход не всегда является справедливым, ведь во многих случаях владельцы сайтов и онлайн-сервисов не имеют возможности эффективным образом контролировать размещаемые материалы, однако в данном случае ответственность строится по традиционной для предпринимательской деятельности модели, в рамках которой лица, допустившие нарушения при осуществлении предпринимательской деятельности, могут привлекаться к ответственности независимо от их вины в нарушении, но с возможностью в дальнейшем взыскать причиненные убытки с виновников их причинения в порядке регресса. При нарушении авторских прав такая модель не всегда надлежащим образом работает на практике, но тем не менее, она поддерживается законодателем и судебными решениями.

Создание благоприятных условий для нарушений прав на РИД и неправомерного использования РИД, отсутствие эффективных мер для предотвращения нарушений исключительных прав позволяет владельцу сайта привлекать широкий круг пользователей, что, в свою очередь, повышает возможности для получения дохода от рекламы, размещаемой на сайте или доступной при получении доступа к содержащим РИД материалам.

Важное значение осуществление рекламной деятельности, связанной с незаконным использованием РИД, имеет при определении размера компенсации за различные случаи нарушений исключительных прав на них. Так, в п. 21 Обзора отмечается, что при определении размера компенсации наряду с иными обстоятельствами следует учитывать факт получения доходов от размещения рекламы на сайте.

В то же время ВС РФ в п. 22 Обзора подтвердил сложившийся ранее подход, согласно которому в случае нарушения исключительных прав на РИД, связанного с осуществлением рекламной деятельности, должно учитываться «единое намерение нарушителя». Размещение одного рекламного объявления должно рассматриваться как одно нарушение, независимо от числа страниц и сайтов в сети Интернет, на которых осуществлено его размещение. Масштабы использования произведения в составе такого объявления могут учитываться при определении размера компенсации, однако каждое размещение в отдельности не может рассматриваться как самостоятельное, отдельное нарушение, что позволяло бы требовать выплаты компенсации за каждое такое нарушение.

Ранее данный подход, связанный с множественностью использования РИД при осуществлении рекламной деятельности, приводил к попыткам взыскания несоразмерных компенсаций, в том числе многократно превышающих любые представления о возможных убытках правообладателей от совершенного нарушения или возможных доходах от правомерного использования РИД.

В качестве примера может быть приведено рассмотрение иска, согласно которому истец требовал определения компенсации за использование в рекламе двух фотографий исходя из количества интернет-страниц, на которых были размещены рекламные объявления, содержащие такие фотографии. ВС РФ разъяснил неправомерность расчета компенсации на основании рассмотрения каждого случая размещения фотографии как отдельного самостоятельного нарушения, за которое истец требовал начисления отдельной компенсации.

Необходимость учета «единства намерений нарушителя» при разграничении случаев одного нарушения от множественности нарушений имеет особое значение для рекламной деятельности, причем данный подход был впервые закреплен в п. 65 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 г. № 10 [10].

До внедрения данного подхода рассмотрение вопроса о размере компенсации при осуществлении рекламной деятельности неоднократно приводило к начислению несоразмерных компенсаций. Так, при рассмотрении иска компании UCF Partners Limited в отношении ООО «ЭДИЛ-ИМПОРТ» (дело № А40-147121/2015) в связи с использованием сценариев в рекламе интернет-магазина Holodilnik.ru в пользу истца была присуждена компенсация в размере 461 млн руб. [5, с. 149].

В другом примере, приведенном в п. 22 Обзора, в качестве обоснований единства намерений, имевшего место при рекламе услуг по продаже спортивного питания, отмечены выводы суда об общем объекте рекламирования, одинаковом тексте рекламных объявлений и совпадения ссылок на переадресации.

В настоящее время разграничение случаев использования одного и того же рекламного объявления при осуществлении рекламной деятельности в сети Интернет значительно облегчается за счет введения специальной системы маркировки интернет-рекламы, обеспечивающей ее последующую прослеживаемость [7].

В то же время до настоящего времени в цивилистической доктрине, законодательстве и судебной практике оказались неучтенными какие-либо объективные показатели, связанные с самим РИД, в отношении которого допущено нарушение. Действительно, законодательство гарантирует охрану произведений независимо от их назначения и достоинства (ст. 1259 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1]), но именно применительно к рекламной деятельности было бы желательно учитывать, во-первых, какую роль то или иное произведение играло при распространении конкретной рекламы, было ли оно основным или одним из основных объектов использования, а во-вторых, в какой мере его использование являлось важным и значимым, в какой мере выбор именно этого произведения был связан с достижением экономической цели при распространении рекламы, обусловлен ею. В подавляющем большинстве случаев в рекламе используются РИД, созданные специально для нее или, хотя и существовавшие ранее, но не имевшие широкой известности и какой-либо востребованности до начала рекламной компании. Также в подавляющем большинстве случаев включенные в рекламу РИД (музыка, дизайн, фотографии, художественные изображения, сценарии видеороликов и др.) могли быть на стадии подготовки рекламных материалов заменены другими, аналогичными, без сколько-нибудь существенного изменения для восприятия публикой, для достижения основной экономической цели рекламной кампании. Таким образом, именно реклама в большинстве случаев способствует росту известности включенных в нее произведений, а не наоборот, за редкими исключениями, связанными с использованием в рекламе ранее созданных и широко известных

произведений или созданием уникальных по своей оригинальности аудиовизуальных произведений или произведений дизайна, причем в отношении последних случаев проблем обычно не возникает, поскольку их использование основывается на заключенных договорах. Конечно, неизвестность РИД не означает, что нарушение не должно повлечь взыскание компенсации, однако в большинстве случаев ее размер должен быть значительно редуцирован с учетом реальных убытков, которые могли бы быть причинены таким нарушением, и реальных доходов, которые при благоприятных обстоятельствах правообладатели таких РИД могли бы получить за правомерное их использование аналогичным образом.

В ряде случаев ВС РФ привел в Обзоре в качестве правомерных формулировки, направленные на расширение толкования законодательных положений, предусмотренных частью четвертой ГК РФ. Так, в п. 3 Обзора в качестве примера обоснованного требования приводится требование о запрете не только предлагать к продаже и продавать, но также о запрете рекламировать изображение созданной автором скульптуры. В п. 2 ст. 1270 ГК РФ содержится упоминание только случая распространения произведения, выраженного на материальном носителе, путем продажи или иного отчуждения созданных оригинала или экземпляров, но ВС РФ справедливо признал необходимость запрета рекламы и предложения к продаже контрафактных экземпляров как продолжение общего законодательного требования о недопустимости использования произведения в любой форме и любым способом без согласия правообладателя, если иное не предусмотрено отдельными статьями ГК РФ.

Однако аналогичный подход необходимо применять также в случае распространения правомерно введенных в гражданский оборот экземпляров произведений (ст. 1272 ГК РФ), т. е. толковать данное ограничение, установленное в отношении исключительных прав, также расширительно, как допускающее возможность предложения к продаже и рекламы таких экземпляров, в отношении которых произошло исчерпание права на распространение.

В противном случае любая последующая перепродажа таких экземпляров не может осуществляться правомерным образом, т. к. любое информирование об их наличии с помощью сети Интернет, например в мегамаркетах, будет означать их незаконную рекламу и предложение к продаже.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Дворянкин О.А. Реклама в Интернете – новая информационная технология, которая нас ведет // Восточно-Европейский научный журнал. 2021. № 9-3. С. 4–12.
3. Егупов В.А. Реклама как объект авторского права // Юриспруденция. 2023. № 21. С. 35–36.
4. Каменский М.А. Авторское право и рекламная деятельность: проблемы правового регулирования и судебной практики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 43–51.
5. Каменский М.А. Гражданственно-правовое регулирование производства и распространения рекламы на территории Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 203 с.
6. Каменский М.А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав при осуществлении рекламной деятельности // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2018. № 2. С. 130–137.
7. Каменский М.А. Прослеживаемость интернет-рекламы как условие борьбы с нарушениями авторских и смежных прав при ее создании и распространении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. С. 160–162.
8. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 года // СПС «КонсультантПлюс».
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 18 изд. М.: Рус. яз., 1986. 800 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.

Об авторе:

КАМЕНСКИЙ Максим Андреевич – кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела административной работы, Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации (119049, г. Москва, ул. Большая Якиманка, 50), ORCID: 0000-0001-6847-282X, e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru

The fact of carrying out advertising activities as a criterion for liability for copyright infringement on the Internet

M.A. Kamenskiy

Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President, Moscow

The article discusses the peculiarities of the development of judicial practice on the issues of infringement of copyright and related rights in the Internet, related to the implementation of advertising activities. The author makes a

conclusion about the use in judicial practice of the fact of carrying out advertising activities and receiving income from its implementation as one of the criteria that allow to identify cases of infringement of rights to the results of intellectual activity, the responsibility for which should be borne by the owners of online services, including social networks and trading platforms. The importance of taking into account the "single intent of the infringer" approach developed by judicial practice to determine the amount of compensation in cases of infringement of copyright and related rights in advertising activities is noted. The conclusion is made that it is necessary to further develop judicial practice, taking into account the existing needs of economic activity.

Keywords: *advertising, online advertising, works, results of intellectual activity, exclusive rights, rights holders.*

About author:

KAMENSKIY Maksim – PhD in Law, Deputy Head of Administrative Department, Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President, Moscow (119049, Moscow, Bolshaya Yakimanka str., 50), ORCID: 0000-0001-6847-282X, e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru

Каменский М.А. Факт осуществления рекламной деятельности как критерий привлечения к ответственности за нарушения авторских прав в сети Интернет // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 7–15.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Определение неравноценности встречного предоставления при оспаривании подозрительных сделок должника

В.А. Кондратьев

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Москва

Объектом исследования являются правоотношения, складывающиеся при оспаривании подозрительных сделок должника по признаку неравноценного встречного предоставления в соответствии с законодательством о банкротстве. Автор на основании анализа законодательства, правоприменительной практики, научной литературы рассматривает подходы к определению критериев неравноценности встречного исполнения. В статье обосновывается вывод о необходимости использования оценочного подхода, поскольку правила законодательства о банкротстве в части недействительности сделок распространяются на действия, имеющие различную отраслевую природу, соответственно, возникают дополнительные факторы, влияющие на определение эквивалентности встречного предоставления.

Ключевые слова: оспаривание сделок, неравноценность встречного предоставления, банкротство, недействительность сделок, доля в уставном капитале, эквивалентность.

Банкротство в ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) определяется как неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам. Следовательно, возникает потребность решить проблему распределения имущества должника между его кредиторами [14, с. 72]. Очевидно, что в ситуации недостаточности имущества возникает конфликт как между интересами кредиторов, должника, бенефициаров должника. С.А. Карелина справедливо подчеркивает, что институт банкротства является средством разрешения конфликта интересов между различными субъектами соответствующих отношений [11, с. 4]. Безусловно, нельзя исключать и реабилитационную функцию банкротства, однако в текущих реалиях банкротство выполняет прежде всего ликвидационную функцию, которая как раз предполагает использование процедуры конкурсного производства с целью распределения оставшегося имущества должника между кредиторами.

В такой ситуации возрастает вероятность нарушения прав как всех кредиторов, так и некоторых из них путем передачи активов должника третьим лицам или перераспределение их в нарушение правил

установленной законом очередности. Также вполне очевидно, что в преддверии банкротства должник зачастую стремится к выводу своих активов, передачи их другим лицам с целью уменьшения конкурсной массы и сохранения контроля за ними за собой.

О.В. Гутников справедливо подчеркивает, что банкротство «заставляет должников предпринимать усилия по минимизации негативных последствий введения банкротных процедур, в том числе путем распространения различных недобросовестных практик создания искусственной задолженности с аффилированными кредиторами, вывода активов...» [9]. Очевидно, что в такой ситуации задачей законодателя является выработка определенных мер противодействия выводу активов должника и, соответственно, сохранения и пополнения конкурсной массы. Одной из таких мер является возможность оспаривания сделок должника, совершенных им в том числе до момента принятия заявления о признании должника банкротом.

Т.П. Шишмарева отмечает, что «против действий должника по выводу активов с целью причинения вреда кредиторам служит возврат отчужденного им имущества, истребуемый истцом и допускаемый законом, что достигается посредством предъявления Паулианова иска (actio Pauliana) как специального средства судебной защиты прав кредиторов несостоятельного должника» [17]. Тем самым исследователь приходит к выводу о том, что признание сделок должника недействительными является особым способом защиты, характерным именно для сферы банкротства.

Закон о банкротстве предусматривает оспаривание подозрительных сделок (ст. 61.2 Закона о банкротстве), оспаривание сделок должника, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами (ст. 61.3 Закона о банкротстве), а также иных сделок, предусмотренных законом о банкротстве.

Подозрительные сделки в свою очередь дифференцируются на две группы. К первой относятся сделки, совершенные с неравноценным встречным предоставлением (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве) соответственно, для признания их недействительными необходимо наличие двух условий: 1) совершение такой сделки в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, 2) неравноценность встречного предоставления другой стороны по сделке. Таким образом, для данного состава недействительности нет необходимости в установлении недобросовестности контрагента по сделке, цели причинения вреда и т. д.

Критерий неравноценности вызывает наибольшие сложности в правоприменительной практике и отечественные суды зачастую сталкиваются с этой проблемой. В п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве приводятся нормативный критерий неравноценности. Закон закрепляет, что сделка признается неравноценной в том числе в случае, если цена

этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка). Далее в законе подчеркивается, что неравноценным встречным исполнением обязательств будет признаваться, в частности, любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств.

Приведенная выше формулировка вызывает вопросы, поскольку законодатель определяет неравноценность через перечисление наиболее распространенных ситуаций, но не формирует универсальные признаки, исчерпывающим образом. В научной литературе предпринимались попытки дать определение неравноценности более исчерпывающим образом, например, Т.П. Шишмарева рассматривает неравноценность как признак, который означает «неэквивалентный характер обмена между сторонами сделки, который в соответствии с п. 1 ст. 61.2 Закона означает неравноценную передачу или иное исполнение должником гражданско-правового обязательства, которые по своей рыночной стоимости существенно превышают полученное должником встречное исполнение от его контрагента» [17]. Действительно, сама по себе сущность рассматриваемого основания недействительности говорит о недопустимости совершения сделок, в результате которых благо, выбывающее из имущественной массы должника менее ценное, чем то благо, которое должник поступает.

Как отмечается в юридической литературе «сложность рассмотрения требований по данному основанию заключается в том, что законодательством о банкротстве не установлены критерии существенности различия цены оспариваемой сделки от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки» [15, с. 122]. Тем самым могут быть предложены два варианта решения соответствующей проблемы либо путем установления заранее определенной суммы, либо использования оценочных характеристик.

Если говорить о формальном подходе, предполагающем заранее установленный показатель, то в отдельных законодательных актах такой подход используется, например, в ст. 28 Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» установлены конкретные суммы для определения сделок с акциями и долями в уставном капитале хозяйственных обществ, которые подлежат согласованию с антимонопольным органом. В ст. 45 Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной

ответственностью» назван процентный показатель, в соответствии с которым определяется крупный характер сделки (25 % балансовой стоимости). В п. 2 ст. 64 Закона о банкротстве устанавливается правило о недопустимости совершения без согласия временного управляющего сделок, превышающих пять процентов балансовой стоимости активов. Наличие указанных норм, с одной стороны, говорит о возможности использования заранее установленного показателя и применительно к оспариванию подозрительных сделок должника.

Однако вышеприведенный подход не находит широкой поддержки в научной литературе и судебной практике. Е.Д. Суворов, основываясь на позиции Верховного Суда РФ (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.02.2019 г. № 305-ЭС18-8671(2) по делу № А40-54535/2017) приходит к выводу о том, что выявление равноценностии должно основываться не только на цене, но и учитывать все обстоятельства совершения сделки [13]. Аналогичного подхода придерживаются и другие авторы [10, с. 134]. Если говорить о позиции, складывающейся в правоприменительной практике, то она также основывается на необходимости рассматривать неравноценность как оценочную категорию. Так, Верховный Суд РФ указала, что понятие неравноценности является оценочным, в силу чего к нему не могут быть применимы заранее установленные формальные (процентные) критерии отклонения цены [2]. Конституционный Суд РФ в свою очередь полагает, что «использование оценочных характеристик создает возможность эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций» [1].

Проводя соотношение данных подходов, нельзя не подчеркнуть, что установление четких числовых или процентных критериев, как правило, используется для тех ситуаций, когда предусмотрен особый порядок совершения сделки, в частности согласование сделки с третьими лицами или государственным органом. Такой подход, как представляется, обуславливается необходимостью создания предсказуемости и определенности для сторон, в противном случае субъекты, совершающие сделку, не имели бы возможности выявить, когда необходимо согласовывать, а когда нет. Больше того, при оспаривании подозрительной сделки оценка обстоятельств осуществляется судом, как юрисдикционным органом прежде всего на основании экспертизы, проведенной профессиональным субъектом. Весьма сомнительно наделять такой функцией стороны совершающей сделки при определении необходимости ее согласования. Использование такого оценочного критерия, как «существенное превышение стоимости», с одной стороны создает необходимую определенность для сторон сделки, так как при совершении сделки любой осмотрительный продавец (приобретатель) должен понимать приблизительную стоимость отчуждаемого или приобретаемого блага и

тем самым воздержаться от совершения сделок по цене не соответствующей рыночной, с другой стороны позволяет создать определенную гибкость при применении права.

Таким образом, неравноценность встречного предоставления оценивается в каждом конкретном случае отдельно, однако в качестве общего критерия можно назвать несоответствие цены в существенно худшую для должника в сторону рыночной цене передаваемого по сделке имущественного блага.

При этом примечательно, что в п. 8 Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» из под признака неравноценности исключаются те сделки, которые по своей природе не предполагают встречного предоставления, например, договор дарения, поручительства и т.п. Такие сделки могут быть оспорены по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, как совершенные с целью причинения вреда интересам кредиторов.

Более того, оценочный подход к существенности неравноценности встречного предоставления обусловлен различным характером оспариваемых по правилам Закона о банкротстве действиям. Так как с силу ст. 61.1 Закона о банкротстве оспорены могут быть не только сделки, в понимании ст. 153 Гражданского кодекса РФ как действия, направленные на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, но и действия по исполнению денежных обязанностей и обязательств, вытекающих из различного рода правоотношений, в частности, трудовых, семейных, налоговых, процессуальных и т.д. Следовательно, правовой характер совершающего действия напрямую влияет на определенности равнозначности встречного предоставления.

Например, в отечественной правоприменительной практике сформировался специфический подход к оспариванию действий, вытекающих из трудовых соглашений. Так, в одном из определений Верховный Суд РФ указал, что в ситуации, когда трудовые отношения сторон предполагают возможность материального поощрения работника, в том числе в виде безвозмездного или в иной форме льготного выделения жилого помещения, допустимо исходить из того, что для целей банкротства встречное предоставление работника может заключаться не только в предусмотренной условиями договора оплате, но и во вкладе в деятельность предприятия, которую вносит работник исходя из той трудовой функции, которую он выполнял в период до и после совершения сделки по условиям трудового договора [3]. В другом споре была сформулирована позиция, что «наличие в законодательстве о банкротстве приведенных специальных правил об оспаривании сделок (действий) не означает, что само по себе ухудшение финансового

состояния работодателя, его объективное банкротство ограничивают права обычных работников на получение всего комплекса гарантий, установленных ТК РФ» [4]. Данный подход можно признать вполне обоснованным, поскольку при определении равноценности встречного предоставления работнику необходимо учитывать не только рыночную стоимость его труда на данный момент, но и сложившуюся систему оплаты в организации, общий вклад работника в деятельность организации, изначальные условия заключения трудового договора и т. д.

Также определенную специфику имеют действия, совершаемые внутри группы лиц, например, передача имущества от основного общества дочернему. В данном случае формально безвозмездное отчуждение имущества по заниженной стоимости не может рассматриваться как неэквивалентное, так как за счет увеличения балансовой стоимости активов дочернего общества возрастает стоимость долей (акций), принадлежащих основному [5].

Необходимость учета дополнительных факторов также важно при оспаривании действий, связанных с созданием или ликвидацией юридических лиц, так как существенное влияние на определение равноценности встречного предоставления оказывают корпоративные аспекты, в частности, система управления в юридическом лице, объем прав конкретного участника, ограничения его прав. Верховный Суд РФ также подтвердил аналогичный подход в одном из определений. Исходя из материалов дела должник оплатил 99,9 % долей в уставном капитале зданием, принадлежащим ему на праве собственности, другой участник внес денежные средства, но при этом согласно положениям устава каждый из участников имел по одному голосу на общем собрании участников, независимо от размера доли. Суды нижестоящих инстанций не увидели в таких действиях неравноценности встречного предоставления, так как действительная стоимость доли соответствует стоимости переданного имущества. Верховный Суд РФ пришел к обратному выводу, отметив, что «любой разумный инвестор за такую мажоритарную долю не заплатит цену, сопоставимую со стоимостью недвижимости, которая отошла созданному обществу по спорной сделке. Следовательно, при передаче нежилых помещений в уставный капитал общества произошло существенное уменьшение активов должника» [6]. В данном случае система голосования, которая фактически уравнивает объем корпоративных прав независимо от размера доли, значительно снижает ценность мажоритарной доли.

Как представляется, специальный подход к определению равноценности сделок, связанных с долями в уставном капитале (акциями) обусловлен особым двойственным характером доли в уставном капитале, которая с одной стороны включает имущественный аспект, который предполагает право обладателя доли получить определенное имущественное предоставление, например, путем

заявления требования о выкупе доли, с другой стороны, неимущественный (корпоративный), который предусматривает право на участие в управлении и иные корпоративные права участника [12, 16]. Таким образом, наличие корпоративных прав у участника дает ему возможность участвовать в управлении, влиять на принимаемые решения. Соответственно, ценность доли определяется не только тем имущественным эквивалентом, который обладатель доли может получить в текущий момент, но и потенциальным имущественным эффектом, который может быть достигнут за счет реализации лицом своих корпоративных прав.

Кроме того, ценность доли предопределяется и наличием у общества нематериальных активов. Как указал Верховный Суд РФ: «зачастую стоимость доли формируется не только за счет формального превышения стоимости имущества общества над его обязательствами (активов над пассивами), но и исходя из того, что общество осуществляет хозяйственную деятельность. Наличие налаженного бизнеса, выстроенных связей с контрагентами, трудового коллектива, состоящего из профессиональных специалистов, деловой репутации, клиентской базы и иных нематериальных активов – способно существенным образом повысить стоимость доли участника» [7]. Очевидно, использование исключительно формального подхода не позволяет учитывать соответствующие факторы, следовательно, когда стоит выбор между ликвидацией общества и продажей доли, необходимо учитывать, что, как правило, отчуждение «готового бизнеса» может принести существенно больший доход нежели ликвидационная квота.

Еще одним нестандартным примером оценки неравноценности является оспаривание взаимосвязанных договоров. Сущность взаимосвязанных договоров состоит в том, что одна экономическая транзакция оформляется несколькими договорами, соответственно, при определении неравноценности необходимо учитывать всю совокупность договора. Как указал Верховный Суд РФ «в ситуации, когда отношения сторон являются сложноструктурированными, оспаривание одной из взаимосвязанных сделок (даже при наличии условий для признания ее недействительной) не может приводить к полноценному восстановлению положения, существовавшего до совершения всех сделок, в связи с чем такой способ защиты нельзя признать надлежащим» [8]. К примеру, когда отношения сторон, оформляются несколькими договорами, то необходимо оценивать все совокупное предоставление по всем договорам.

Подводя итог, можно сделать вывод, что определение неравноценности встречного предоставления при оспаривании подозрительных сделок должника, должно основываться на оценочных характеристиках, а не на формальном несоответствии рыночной стоимости встречного предоставления, поскольку разнообразие

оспариваемых действий создает потребность в оценке целого ряда дополнительных факторов, например, при оспаривании выплат работников, отчуждения долей в уставном капитале хозяйственных обществ, взаимосвязанных сделок.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.05.2022 по делу № 306-ЭС21-4742, А12-42/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.05.2024 № 305-ЭС17-21643(3) по делу № А40-120633/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2020 № 305-ЭС17-9623(7) по делу № А41-34824/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2020 № 306-ЭС19-2986(5) по делу № А65-27205/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.11.2019 по делу № 306-ЭС19-2986(3,4), А65-27205/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 306-ЭС19-13175(3) по делу № А65-24096/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2020 № 305-ЭС19-16046(3) по делу № А40-27329/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
10. Ефимов А.В. Судебная оценка экономических характеристик при разрешении корпоративных, обязательственных и банкротных споров // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 129–138.
11. Карелина С.А. Категория ответственности и институт несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 3–9.
12. Лаптев В.А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 3–36.
13. Суворов Е.Д. О некоторых вопросах защиты интересов кредиторов, нарушенных выводом денежных средств должника путем увеличения уставного капитала дочернего общества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 51–61.
14. Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 655 с.

15. Ульянкова Д.С., Иванова Л.В. Практика рассмотрения заявлений об оспаривании сделок должника в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) в Арбитражном суде Республики Карелия // Арбитражные споры. 2024. № 3. С. 120–125.
16. Филиппова С.Ю. Двойственность правовых последствий смерти участника общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2019. № 1. С. 20–24.
17. Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. 239 с.

Об авторе:

КОНДРАТЬЕВ Владимир Александрович – доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Российской государственной университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент (117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), SPIN-код: 1090-1799, AuthorID: 820287, ORCID: 0000-0002-9815-2197, e-mail: vakondratiev@bk.ru

Determination of the unequal value of consideration when challenging suspicious transactions of the debtor

V.A. Kondratyev

Russian State University of Justice, Moscow

The object of the study is the legal relations that arise when challenging suspicious transactions of the debtor on the basis of unequal consideration in accordance with the bankruptcy legislation. Based on the analysis of legislation, law enforcement practice, and scientific literature, the author examines approaches to determining the criteria for unequal consideration. The article substantiates the conclusion about the need to use an evaluative approach, since the rules of bankruptcy legislation in terms of invalidity of transactions apply to actions of different industry nature, accordingly, additional factors arise that influence the determination of the equivalence of consideration.

Keywords: challenging transactions, unequal consideration, bankruptcy, invalidity of transactions, share in the authorized capital, equivalence.

About author:

KONDRATIEV Vladimir – Associate Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Russian State University of Justice, Candidate of Law, Associate Professor (117418, Moscow, Novocheremushkinskaya St., 69), SPIN-code: 1090-1799, AuthorID: 820287, ORCID: 0000-0002-9815-2197, e-mail: vakondratiev@bk.ru

Кондратьев В.А. Определение неравноценности встречного предоставления при оспаривании подозрительных сделок должника // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 16–24.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.
Подписана в печать 12.12.2024 г.

Произведения и товарные знаки: проблемы соотношения

И.Ю. Попова

Московская коллегия адвокатов «Традиции адвокатуры», г. Москва

В статье анализируются проблемы, возникающие при попытках решить в законодательстве и судебной практике вопросы приоритетной охраны авторских прав при их конкуренции с правами на товарные знаки в случае, если при их регистрации использовались элементы произведений. Отмечаются противоречия, приводящие к отходу от базовых принципов охраны авторских прав при предъявлении дополнительных требований, связанных с известностью произведения на территории Российской Федерации, при решении вопросов защиты авторских прав на произведения, их названия или иные части, вошедшие в состав зарегистрированного товарного знака. Делается вывод о необходимости установления иерархии охраны рассматриваемых видов объектов интеллектуальных прав, в рамках которой исключительные права на произведения, возникающие в момент его создания в составе комплекса авторских прав, должны признаваться превалирующими над появляющимися впоследствии в силу регистрации исключительными правами на товарные знаки.

Ключевые слова: товарные знаки, произведения, исключительные права, правообладатели, результаты интеллектуальной деятельности, части произведений, названия произведений, персонажи.

В научных публикациях неоднократно отмечалась сложная коллизия, возникающая между авторскими правами и правами на товарные знаки [3, 6, 7, 9] как особыми видами объектов интеллектуальных прав, каждый из которых пользуется полноценной и самостоятельной охраной, основанных на разных принципах, возникающих в силу самого создания охраняемого объекта в отношении произведений и в силу регистрации охраняемого объекта в отношении товарных знаков.

На протяжении длительного времени законодательство, судебная и деловая практика пытаются выработать обоснованные и универсальные подходы, соответствующие специфическим отношениям, возникающим при использовании в составе обозначений, заявляемых на регистрацию в качестве товарных знаков, отдельных элементов произведений (фраз, названий, фрагментов изображений и т. д.) или кратких произведений (изображений, оригинальных слов и словосочетаний, имен персонажей, названий произведений, наименований мест действия и т. д.) [11, 13].

Исходя из последовательности возникновения прав представляется логически наиболее оправданным вариант, при котором соотношение

прав должно было бы основываться на признании приоритета авторского права, поскольку именно с создания, выражения в объективной форме произведения возникает его охрана, при этом на момент подачи заявки на регистрацию товарного знака произведение выражено в объективной форме, по крайней мере, при его включении в состав подаваемых для регистрации материалов. Следовательно, авторские права в данном случае возникают до появления прав на товарный знак, существуют задолго до того, как после последовательного проведения экспертизы будет завершена регистрационная процедура, товарный знак будет включен в реестр и возникнет исключительное право на него. Логотип как объект авторских прав всегда будет первичным по отношению к зарегистрированному обозначению как объекту прав на такое средство индивидуализации, как товарный знак.

Однако в законодательстве, несмотря на все вышеприведенные доводы, далеко не всегда приоритет отдается авторским правам, несмотря на их первичный характер и положения, закрепляемые законодательством об авторском праве. Так, согласно п. 9 ст. 1483 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1] запрет регистрации обозначения, охраняемого авторским правом, в качестве товарного знака распространяется только на случаи, когда имеет место сходство до степени смешения или тождественность заявленного на регистрацию обозначения не просто с каким-либо охраняемым элементом какого-либо охраняемого авторским правом произведения, а с элементом (персонажем, цитатой, названием) произведения, известного в Российской Федерации. Для того, чтобы автор мог требовать защиты его прав, в данном случае его произведение должно уже иметь известность на территории страны, причем права на произведение должны возникнуть до даты приоритета товарного знака, то есть до даты подачи заявки.

Если автор или иной правообладатель не смогут доказать известность произведения и факт возникновения прав на него, то есть факт его создания до даты приоритета, права на товарный знак окажутся не просто независимыми от прав на произведение, но и будут в определенной мере подавлять авторские права, препятствовать, например, использованию названия произведения в отдельных случаях, в дальнейшем не допускать возможности развития мерчандайзинга с использованием имен персонажей, их изображений или названия произведений или иных охраняемых элементов, в зависимости от того, что именно было зарегистрировано в качестве товарного знака и в отношении каких именно товаров и услуг действует приобретенная в силу его регистрации правовая охрана.

Наиболее странным с точки зрения общепринятого подхода к охране произведений выглядит установление особых условий

признания такой охраны в случае регистрации товарных знаков. От правообладателей авторских прав помимо объективного факта создания произведения до определенной даты и принадлежности исключительных прав на него определенному автору или иному правообладателю требуется также доказать известность произведения, причем на определенную дату в прошлом, когда некое не известное правообладателю на тот момент лицо без согласия правообладателя подало заявку на регистрацию в патентное ведомство.

Необходимость учитывать такой фактор, как известность произведения на территории страны, полностью противоречит базовым принципам охраны авторских прав. Для всех иных случаев защиты авторских прав признается, что их охрана возникает в силу создания, творческого акта автора, приводящего к выражению результата его деятельности в объективной форме. Исходя из положений ст. 1229 и ст. 1270 ГК РФ лицу, обладающему исключительным правом на произведение, должно гарантироваться, что только это лицо будет вправе использовать такое произведение любым способом и в любой форме [4], причем данная охрана распространяется также на любые элементы произведения, которые могут рассматриваться как результаты творчества, включая любые его части, персонажей, названия, отвечающие установленным ст. 1259 ГК РФ условиям.

В отношении защиты прав авторов применительно к случаям регистрации без их согласия товарных знаков с использованием результатов творческой деятельности таких авторов предъявляется дополнительное, никак не урегулированное в авторском праве и недостаточно определенное требование о наличии известности произведения. Данное требование получило закрепление в законодательстве о товарных знаках и постепенно стало все чаще применяться в судебной практике, которая к тому же пошла по пути еще большего ограничения прав авторов произведений.

При рассмотрении дела, связанного с защитой прав на словосочетание «системно-векторная психология», представляющее собой фрагмент из изданного, но малоизвестного произведения, суд признал правомерным регистрацию товарного знака с использованием данного словесного элемента, исходя из неизвестности произведения на территории Российской Федерации [9, с. 191], хотя с точки зрения охраны авторских прав в данном случае следовало бы анализировать вопрос скорее о возможности охраны данного словосочетания авторским правом, наличия в нем элемента творчества, признания его результатом творческой деятельности. Вместо этого суд ограничился формальной констатацией факта, который не может быть доказан объективным образом, т. к. вряд ли можно в эпоху развития Интернета предполагать, что произведение, обнародованное в какой-либо

зарубежной стране и размещенное в сети Интернет, является полностью не известным в Российской Федерации.

Законодательство не указывает на необходимость учета степени известности произведений или их известности широкому кругу лиц. Между тем в судебной практике периодически возникают решения, в которых даже приведенный выше подход, основанный на предположении о полной неизвестности произведения, ставится под сомнение, и суды исходят из того, насколько широко произведение в определенный момент известно публике. Например, судами признается возможность того, что даже ранее известные произведения (книга «Клуб веселых и находчивых») могут перестать обладать известностью, достаточной для защиты прав на них, на дату регистрации товарного знака («КВН») [9, с. 191–192; 14], в том числе ввиду утраты ассоциативных связей у потребителей [12, 15].

Проблема заключается в том, что такие подходы приводят к размытию общих принципов авторско-правовой охраны, которая традиционно не зависела от назначения и достоинства произведения, степени его известности и даже наличия у публики информации об авторе произведения. Получается, что для сохранения особых положений законодательства о товарных знаках при решении вопросов их регистрации и поддержании их правовой охраны неопределенным образом ограничивается законодательно установленная охрана прав авторов [2]. Данный подход представляется необычным для сферы интеллектуальной собственности, так как для большинства относящихся к ней объектов ограничения устанавливаются непосредственно в положениях, определяющих случаи и условия их охраны. Например, такие ограничения применительно к объектам авторских прав установлены статьями 1272–1280 ГК РФ и никаких ограничений, связанных с особенностями охраны произведений, включенных в товарный знак, указанными статьями не предусмотрено.

Наиболее обоснованным представлялся бы иной подход, опирающийся на отчетливую иерархию положений об охране прав на отдельные виды средств индивидуализации и результатов интеллектуальной деятельности, обусловленный в том числе особенностями возникновения и использования таких объектов. При этом за творческими результатами, создаваемыми авторами, должно признаваться преимущество при предоставлении охраны.

Исключительные права на произведение возникают непосредственно после его создания в объективной форме. Таким образом, при попытке использования произведения или любого его элемента (части, персонажа, названия) для его включения в заявляемое обозначение при регистрации товарного знака следует учитывать, что исключительные права на такой элемент уже действуют, у такого

элемента существует правообладатель, права которого будут нарушены при регистрации.

Следовательно, регистрация товарных знаков без согласия авторов или иных обладателей прав на соответствующие произведения должна признаваться недопустимой в любом случае, вне зависимости от степени известности произведения на какой-либо территории или знакомства с ним какой-либо значимой части потребителей или отдельных представителей публики.

Разумеется, при этом речь должна идти именно об охраняемых авторским правом элементах произведения. Основным вопросом при выявлении правомерности включения какой-либо части, фрагмента, названия или иного элемента произведения в состав товарного знака должен стать вопрос о том, возможно ли рассматривать такую часть, название или иной элемент произведения в качестве объекта, пользующегося авторско-правовой охраной.

При закреплении положений, предусмотренных п. 9 ст. 1483 ГК РФ, как представляется, произошло смешение разных подходов в результате попытки отразить недопустимость регистрации произведений и их частей, персонажей, названий в качестве товарных знаков без указания на то, что данное положение относится только к охраняемым объектам авторских прав. В результате, с одной стороны, фактически игнорируется охрана неизвестных и малоизвестных произведений, несмотря на все гарантии, предоставляемые авторским правом, а с другой стороны, создаются предпосылки для оспаривания правомерности регистрации товарного знака, если в него в качестве элемента вошло, например, название произведения, хотя и не охраняемое авторским правом, но известное на территории Российской Федерации.

Невозможно логически обосновать подход, при котором соблюдение прав автора ставится в зависимость от того, насколько широко стало известно его произведение в определенный момент, тем более что законодательство в силу недостаточной детализации не устанавливает никаких критериев для оценки степени известности произведений, необходимой для того, чтобы «заслужить» охрану от несанкционированного включения в чужой товарный знак. Известность произведения может изменяться, что происходит особенно быстро, например, в случае выхода фильма, основанного на книге, активной ротации песен на радио- и телевидении, проведении рекламных компаний и в других случаях. Во многих случаях ранее известные произведения могут постепенно утрачивать узнаваемость у публики, что не должно лишать охраны права авторов и их наследников, тем более что интерес к таким произведениям также может быть возрожден.

Закрепляемый в законодательстве подход ставит в уязвимое положение не только авторов, но и продюсеров, инвестирующих в

аудиовизуальные проекты или театральные и развлекательные постановки, т. к. до момента начала их рекламы и показа любое лицо, которому станет известно планируемое название такого проекта, может подать на регистрацию товарный знак с тождественным или сходным обозначением.

Согласно п. 7 ст. 1259 ГК РФ охрана названию произведения или его персонажу предоставляется при условии, что сами по себе они представляют охраняемые авторским правом результаты творческой деятельности, выраженные в объективной форме. В рассматриваемых положениях п. 9 ст. 1483 ГК РФ критерий наличия охраняемого результата творческой деятельности подменяется критерием «известности» произведения, название, персонаж или цитата из которого используется.

Для дальнейшего развития законодательства и судебной практики необходимо признать, что безусловной и приоритетной охраной пользуются произведения, их части, персонажи, названия и иные элементы, представляющие собой результаты творческой деятельности авторов и в силу этого охраняемые авторским правом. Критерий известности применительно к таким объектам не имеет какого-либо значения, т. к. если в состав товарного знака вошел элемент, не охраняемый авторским правом, то в отношении такого элемента не могут быть предъявлены какие-либо претензии ввиду отсутствия у такого элемента правообладателя.

В случае, если в намерения законодателя входит обеспечение охраны названий известных произведений, то вопрос о недопустимости их использования без согласия правообладателей при регистрации товарных знаков должен решаться отдельно, т. к. он выходит за пределы действия традиционных авторских прав, закрепляемых в соответствии с континентальной моделью авторского права в отношении только творчески обусловленных результатов. Охрана известных названий произведений вне зависимости от их творческого характера представляет собой особое специальное решение, направленное на урегулирование определенных правоотношений, находящихся за рамками традиционного авторского права.

Предлагаемый в настоящей статье подход основывается на необходимости установления отчетливой иерархии рассматриваемых видов объектов интеллектуальных прав, в рамках которой исключительные права на произведения, возникающие в момент его создания в составе комплекса авторских прав, должны признаваться превалирующими над появляющимися впоследствии в силу регистрации исключительными правами на товарные знаки. Данный подход будет однозначным образом ориентировать лиц, намеренных осуществить регистрацию товарных знаков, вступать в договорные отношения [5] с правообладателями тех произведений, которые (или их

части, имена образы персонажей, охраняемые названия которых) будущие правообладатели товарных знаков хотят использовать в качестве элементов регистрируемых ими средств индивидуализации.

При этом включение произведения или его части в состав регистрируемого обозначения, если оно осуществляется с согласия правообладателя, должно приводить к прекращению охраны такого включенного элемента средствами авторского права при его использовании в составе зарегистрированного товарного знака, чтобы исключить основания для конфликта прав и наличия у одного и того же объекта нескольких разнородных правообладателей.

Предлагаемый подход позволит упростить оценку возникающих на практике ситуаций с точки зрения правомерности использования произведений в составе товарных знаков, исключить возникновение сложных конфликтов с вовлечением в них третьих лиц, к которым могут предъявляться претензии как со стороны правообладателей произведений, так и со стороны правообладателей товарных знаков [8, 10], и в целом будет способствовать росту стабильности гражданского оборота и гармонизации отношений между его участниками.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Белов С. О субсидиарном применении норм авторского права к отношениям по возникновению права на товарный знак // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 4. С. 47–56.
3. Белов С. Произведение в составе товарного знака: особенности правового регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 12. С. 26–32.
4. Гаврилов Э.П. О содержании исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Хозяйство и право. 2017. № 6 (485). С. 3–12.
5. Деноткина А. Договор об использовании объектов авторского права в качестве товарных знаков. Некоторые аспекты // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 7. С. 45–50.
6. Зайцева В.А., Янушевская Ю.И. Проблема оценки охраноспособности товарных знаков, включающих в себя авторские произведения // Еротен. Global. 2023. № 33. С. 153–157.
7. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Актуальные вопросы правоприменения / О.В. Добринин, М. М. Карелина, Е. А. Моргунова [и др.] // Российское правосудие. 2016. № S1. С. 230–252.
8. Зуйков С. А. О рисках использования объектов авторского права и товарных знаков в видеоиграх // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 1. С. 79–86.
9. Иванов Д.А. Авторское право и товарные знаки: проблемы судебной практики // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 190–194.

10. Копьева Е.С. К вопросу о соблюдении интеллектуальных прав при продаже товаров на маркетплейсах // Фундаментальные проблемы и перспективы развития предпринимательского права, конкурентного права и арбитражного процесса в современных экономических условиях санкционной политики. Волгоград, 2022. С. 156–165.
11. Лабзин М.В. Коллизии между произведениями и товарными знаками в контексте положений статьи 1483 ГК РФ // Интеллектуальные права: вызовы 21-го века. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2022. С. 103–110.
12. Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с применением положений статьи 1483 ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс».
13. Фридман В.Э. Коллизионные вопросы, связанные с защитой авторских прав и прав на товарные знаки / промышленные образцы в судебной практике // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 38, № 3. С. 52–60.
14. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23.03.2020 г. по делу СИП № 387/2019 // Каталог арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 02.09.2024).
15. Решение Суда по интеллектуальным правам от 28.11.2019 г. по делу СИП № 387/2019 // Каталог арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 02.09.2024).

Об авторе:

ПОПОВА Ирина Юрьевна – кандидат юридических наук, Председатель Московской коллегии адвокатов «Традиции Адвокатуры», г. Москва (123317, г. Москва, ул. Литвина-Седого, д. 5/1), ORCID: 0000-0001-7645-5341, e-mail: popova@finrez.ru

Works and trademarks: problems of correlation

I.Y. Popova

Moscow Collegium of Advocates "Traditions of the Bar", Moscow

The article analyzes the problems arising in attempts to solve in the legislation and judicial practice the issues of priority protection of copyright and trademark rights in the case of registration as trademarks or their elements of works. Contradictions leading to a departure from the basic principles of copyright protection are noted, when additional requirements related to the fame of the work in the territory of the Russian Federation, when addressing the issues of copyright protection for works, their titles or other parts included in the registered trademark. It is concluded that it is necessary to establish a hierarchy of protection of the considered types of objects of intellectual rights, in the framework of which the exclusive rights to the work, arising at the time of its creation as part of the copyright complex, should be recognized as prevailing over the exclusive rights to trademarks that appear later by virtue of registration.

Keywords: trademarks, works, exclusive rights, rights holders, results of intellectual activity, parts of works, titles of works, characters.

About author:

POPOVA Irina – PhD in Law, Chairman of the Moscow Collegium of Advocates "Traditions of the Bar", Moscow (123317, Moscow, Litvina-Sedogo str., 5/1), ORCID: 0000-0001-7645-5341, e-mail: popova@finrez.ru

Попова И.Ю. Произведения и товарные знаки: проблемы соотношения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 25–33.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Зашита прав потребителя: закон и реальность

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье, посвященной 30-летию Гражданского кодекса Российской Федерации, рассматриваются вопросы взаимодействия двух нормативно-правовых актов (настоящего закона и ФЗ РФ «О защите прав потребителей») в части регулирования и защиты прав потребителей, пострадавших от ненадлежащего качества товаров или услуг, важности владения знаниями о своих правах как потребителей, преимуществ владения такого рода знаниями, защищающими от недобросовестных продавцов, позволяющими экономить время и ресурсы, повышающими юридическую грамотность и формирующими ответственное потребление, в том числе у студентов неюридических специальностей. Одновременно в статье констатируется несовершенство действующего законодательства в части правового регулирования интернет-торговли, дистанционной продажи товаров и в целом услуг, предоставляемых потребителям в условиях глобальной цифровизации. С учетом примера личного претензионного порядка в статье предлагается алгоритм действий потребителя при приобретении некачественного товара на маркетплейсе Ozon. При этом констатируется необходимость внесения изменений в действующий ФЗ РФ «О защите прав потребителей» в части возврата товара ненадлежащего качества в гарантийные сроки.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, ФЗ РФ «О защите прав потребителей», интернет-торговля, дистанционная продажа товаров, алгоритм действий, некачественный товар, оказание услуг ненадлежащего качества, претензионный порядок, маркетплейс, Ozon, гарантийные сроки, сезонность товара, процедура возврата товара.

30 лет назад, в 1994 г., вступил в силу Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) – основополагающий документ, который стал краеугольным камнем в регулировании гражданских правовых отношений в нашей стране.

Принятие ГК РФ стало знаковым событием в юридической и экономической жизни Российской Федерации, поскольку правовая база, заложенная данным нормативно-правовым документом, создала предсказуемую и стабильную правовую среду для функционирования рыночной экономики в России, стала основой для многих последующих законов и подзаконных актов.

В рамках преподавания дисциплины «Правоведение» студентам неюридических специальностей читается лекция «Основы гражданского права», проводятся семинарские занятия, в ходе которых изучаются

основные понятия ГК РФ: объекты и субъекты гражданского права, право собственности и иные вещные права, отдельные виды обязательств (купля-продажа, мена, дарение), общие положения о наследственном и интеллектуальном праве. Отдельное семинарское занятие посвящается и изучению норм Федерального закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 08.08.2024 г.) [2] (далее – Закон), который регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами, в том числе на основании норм ГК РФ, а также иных нормативно-правовых актов.

Следует отметить, что ГК РФ и Закон представляют собой две ключевые правовые ниши, регулирующие отношения между потребителями и продавцами (исполнителями).

Так, нормы ГК РФ в части защиты прав потребителей носят общий характер. Например, ГК РФ содержит главы и параграфы, нормы которых регламентируют заключение и исполнение договоров с участием потребителей (например, п. 2 гл. 30 о розничной купле-продаже), обеспечивают базовые права граждан, включая право на информацию, право на безопасность и право на возмещение убытков [1]. Закон же детализирует механизмы защиты этих прав, устанавливая порядок действий потребителей. При этом нормы Закона имеют приоритет над общими положениями ГК РФ, если они касаются нарушений потребительских прав.

С учетом изложенного, два этих нормативно-правовых акта взаимодополняют друг друга, создавая правовую основу для защиты интересов потребителей и обеспечивая баланс между правами сторон в гражданском обороте. При этом важной частью законодательства является возможность обращения потребителей в суд для защиты своих прав, поскольку согласно как Закону, так и ГК РФ, пострадавшие от ненадлежащего качества товаров или услуг имеют право на возмещение убытков. Последнее обстоятельство создает дополнительный стимул для продавцов, поскольку заставляет их соблюдать все требования законодательства и обеспечивать высокое качество своей продукции. Потребители же, осведомленные о своих правах, становятся более активными и защищенными. Всё это в конечном итоге ведет к укреплению доверия между сторонами и развитию здоровой конкурентной среды.

При этом немаловажную роль здесь играет и сам процесс обучения потребителей, в том числе студентов, алгоритму действий при приобретении некачественного товара или оказания услуги ненадлежащего качества.

Следует отметить, что в современном мире потребление товаров и услуг стало неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека, включая студентов.

При этом многие молодые люди зачастую не осознают всей важности владения знаниями о своих правах как потребителей, преимуществ владения такого рода знаниями, защищающими от недобросовестных продавцов, позволяющими экономить время и ресурсы, повышающими юридическую грамотность и формирующими ответственное потребление.

Так, знание своих прав в сфере потребительского рынка позволяет студентам избегать мошенничества и недобросовестных действий со стороны продавцов. Например, студент может столкнуться с ситуацией, когда ему продан некачественный товар или услуга. Если он знает свои права, он сможет потребовать замены товара, возврата денег или устранения недостатков.

Кроме того, понимание законов о защите прав потребителей помогает сэкономить время и ресурсы. Вместо того, чтобы тратить часы на споры с продавцом, студент, знающий свои права, может быстро и эффективно решить проблему, опираясь на положения закона. При этом владение основами потребительского права способствует повышению общей юридической грамотности студента, поскольку эти знания могут пригодиться не только в студенческие годы, но и в дальнейшей профессиональной деятельности. Ну и наконец, осознание своих прав и обязанностей как потребителя способствует формированию культуры ответственного поведения на рынке, когда студент начинает более осознанно подходить к выбору товаров и услуг.

В ходе практических занятий правовые шаги по защите своих интересов в сфере потребительского рынка и предоставляемых услуг разбираются со студентами не только на примерах обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации [4], но и на примере личного претензионного порядка, реализованного в отношении маркетплейса Ozon¹ [5]. Он оказался очень поучительным, способным на деле продемонстрировать действенность предложенных законодателем в ГК РФ способов защиты гражданских прав.

Согласно законодательству, претензионный порядок – это процедура, в ходе которой стороны, участвующие в сделке, могут договориться о правилах урегулирования конфликта до обращения в суд. Несмотря на то что Законом не предусмотрена обязательность досудебной процедуры, им все же гарантируются дополнительные виды ответственности за непринятие мер к решению конфликта во внесудебном порядке² [7]. При этом следует отметить, что нормы ГК

¹ Аналитиками рынка отмечается активность двух российских маркетплейсов (Ozon и Wildberries), занимающих 80 % на рынке онлайн-торговли в России, на каждую из площадок которых пользователи заходят более 300 млн раз в месяц.

² Так, ст. 13 Закона о защите прав потребителей предусматривает взыскание штрафа в размере 50 % с нарушителя прав потребителя в случае невыполнения требований в добровольном порядке. Также Закон устанавливает право взыскания неустойки в

РФ и Закона несовершены в части правового регулирования интернет-торговли, дистанционной продажи товаров¹ [6] и в целом услуг, предоставляемых потребителям в условиях глобальной цифровизации. Уже очевидный факт, что при покупке товаров в ходе онлайн-торговли нарушения прав потребителя неизбежны. И это не только из-за расхождения информации о фактическом состоянии предоставленного товара покупателю с той информацией, которая содержится о нем на сайте продавца. Нарушения прав потребителей отмечаются и в особенностях процедуры возврата приобретенного товара.

Итак, согласно данным сайта Ozon, возврат товара возможен в течение 7 дней, 30 дней (с подпиской Premium в течение 60 дней), а также в течение гарантийного срока. При этом на сайте компанией предлагаются способы возврата товара, среди которых, в числе прочего, и возврат товара в пункт выдачи [8].

Однако каждый, кто хоть раз пользовался данным маркетплейсом в целях возврата товара, знает, что прежде чем отнести его в пункт выдачи, покупателю необходимо оформить на сайте заявку на возврат, указав причину возврата и прикрепив фото товара и его недостатков в личном кабинете покупателя.

И особенностью работы маркетплейса, нарушающей права потребителей, как раз и является то обстоятельство, что фактически прикрепить все вышеуказанные документы можно только в течение 30 дней (с подпиской Premium в течение 60 дней). После истечения указанного срока сделать это невозможно. То есть гарантийные сроки, установленные законодателем для возврата сезонных товаров, на маркетплейсе Ozon по факту не работают!

Автор столкнулась с этой проблемой сама, когда в феврале 2024 г. безуспешно пыталась вернуть на Озон купленные у них зимние ботинки (в пункте выдачи обратно бракованный товар не принимали, указывая на необходимость оформления заявки на возврат в личном кабинете, при этом в личном кабинете прикрепить заявку на возврат было невозможно в связи с истечением срока в 30 дней со дня покупки).

Претензию пришлось направлять Генеральному директору ООО «Интернет Решения» заказным письмом по Почте России с указанием о нарушении маркетплейсом Озон ст. 19 Закона, согласно которой гарантийный срок для сезонных товаров (обуви, одежды и пр.) исчисляется с момента наступления соответствующего сезона, который,

размере 1 % от стоимости некачественного товара за каждый день задержки возврата денежных средств. Стоит отметить, что на практике и требование о возмещении морального вреда может быть удовлетворено в меньшем размере, если не будут представлены доказательства досудебного обращения к продавцу (исполнителю).

¹ Понятие «интернет-магазин» бытовое, а не законодательное. В данном случае речь идет о публичной оферте и дистанционной торговле (или продаже товаров по образцам).

в свою очередь, определяется субъектами Российской Федерации исходя из климатических условий места нахождения потребителя.

В соответствии с постановлением Администрации Тверской области от 02.12.2003 г. № 399-па «О сроках наступления сезонов при продаже отдельных видов промышленных товаров на территории Тверской области» [3] для зимней обуви гарантийный срок носки исчисляется с 15 ноября по 31 марта.

С учетом изложенного, представляется, что заявка на возврат в личном кабинете покупателя Ozon должна оформляться не в 30-дневный и премиальный 60-дневный сроки, а в индивидуальном порядке, в соответствии с особенностями товара, приобретенного покупателем.

Подобные несправедливые случаи ограничения прав потребителя при возврате или обмене товаров ненадлежащего качества, установленные или устанавливаемые продавцом, следует признать недопустимыми, в том числе и на законодательном уровне, в связи с чем ч. 4 ст. 26.1 Закона, регулирующую дистанционный способ продажи товаров, надлежит изложить в следующей редакции: «Потребитель вправе отказаться от товара в любое время до его передачи, а после передачи товара – в течение семи дней, а также в течение гарантийного срока, установленного для сезонных товаров».

В заключение следует отметить, что ГК РФ за 30 лет своей истории доказал свою значимость и эффективность. Он стал надежным фундаментом для развития рыночной экономики и защиты прав граждан. В то же время перед ГК РФ еще много вызовов и задач, в том числе связанных с цифровизацией общества, решение которых будет способствовать укреплению правовой базы и экономической стабильности нашей страны.

Что же касается Закона, то знания о правах потребителей играют важную роль в жизни каждого человека, включая студентов. Эти знания помогают защищать свои интересы, экономить время и деньги, а также формировать культуру ответственного потребления. Важно, чтобы университеты и колледжи включали основы законодательства о защите прав потребителей в свои образовательные программы на постоянной основе, чтобы подготовить студентов к реальной жизни и научить их грамотно пользоваться своими правами.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 08.08.2024 г.) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Администрации Тверской области от 02.12.2003 г. № 399-па «О сроках наступления сезонов при продаже отдельных видов

промышленных товаров на территории Тверской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 14.10.2024).

4. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.10.2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/33038/> (дата обращения: 08.10.2024).

5. Ozon и Wildberries впервые вошли в топ-10 маркетплейсов мира по числу посещений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/05/05/1035562-ozon-i-wildberries> (дата обращения: 08.10.2024).

6. В чем отличие интернет-торговли от дистанционной торговли? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.ru/question/107212-v-chem-otlichie-internet-torgovli-ot-distantsionnoy-torgovli> (дата обращения: 14.10.2024).

7. Памятка потребителю по составлению претензии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.engels-city.ru/glavaraiion> (дата обращения: 14.10.2024).

8. Сайт Ozon [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ozon.ru/> (дата обращения: 14.10.2024).

Об авторе:

САПРОНОВА Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 8184-3045, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

Consumer protection: law and reality

T.P. Sapronova

Tver State University, Tver

The article, dedicated to the 30th anniversary of the Civil Code of the Russian Federation, examines the interaction of two regulatory acts (this law and the Federal Law of the Russian Federation “On the Protection of Consumer Rights”) in terms of regulating and protecting the rights of consumers affected by inadequate quality of goods or services, the advantages of owning this kind of knowledge, which protects against unscrupulous sellers, saves time and resources, increases legal literacy and forms responsible consumption, including among students of non-legal specialties. At the same time, it is stated that the current legislation is imperfect in terms of legal regulation of Internet commerce, distance selling of goods, and, in general, services provided to consumers in the context of global digitalization. Taking into account the example of a personal complaint order, the article proposes an algorithm for the consumer’s actions when purchasing a low-quality product on the Ozon marketplace. At the same time, it is stated that there is a need to amend the current Federal Law of the Russian Federation “On the Protection

of Consumer Rights” regarding the return of goods of inadequate quality within the warranty period.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation “On the Protection of Consumer Rights”, Internet commerce, distance selling of goods, algorithm of actions, low-quality goods, provision of services of inadequate quality, claim procedure, marketplace, Ozon, warranty periods, seasonality of goods, procedure return of goods.

About author:

SAPRONOVA Tamara – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8184-3045, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

Сапронова Т.П. Защита прав потребителя: закон и реальность // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 34–40.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Некоторые аспекты извечной проблемы «отцы и дети»

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются проблемные вопросы взаимоотношений родителей и детей в сфере имущественных правоотношений. С позиций необходимости сохранения традиционных семейных ценностей рассмотрены вопросы права собственности и раздела имущества супругов, отсутствие необходимого регулирования имущественных прав детей. Показаны положительные и отрицательные моменты в правовом регулировании эмансипации и практики ее применения. Поддержана позиция о необходимости рассмотрения дел о признании несовершеннолетних полностью дееспособными в порядке искового производства. Обоснована необходимость отнесения этих дел исключительно к компетенции суда. Обращено внимание на определенное отставание законодательства в вопросе участия представителя по назначению для защиты прав несовершеннолетних. Также необходимо более оперативно устранять пробелность законодательства, которая компенсируется некоторым образом разъяснениями в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Обращено внимание на дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и основания ее ограничения. Сделан вывод о том, что в семье, где реально руководствуются семейными ценностями, в принципе не возникает необходимости в применении эмансипации или лишении несовершеннолетнего права распоряжаться своими доходами. Это и есть современные аспекты проблемы «отцы и дети».

Ключевые слова: родители, дети, право собственности, эмансипация, семейные ценности, дееспособность, ограничение дееспособности, исковой порядок.

Вопросы семьи и заботы о детях постоянно находятся в фокусе внимания представителей самых различных направлений науки, но особо значимы исследования в области права. Статья 38 Конституции РФ провозглашает, что государство обеспечивает защиту семьи и детей [1]. Но конкретные вопросы семьи и семейных ценностей требуют специального правового регулирования, которое не всегда «успевает» за быстро меняющимися общественными отношениями. Рассматривая проблемные вопросы семьи и семейных ценностей, О.Ю. Ильина отмечает: «К сожалению, провозглашенные ценности нуждаются в защите именно посредством совершенствования семейного законодательства, поскольку ценность самой семьи девальвирована настолько, что уйдет далеко не один год на возможное восстановление авторитета семьи и осознание ценности своего состояния в ней» [9,

с. 117]. Трудно не согласиться с таким выводом, но для решения задачи защиты семьи необходим комплексный подход, и совершенствовать необходимо не только нормы семейного права, но и множество других, особенно в гражданском праве и в отраслях, обеспечивающих порядок судебной защиты прав и охраняемых законом интересов.

Необходимо учитывать также психологические, морально-нравственные основы отношений между членами семьи. Отношения родителей и детей исторически были основаны не только на правовых нормах, а в значительной степени на обычаях и традициях. Это сохраняется и до настоящего времени, отношения в семье в силу своего характера не могут быть полностью урегулированы правом, именно поэтому в ст. 5 Семейного кодекса РФ указано о том, что отношения членов семьи могут быть урегулированы на основе «принципов гуманности, разумности и справедливости» [5]. Однако очевидно, что даже такие, казалось бы, понятные принципы могут трактоваться в рамках конкретных семей по-разному.

Определенная консервативность законодательства является положительным моментом, поспешное изменение устоявшихся правил не всегда достигает желаемого результата. Но серьезное отставание от происходящих в обществе процессов и отсутствие необходимой вариативности также могут приводить к негативным результатам, особенно в сфере семейных правоотношений.

Отношения родителей и детей были и остаются системообразующими для семьи в целом. Современное законодательство, на первый взгляд, ничем не напоминает давние нормы о «родительской власти», но если посмотреть на проблему более пристально, то отголоски этого найти можно. Проблема «отцы и дети», поднятая в XIX в. великим русским писателем И.С. Тургеневым, относится, скорее, к сфере идеологии и философских воззрений на государство и роль личности в нем. В определенных пределах это вечная тема, поскольку каждое поколение живет в несколько иных условиях, что особенно очевидно в настоящее время, когда жизнь людей во многом переходит «в цифру». В настоящее время законодателей больше должен волновать возможный конфликт родителей и детей, основанный на имущественных отношениях. Статья 27 Конвенции о правах ребенка посвящена вопросам обеспечения необходимого материального уровня жизни детям, и эта обязанность возлагается на родителей с оговоркой «в пределах финансовых возможностей» [2], а также на государство.

Представляется необходимым посмотреть с позиции реалий современной жизни на имущественные отношения родителей и детей.

Прежде всего следует обратить внимание, что в контексте семейных ценностей понятие «дети» не совпадает с его юридическим содержанием. В соответствии с нормами права статус ребенка

утрачивается с достижением им восемнадцати лет, и, соответственно, прекращаются права и обязанности родителей по отношению к детям, кроме некоторых исключений, обеспечивающих в предусмотренных законом случаях дополнительные гарантии. Но если принять за основу именно семейные ценности, то дети остаются таковыми для своих родителей на всю оставшуюся жизнь, и это является абсолютно естественным для большинства семей. При этом нельзя забывать о том, что пренебрежение семейными ценностями и отсутствие родительской любви и заботы тоже встречаются, именно здесь и необходимо, как представляется, изменение правового регулирования отношений между родителями и детьми.

Названное положение Конвенции о правах ребенка предполагает, что в различных семьях практически нет абсолютного равенства финансовых возможностей. Для малоимущих государство обязано предусматривать дополнительные гарантии, и это находится за рамками вопросов о семейных ценностях. Проблема, хотя это может показаться несколько странным, касается семей с высоким уровнем достатка. До достижения совершеннолетия родители обязаны содержать и воспитывать своих детей, а вот после этого все зависит от воли родителей, и они могут отказать своим детям в материальной поддержке. В связи с этим вспоминается повесть А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка», в которой гениальный автор очень точно, буквально одной фразой осветил подобную проблему. Старый Берестов грозит своему сыну за непослушание тем, что и «полушки медной ему не оставит».

Современное законодательство, как представляется, мало что изменило в этом отношении. Родители, как и в прежние века, могут не оставить даже наследства своим совершеннолетним детям. Вряд ли есть смысл особо убеждать кого-то в том, как далеко это от семейных ценностей. Ведь все, что есть хорошего и плохого в детях, – заслуга или вина их родителей, следовательно, они не имеют морального права отказываться от своих детей и их поддержки.

Есть и еще один очень важный аспект. Часто материальное благополучие семьи достигается в ущерб прочим ее ценностям. Ребенок растет, не получая необходимого родительского внимания, а это много хуже, чем отсутствие возможности предоставлять дорогие удовольствия.

Нередко дети определенным образом участвуют или содействуют предпринимательской деятельности родителей, но это, как правило, никак не закрепляется юридически. Развитие получают семейные предприятия, анализируя которые, Д.А. Пономарев обратил внимание, что «круг участников отношений, связанных с семейным предпринимательством, в настоящее время не определен, отсутствуют согласованные критерии» [12, с. 136]. Но автор не затрагивает проблему

несовершеннолетних членов семьи, а ведь это требует дополнительного правового регулирования.

Вызывает серьезный вопрос, если мы хотим развивать именно семейные ценности, правило относительно раздела общего имущества супружеского. В определенный период было, безусловно, очень важным для обеспечения равенства в семье мужчины и женщины установление режима общей совместной собственности и равенства долей супружеских, но в настоящее время эти нормы, возможно, должны быть изменены. Статья 39 Семейного кодекса РФ определяет равенство долей супружеских при разделе общего имущества и возможность отступить от этого в интересах несовершеннолетних детей [5]. А если к этому добавить правило о регулировании имущественных отношений с помощью брачного договора, то возникает подозрение, что, несмотря на политику государства в области демографии, все это рассчитано на семьи, не имеющие детей. Неопределенность в регулировании вопроса о реальности защиты имущественных прав детей, причем не только несовершеннолетних, имеет следствием то, что ребенок не получает того, к чему, возможно, привык, а следовательно, не должен лишаться только потому, что его родители решили расторгнуть брак. Как член семьи ребенок, в том числе и совершеннолетний, должен иметь свою законную долю в общем имуществе супружеских, поскольку это имущество семьи в целом. И подобное «расчленение» семьи на супружеских и детей вместо более соответствующего семейным ценностям – единство родителей и детей – должно привлечь внимание в научных исследованиях и законодательной деятельности.

Не менее странным выглядит и проблема с алиментными платежами. Ребенок, на содержание которого выплачивают алименты, не имеет никаких прав на них, особенно если проживает с одним из родителей, который является получателем алиментов. Этот родитель может и отказаться от взыскания алиментов, «простить» неустойку при образовавшейся задолженности, а тот, на содержание кого они должны выплачиваться, не обладает никакими правами. Практически десять лет назад Т.В. Богданова предлагала решать вопросы в исполнительном производстве с учетом мнения ребенка [8, с. 10]. Но это пока не получило необходимой реализации.

Нередко родитель, выступающий в защиту интересов ребенка, фактически решает свои собственные проблемы, поэтому очень важно расширение возможности привлечения представителем адвоката по назначению по делам, затрагивающим интересы детей [10, с. 9].

Еще одна проблема, к которой необходимо привлечь внимание, связана с так называемым «материнским капиталом». Без сомнения, это важное направление для поддержания семей и решения проблем с повышением рождаемости. Но не совсем понятно, почему это «материнский капитал», ведь, как ни печально, но появилось множество

мошеннических схем, чтобы потратить эти деньги совершенно на другие цели. В то же время возникают проблемы с определением долей в жилом помещении, приобретенном с использованием этих средств. Напрашивается простой вывод, что эти деньги должны быть предназначены исключительно детям, в том числе на их образование в будущем. Родители, принимая решение об увеличении своей семьи, должны быть уверены, что всем детям смогут обеспечить необходимый уровень жизни, медицинскую помощь и образование. С позиции сохранения традиционных семейных ценностей родители должны заботится не о своих нуждах, а именно о детях.

Следует обратить внимание еще на один аспект имущественных правоотношений с участием детей. Довольно часто, особенно при приобретении жилых помещений на средства «материнского капитала», у детей есть доля в праве собственности на жилье, либо по тем или иным правовым основаниям несовершеннолетний становится единоличным собственником жилого помещения. В таких случаях обязанность по оплате коммунальных услуг является обязанностью его родителей, даже если они совместно не проживают. Однако не все родители выполняют надлежащие эти обязанности, и в судебной практике встречаются случаи, когда после достижения собственником совершеннолетия соответствующие организации обращаются в суд за взысканием всей суммы долга с собственника. Такая ситуация была предметом апелляционного пересмотра по частной жалобе на отказ в выдаче судебного приказа. В данном определении суд сослался на нормы семейного и гражданского права, но главным в этой ситуации следует считать разъяснение Пленума Верховного Суда РФ [17]. Признавая справедливость того, что родители должны нести обязанность по оплате всех расходов за жилое помещение, следует обратить внимание на то, что это не совсем соответствует правилу ч. 4 ст. 60 Семейного кодекса РФ [5], поскольку эта норма закрепляет уже подвергнутое ранее сомнению правило о том, что дети не имеют прав на имущество родителей. Но в данном случае интерес представляет правило о том, что родители не имеют права собственности на имущество детей. Само это правило заслуживает полной поддержки, но жизнь показывает, как далеки многие родители от идеала семейных ценностей, а поскольку право собственности включает бремя содержания имущества, получается, что названная обязанность родителей не имеет прямого текстуального закрепления, о чем должны задуматься законодатели.

В связи с этим напрашивается замечание общего порядка о том, что пробельность законодательства довольно часто компенсируется разъяснениями, содержащимися в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, именно поэтому в ч. 4.1 ст. 198 Гражданского процессуального кодекса [3] есть указание о возможных ссылках в

мотивировочной части судебного решения на постановления Пленума Верховного Суда РФ. (Аналогичные правила содержатся и в других процессуальных кодексах.) Но не всегда законодатели спешат вносить дополнения и изменения на основе соответствующих разъяснений.

В аспекте семейных ценностей интерес представляет эмансипация, правила которой предусмотрены ст. 27 Гражданского кодекса РФ [4]. Понятие эмансипации в данной норме как приобретение полной дееспособности следует рассматривать преимущественно применительно к гражданским правоотношениям, т.к. это не влияет непосредственно на возраст уголовной ответственности и право на вступление в брак, но важным является то, что согласно ч. 2 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ признанные полностью дееспособными являются самостоятельными субъектами гражданских процессуальных правоотношений [3].

Как и многие другие правовые правила, эмансипация уходит корнями в римское право и является возможностью освободиться от родительской воли. Многие авторы подчеркивают, что эмансипация большинством воспринимается именно как освобождение от различных угнетений [13]. Следовательно, это уже само по себе предполагает определенное неблагополучие в отношениях родителей и детей.

Анализируя основные этапы развития правил эмансипации, Ю.А. Климахина выделила ее положительные и отрицательные стороны [11]. Полная дееспособность предполагает прежде всего свободу в сфере имущественных отношений и может способствовать активному участию в предпринимательской деятельности. Но опасность представляет то, что несовершеннолетний не всегда в достаточной степени готов к этому, и недостаток психологической зрелости, а также практического опыта может проявиться уже только после признания его полностью дееспособным, а обратный процесс в законодательстве не предусмотрен.

Важны еще и истинные побудительные мотивы для эмансипации. В.М. Чемакин, анализируя вопросы эмансипации, отмечает, что со стороны родителей это может быть основано на желании освободиться от какой-либо опеки над детьми и всех финансовых и имущественных обязанностей [16]. Этую же мысль обосновывает и В.В. Белозерцева [7], называя поводами для принятия решения об эмансипации желание не платить алименты, продать квартиру, где есть доля несовершеннолетнего, без вмешательства органов опеки и попечительства. Иными словами, может быть любая ситуация, в основе которой будет отсутствие любви и привязанности к своему ребенку. Причем по этой же причине к эмансипации может стремиться и сам несовершеннолетний, если он осознает, что для родителей представляют интерес исключительно как источник дохода, не встречая при этом даже необходимой заботы и внимания. Признать дееспособным можно

только того, кто уже работает или занимается предпринимательской деятельностью, т.е. уже получает определенный доход. И этот доход может быть значительным и даже не слишком обременительным для несовершеннолетнего, например аренда нежилого помещения, находящегося в собственности несовершеннолетнего.

Оценивая проблему эмансипации, можно вспомнить крылатую фразу: «все яд и все лекарство», поскольку это может быть и благом, и опасностью прежде всего для несовершеннолетнего. Именно поэтому очень важен эффективный порядок применения правил признания несовершеннолетнего полностью дееспособным.

Решение вопроса о признании несовершеннолетнего полностью дееспособным отнесено к компетенции органов опеки и попечительства, если родители или другие законные представители согласны с этим. Причем требуется согласие именно обоих родителей. При отсутствии доброй воли хотя бы одного родителя на эмансипацию применяются правила гл. 32 Гражданского процессуального кодекса РФ [3].

Органы опеки и попечительства по своей сути призваны охранять права и законные интересы несовершеннолетних и недееспособных, но, несмотря на использование в законодательстве данного термина, на практике нет специальных органов с таким наименованием, и соответствующие функции возлагаются на различные органы в зависимости от структуры власти в том или ином субъекте РФ. При этом функции очень широкие, требуют специальных знаний и навыков от сотрудников, что нередко является проблемой, в том числе из-за недостаточной численности штатов. Учитывая, что не так много обращений в целях установления полной дееспособности (заявлений о снижении брачного возраста значительно больше), а также то, что суд располагает особыми полномочиями для исследования всех обстоятельств дела, целесообразно передать решение вопросов эмансипации исключительно в сферу судебного контроля.

Суд может назначить экспертизу, допросить свидетелей (а не просто заслушать), выслушать самого несовершеннолетнего (при необходимости в присутствии специалиста-психолога). Это позволит установить истинные побудительные мотивы для обращения за признанием дееспособным, уровень психологической зрелости несовершеннолетнего, его способность реально оценивать обстоятельства и руководить своими действиями, что обеспечит вынесение законного и обоснованного решения.

Установление правила о том, что орган опеки и попечительства рассматривает вопрос об эмансипации при согласии родителей, иногда ошибочно трактуется как обязательный досудебный порядок. Так, апелляционная инстанция Московского городского суда отменила определение районного суда об отказе в принятии заявления об эмансипации по основанию несоблюдения досудебного порядка [18].

Встречаются ситуации, когда органы опеки и попечительства отказывают в объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным, хотя родители согласны, а в дальнейшем родители меняют свою позицию, и дело рассматривается в суде [19]. Но ведь обращение несовершеннолетнего, как правило, чем-то мотивированно, и нередко это почти единственный способ защитить его права и интересы, а значит, и проблему надо решать оперативно, что может обеспечить судебный порядок.

Дела об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным процессуальное законодательство относит к особому производству, предполагающему отсутствие спора о праве. Такое решение законодателя вызывает серьезные сомнения. Так, С.Н. Белов обосновывает исковой характер данной категории дел, опираясь на понятие спора как разногласия субъектов относительно своих прав и обязанностей, полагая, что имеет место преобразовательный иск по аналогии с лишением родительских прав [6]. Эту позицию поддерживает М.Я. Хубецов как в индивидуальных исследованиях [15], так и в соавторстве с В.А. Кесаревой [14], аргументируя позицию примерами того, с какой целью сам несовершеннолетний хочет стать полностью дееспособным. Например, желание продать свою долю в квартире существенно затрагивает права и интересы родителей, соответственно, имеет место уже спор об имущественных правах.

Разделяя позицию об отнесении дел о признании несовершеннолетнего полностью дееспособным к исковому производству, важно обратить внимание на необходимость сохранения специального процессуального регулирования этой категории дел и несколько развить соответствующие нормы, т.к. в действующей редакции они представлены слишком схематично. А поскольку уже были упомянуты дела о лишении родительских прав, то в который раз хочется отметить необходимость установления специальных процессуальных правил для этой категории дел.

Краткая характеристика дел об эмансипации позволяет однозначно считать эти отношения проблемой «отцов и детей», когда имущественные интересы начинают преобладать над подлинно родительскими. И напрашивается вывод о том, что в семье, где реальны семейные ценности, родительская любовь и забота, в принципе нет оснований ставить вопрос о полной дееспособности несовершеннолетнего, поскольку такие родители не стремятся освободиться от своих родительских обязанностей и не ущемляют права ребенка, создавая ему необходимые условия для совершенствования его трудовой и предпринимательской деятельности, не покушаясь на его имущественные права. Анализ проблем эмансипации свидетельствует о неблагополучии семейных отношений, показывая негативные примеры отношений детей и родителей.

Если в отношениях родителей и детей лежат подлинные семейные ценности, то в трудной ситуации оказывают помощь даже совершеннолетним детям, и в такой семье трудно представить, что родители останутся безучастными к ситуации, если сын или дочь должны возмещать имущественный ущерб, а ведь именно это последствие эмансипации указано в числе наиболее значимых.

Отмеченное позволяет утверждать, что эмансипация является гарантией для несовершеннолетнего, если его семейная жизнь, скорее, напоминает отношения работника и работодателя, причем в самом худшем варианте, либо способом освободиться от родительских обязанностей. В благополучных семьях такие вопросы даже не возникают. Следовательно, механизм применения правил о признании несовершеннолетнего полностью дееспособным должен быть максимально эффективным.

Проблемы родителей и детей применительно к имущественным правам и обязанностям особенно очевидны в алиментных правоотношениях, но это заслуживает отдельного исследования. Можно обозначить только наиболее болезненные вопросы. Их можно поделить на две основные группы: нежелание родителей добросовестно исполнять обязанность по материальному обеспечению детей и стремление использовать алиментные платежи в своих целях, в ущерб интересам ребенка.

Еще одна проблема отношений родителей и детей связана с действием правил о дееспособности несовершеннолетних и возможности ее ограничения.

Дееспособность лиц в возрасте от 14 до 18 регулируется ст. 26 Гражданского кодекса РФ и предусматривает право несовершеннолетнего «распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами» [4], а также возможность в судебном порядке лишить его этого права. Реализация права несовершеннолетнего распоряжаться своими доходами в семье, где ребенок получил необходимое воспитание, навыки ведения хозяйства и основы финансовой грамотности, а также там, где царят взаимоуважение и забота между членами семьи, проблем не вызывает. Но в большинстве случаев правовые нормы имеют цель предотвращение различных негативных ситуаций.

Установление правил о частичной дееспособности несовершеннолетних гарантирует от злоупотребления родительскими правами, и помимо этого готовит ребенка к дальнейшей самостоятельной жизни. Возможность лишения права распоряжаться своими доходами зависит от самых различных причин.

Прежде всего это может быть связано с состоянием здоровья несовершеннолетнего, в том числе психического, и особенностями его развития. Именно подобное основание обуславливает правило ч. 4

ст. 281 Гражданского процессуального кодекса РФ о том, что соответствующее дело должно рассматриваться по месту нахождения медицинской организации психиатрического профиля, если туда помещен несовершеннолетний [2]. И такая ситуация практически совпадает с признанием недееспособным или ограниченно дееспособным совершеннолетнего гражданина. Это трагедия для семьи, и, к сожалению, мало средств для ее решения.

Совершенно другая ситуация, когда несовершеннолетний вдруг начинает получать свои собственные доходы и, как говорится, «пускается во все тяжкие». В этом случае ограничение дееспособности несовершеннолетнего должно послужить не только запретительной, но и воспитательной мерой. Правда, возникает риторический вопрос: не поздно ли родители и другие законные представители поняли, что ребенка надо готовить к самостоятельной жизни, в том числе в финансовых вопросах. В семье, где имущественные и финансовые проблемы обсуждаются сообща либо, учитывая современное состояние этой стороны семейной жизни, решаются как-то упорядоченно, ребенок с раннего детства понимает, что деньги не даются легко и надо заботиться не только о себе, но и о своих близких, таких проблем не возникает. А вот где, как сейчас принято говорить, «воспитание заменяют питанием», родители оказываются перед ситуацией, когда все доходы несовершеннолетний может потратить на развлечения и удовольствия, не всегда безобидные, а родители продолжают полностью его содержать. Это не означает обязательного правила о выделении части денег в семейный бюджет, особенно в отношении стипендий, современный размер которых вряд ли способен финансово поддержать как самого студента, так и его семью. Но если в жизнь подростка уже вошли алкоголь и наркотики, на которые и уходят все доходы, то, скорее всего, даже ограничение дееспособности уже не даст желаемого результата, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. Значит, уже была и развивалась проблема «отцов и детей», но родители ее не поняли или не хотели замечать в надежде, что как-то «рассосется».

И третьей возможной ситуацией можно считать злоупотребление родителями родительскими правами и необоснованное обращение в суд с целью, не соответствующей самому правилу об ограничении дееспособности несовершеннолетнего. Эта цель – жить обеспеченно за счет доходов несовершеннолетнего, не считаясь с его правами и потребностями. Для борьбы с таким злоупотреблением правом предусмотрено правило ч. 2 ст. 284 Гражданского процессуального кодекса РФ о том, что с заявителя взыскиваются все судебные издержки, если имело место недобросовестное обращение в суд с заведомо необоснованным требованием об ограничении дееспособности.

Эффективность этой нормы вызывает определенные сомнения, поскольку издержки столь незначительны по таким делам, что они не могут служить предостережением от необоснованного обращения в суд. Представляется, что подобное заявление в суд должно служить основанием для пристального внимания прокурора и органов опеки и попечительства, участие которых по таким делам предусмотрено, но, к сожалению, без оговорки «обязательно».

Основной задачей данной публикации является привлечение внимания к различным проблемным ситуациям в имущественных отношениях родителей и детей в контексте необходимости сохранения семейных ценностей, а более детальное исследование процессуальных аспектов должно стать предметом самостоятельных исследований.

Главный, скорее, нравственный, чем правовой вывод: все начинается с семьи, а в семье все начинается с любви.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г., вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г., с изм. от 04.06.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Белов С.Н. Процессуальные аспекты эмансипации несовершеннолетних // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2006. № 5. С. 148–150.
7. Белозерцева В.В. Эмансипация несовершеннолетних лиц по российскому гражданскому праву // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 197–200.
8. Богданова Т.В. Защита прав и интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 26.
9. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.
10. Казиханова С.С. Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве. Автореф. дис. ... канд. наук. М., 2015. С. 29.
11. Климкина Ю.А. Институт эмансипации несовершеннолетних: плюсы и минусы // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. № 6 (19).

С. 308–310. URL: <http://www.bulletennauki.com/klimkina> (дата обращения 15.09.2024).

12. Пономарев Д.А. Член семьи как участник семейного предприятия: к вопросу о составе участников семейного бизнеса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 136–140.

13. Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В. Эмансипация несовершеннолетних по семейному, трудовому и гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 1 (100). С. 159–165.

14. Хубецов М.Я., Кесаева В.А. Предложения по совершенствованию законодательства в области регулирования судебного порядка рассмотрения дел об эмансипации несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 70–73.

15. Хубецов М.Я. Процессуальные требования и процедура рассмотрения дел об эмансипации несовершеннолетнего в судебном порядке // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 66–69.

16. Чемакин В.М. Проблема реализации процедуры эмансипации несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2020. № 3–2 (102). С. 87–90.

17. Апелляционное определение Керченского городского суда Республики Крым от 07.02.2024 г. по делу № 11-13/2024 // СПС «Гарант».

18. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 16.05.2018 г. по делу № 33-16919/2018 // СПС «Гарант».

19. Апелляционное определение СК по гражданским делам Рязанского областного суда от 11.07.2018 г. по делу № 33-1768/ 2018 // СПС «Гарант».

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gipd@tversu.ru

Some aspects of the eternal problem "fathers and sons"

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article examines problematic issues of parent-child relationships in the sphere of property relations. The issues of property rights and division of property of spouses, the lack of necessary regulation of property rights of children are considered from the standpoint of the need to preserve traditional family values. Positive and negative aspects in the legal regulation of emancipation and the practice of its application are shown. The position on the need to consider cases of recognizing minors as fully capable in the order of claim proceedings is supported. The need to attribute these cases exclusively to the competence of the court is substantiated. Attention is drawn to a certain lag in legislation in the issue of participation of a representative by

appointment to protect the rights of minors. It is also necessary to more quickly eliminate the gap in legislation, which is compensated to some extent by explanations in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Attention is drawn to the legal capacity of minors aged fourteen to eighteen years and the grounds for its restriction. It is concluded that in a family where family values are truly followed, there is, in principle, no need to apply emancipation or deprive a minor of the right to manage his or her income. These are also modern aspects of the “fathers and children” problem.

Keywords: parents, children, property rights, emancipation, family values, legal capacity, limitation of legal capacity, claim procedure.

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Некоторые аспекты извечной проблемы «отцы и дети» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 41–53.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.55

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.054

Право граждан на участие в местном самоуправлении: трансформация природы и форм

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Признание в Конституции Российской Федерации местного самоуправления как формы публичной власти означает признание права населения участвовать в решении вопросов местного значения. Правовое регулирование форм участия населения в реализации местного самоуправления получило законодательное закрепление. Однако до сих пор возникают проблемы практической реализации признанных в Законе прав граждан, проживающих на территории муниципального образования, участвовать в решении важнейших вопросов обеспечения своей жизнедеятельности. Объектом исследования является анализ исторического пути становления права граждан на участие в осуществлении местного самоуправления. Поднимаются вопросы определения природы и развития форм участия граждан в принятии решений по вопросам местного значения. Предметом исследования являются проблемы правоприменения, возникающие в сфере муниципальных отношений, участником которых является как население муниципального образования, так и отдельные граждане. Рассматриваются перспективы развития указанных отношений.

Ключевые слова: местное самоуправление, вопросы местного значения, участие граждан в осуществлении местного самоуправления.

Местное самоуправление как форма публичной власти признается и гарантируется в Российской Федерации. При этом согласно ст. 130 Конституции Российской Федерации местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и иные органы местного самоуправления. Очевидным в данной ситуации является первостепенное значение форм непосредственной демократии в системе местного самоуправления.

Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) [1], развивая указанную конституционную норму, определяет местное самоуправление как форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными

законами (законами субъектов Российской Федерации), самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций.

Природа местного самоуправления, отраженная в данном определении, характеризует этот институт как одну из разновидностей социального управления, имеющую особую характеристику. По справедливому мнению Е.С. Шугриной: «Самоуправление – это управление, субъекты и объекты которого совпадают, а значит, управляют и выступают в качестве управляемых одни и те же лица. Данный аспект самоуправления воплощается в таких его социальных (неправовых) характеристиках, как самоорганизация, самодеятельность, саморегулирование, самоконтроль» [7, с. 22].

Однако эти характеристики местного самоуправления с целью их реализации на практике должны получить свое правовое выражение. При этом следует отметить, что правовое закрепление осуществления местного самоуправления непосредственно населением прошло в своем развитии разные этапы.

Интерес представляет, например, Закон РФ «О местном самоуправлении в Российской Федерации» от 06.07.1991 г. № 1550-1, в котором из всех форм участия населения в осуществлении местного самоуправления была закреплена лишь одна форма – территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС). При этом в Законе не давалось определение территориального общественного самоуправления, но называлась его система, в которую входили общие собрания (сходы), конференции граждан, местные референдумы, иные формы непосредственной демократии; органы территориального общественного самоуправления населения (советы или комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, поселков, сельских населенных пунктов), а также иные органы самоуправления населения по месту жительства (советы или комитеты улиц, кварталов, домов и тому подобное). Обращает на себя внимание тот факт, что местные референдумы в указанном законодательном акте относились к системе территориального общественного самоуправления.

Развитие форм участия населения в осуществлении местного самоуправления получило закрепление в Федеральном законе от 12.08.1995 г. № 154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 154). Данный законодательный акт был принят уже на основе российской Конституции 1993 г., во-первых, утвердившей местное самоуправление в качестве одной из основ конституционного строя, а во-вторых, закрепившей два главных принципа организации и деятельности местного самоуправления, а именно – самостоятельность

местного самоуправления в пределах своих полномочий и организационную обособленность органов местного самоуправления в системе управления государством.

При этом Федеральный закон № 154 хоть и расширял перечень форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления, но крайне скрупульно осуществлял их правовое регулирование, фактически устанавливая лишь возможность реализации той или иной формы прямой демократии на муниципальном уровне или формы участия населения в решении вопросов местного значения.

Так, согласно ст. 22 названного Закона по вопросам местного значения мог проводиться местный референдум. При этом перечень субъектов, имеющих право инициировать проведение референдума, был достаточно скромным. Референдум можно было проводить по инициативе представительного органа или по требованию населения. Не определял Федеральный закон № 154 и процедуру инициирования референдума представительным органом, а также не устанавливал порядок выдвижения населением требования о проведении референдума. Все эти вопросы, согласно предписанию Закона, должны быть урегулированы на уровне муниципального образования в его основном нормативном акте – уставе. Следовательно, и порядок выдвижения инициативы, и порядок принятия решения о проведении референдума, и ряд других вопросов, связанных с проведением всеобщего голосования в муниципальном образовании, должны были решаться путем осуществления муниципального правотворчества. Согласно ст. 24 могли проводиться собрания (сходы) граждан. Законодатель в данном случае фактически уравнивал собрание и сход, не проводя между ними никакого различия. При этом порядок созыва и проведения собрания (схода) граждан, принятия и изменения его решений, пределы его компетенции должны были устанавливаться уставом муниципального образования в соответствии с законами субъектов Российской Федерации. Исходя из ст. 24 Федерального закона № 154 назначение собрания (схода) было достаточно важным – это решение вопросов местного значения (а не просто их обсуждение). В отдельных поселениях согласно п. 6 ст. 15 Закона уставом муниципального образования в соответствии с законами субъектов Российской Федерации могла быть предусмотрена возможность осуществления полномочий представительных органов местного самоуправления собраниями (сходами) граждан. Следует отметить, что при таком важном месте, которое собрание или сход занимали в ряду форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, Законом не был определен характер решений, принимаемых на собраниях (сходах) граждан. И это серьезный пробел в законодательстве, который негативно отразился на практике.

Кроме этого, согласно ст. 25 Федерального закона № 154 население могло реализовать свое право на народную правотворческую инициативу. Правовое регулирование реализации данной формы участия населения в осуществлении местного самоуправления в Законе раскрывалось весьма скромно. В этой связи в субъектах Федерации и муниципальных образованиях принимались нормативные правовые акты, по-разному регламентирующие порядок реализации народной правотворческой инициативы.

Таким образом, закрепляя лишь возможность реализации тех или иных форм осуществления населением местного самоуправления, законодатель наделял муниципальные образования правом устанавливать порядок реализации этих форм. В этом плане показателен пример правового регулирования на законодательном уровне такой формы, как территориальное общественное самоуправление. В Федеральном законе № 154 в отличие от Закона 1991 г. «О местном референдуме» законодатель сформулировал понятие территориального общественного самоуправления, но этим и ограничился. Ни субъекты РФ, ни муниципальные образования не получили никаких «ориентиров» для правовой регламентации порядка создания территориального общественного самоуправления, определения форм его взаимодействия с органами местного самоуправления, что повлекло за собой крайне разноликую практику применения ст. 27 Федерального закона № 154. В таких условиях в субъектах РФ осуществлялось собственное правовое регулирование, которое шло по-разному. В ряде субъектов (например, в Республике Мордовия и Тюменской области) в законах о местном самоуправлении лишь упоминалось территориальное общественное самоуправление [4, 5]. Чаще принимались специальные региональные законы, посвященные ТОС, но в таких региональных законодательных актах существенно различались способы нормативного регулирования различных аспектов ТОС.

В научной литературе давалась оценка такому положению дел. Так, Е.С. Шугриной сделан вывод о том, что концепция ТОС была довольно противоречивой. Если в одних регионах органы ТОС продолжали рассматривать как полноценный элемент местного самоуправления, обладающий соответствующими властными полномочиями, то в других ТОС все активнее трансформировали в элемент гражданского общества, особую некоммерческую организацию [6, с. 14].

Опыт сотрудничества автора с органами ТОС в г. Твери и Тверской области показывает, что, к сожалению, уровень развития ТОС в муниципальном образовании зачастую зависел от позиции по этому вопросу главы муниципального образования.

В целом, если характеризовать уровень правового регулирования форм участия населения в осуществлении местного самоуправления в период действия Федерального закона № 154, можно констатировать,

что действие указанного акта как рамочного закона (такая характеристика давалась многими авторами) отразилось и на правовом регулировании рассматриваемых форм. Федеральный закон в этом случае лишь обозначал возможные формы участия населения в решении вопросов местного значения, оставляя их перечень открытым и отдавая полноту их правового регулирования на уровень субъектов Федерации и самих муниципальных образований, при этом не устанавливая практически никаких гарантий реализации этих форм в самом муниципальном образовании.

На смену Федеральному закону № 154 пришел Федеральный закон с тем же наименованием, принятый 06.10.2003 г. № 131, который значительно расширил не только перечень форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, но и объем их законодательного регулирования. Можно сделать вывод о том, что указанный акт, во-первых, дополнил перечень форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, оставляя его открытым, во-вторых, конкретизировал требования к реализации практически каждой из названных в законе форм, в-третьих, закрепил ряд гарантий на участие граждан в решении вопросов местного значения.

Так, совершенно по-другому ФЗ № 131 определяет перечень субъектов, которые могут инициировать проведение местного референдума. В их число вошли избирательные объединения, иные общественные объединения, уставы которых предусматривают участие в выборах и (или) референдумах и которые зарегистрированы в порядке и сроки, установленные федеральным законом; право выдвигать инициативу проведения референдума получил и глава местной администрации, который может реализовать такую инициативу совместно с представительным органом. Закреплена гарантия назначения референдума в том случае, когда представительный орган не назначает референдум в установленный законом срок.

Разделены в Законе и такие формы, как собрание и сход граждан, и природа каждой такой формы определена и зависит от того, реализуется ли эта форма в рамках местного самоуправления или в рамках территориального общественного самоуправления.

Так, сход граждан может в муниципальном образовании осуществлять полномочия представительного органа согласно уставу. И в этом случае решения, которые принимаются на сходе, имеют ту же юридическую силу, что и решения представительного органа. Сам же перечень вопросов, которые решает такой сход, совпадает с перечнем исключительных полномочий представительного органа, определенным в ч. 10 ст. 35 ФЗ № 131.

Но в 2011 г. ФЗ № 131 был дополнен ст. 25.1 о сходе граждан, который может проводиться по определенным вопросам, перечисленным в указанной статье. Анализ этих вопросов показывает,

что в данной статье идет речь как о сходе, который осуществляется полномочия представительного органа, так и о сходе, который функционирует наряду с представительным органом. Интерес представляет дополнение указанной статьи, внесенное в 2024 г. Федеральным законом от 08.07.2024 г. № 168 «О внесении изменений в статью 25.1 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» [3]. Согласно этому дополнению при решении вопросов о выдвижении кандидатуры старосты сельского населенного пункта (или досрочном прекращении полномочий старосты) в сходе граждан также могут принять участие граждане Российской Федерации, достигшие на день проведения схода граждан 18 лет и имеющие в собственности жилое помещение, расположенное на территории данного сельского населенного пункта, в случае, если это установлено муниципальными нормативными правовыми актами в соответствии с законом субъекта Российской Федерации. То есть условиями участия в сходе при решении указанных вопросов являются достижение возраста совершеннолетия и наличие в собственности лица жилого помещения, расположенного на территории сельского населенного пункта. Однако дополнительным условием законодатель выдвигает закрепление такой возможности в уставе муниципального образования. Исходя из этого, получается, что участвовать в сходе при решении указанных вопросов совершеннолетние граждане, имеющие в собственности жилое помещение, могут лишь в зависимости от наличия соответствующего указания в уставе. А если такого положения в местном уставе нет? Тогда гражданин не может участвовать в сходе граждан? И в итоге получается, что федеральным законодателем такое право гражданам предоставлено, но его реализация возможна лишь в том случае, если в результате муниципального правотворчества такую возможность предусмотрят в муниципальном образовании. А это в свою очередь влечет ситуацию, что одно и то же право граждан в одном муниципальном образовании может быть реализовано, а в другом – нет. На наш взгляд, регулирование этих отношений нуждается в уточнении. И здесь возможно применение той же формулы, которая имеется в ФЗ № 131 применительно к регулированию правотворческой инициативы граждан (ст. 26), когда отсутствие муниципального нормативного правового акта не является препятствием для реализации права граждан на правотворческую инициативу. И в данном случае уместным было бы указание на то, что независимо от наличия в уставе соответствующего муниципального образования нормы, право граждан, достигших возраста 18 лет и имеющих жилое помещение на территории сельского населенного пункта, на участие в сходе, решающем вопросы о выборах старосты или досрочном прекращении его полномочий, может быть реализовано.

Существенно шире стало в Федеральном законе и правовое регулирование такой формы, как собрание граждан. Анализ нормы, содержащейся в ст. 29 ФЗ № 131, показывает, что собрание следует рассматривать в двух значениях: как форму участия населения в осуществлении местного самоуправления и как форму реализации территориального общественного самоуправления. В каждом из названных вариантов проведения собрания его конечный результат имеет разную юридическую силу. В том случае, если собрание проводится как форма участия граждан в осуществлении местного самоуправления для обсуждения вопросов местного значения, информирования населения о деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, а также обсуждения вопросов внесения инициативных проектов и их рассмотрения, оно может принимать обращения к органам местного самоуправления и должностным лицам местного самоуправления, а также избирать лиц, уполномоченных представлять собрание граждан во взаимоотношениях с органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления. Если же собрание проводится как форма территориального общественного самоуправления, оно принимает решения по вопросам, отнесенными к его компетенции уставом территориального общественного самоуправления.

Что касается самого территориального общественного самоуправления, то его правовое регулирование в ФЗ № 131 резко отличается от всех предыдущих законодательных актов, регламентирующих местное самоуправление. В действующем законе получили правовое решение вопросы о порядке создания ТОС, его компетенции, порядке определения территории действия, регистрации, формах осуществления. Остались прежними лишь определение ТОС, а также требование, согласно которому в муниципальном образовании уставом или нормативным правовым актом должны быть определены порядок организации и осуществления территориального общественного самоуправления.

Следует обратить внимание на то, что в ФЗ № 131 существенно расширен ряд форм, в которых население может принимать участие в осуществлении местного самоуправления. К числу таких форм относятся: опрос граждан, публичные слушания, инициативные проекты и конференции. Каждая из этих форм имеет свое назначение и может применяться в муниципальном образовании согласно правилам, предусмотренным в уставе муниципального образования или специальном нормативном правовом акте представительного органа муниципального образования. Анализ существующей палитры форм непосредственной демократии, которые могут быть применимы в Российской Федерации, показывает, что самый широкий спектр таких

форм закреплен на уровне муниципальном. И это связано прежде всего с природой местного самоуправления как формы публичной власти, обеспечивающей деятельность населения по решению вопросов местного значения. Более того, перечень форм непосредственной демократии на муниципальном уровне не является исчерпывающим. Согласно ст. 33 ФЗ № 131 граждане вправе участвовать в осуществлении местного самоуправления в иных формах, не противоречащих Конституции Российской Федерации, ФЗ № 131 и иным федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации.

Но обратимся к проекту Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенном в декабре 2021 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ и находящемуся пока на рассмотрении указанного органа власти.

Разработчики законопроекта разделили все формы управления, в которых непосредственно участвует население путем принятия решений или их обсуждения, на две группы: формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления (к ним отнесли референдум, муниципальные выборы, сход граждан и территориальное общественное самоуправление), а также формы участия населения в осуществлении местного самоуправления (и к ним отнесли опрос, публичные слушания, общественные обсуждения, собрание граждан, инициативные проекты, старосту сельского населенного пункта). Перечень приведенных демократических форм и в анализируемом проекте остается открытым.

Однако вызывает вопрос оправданность такого распределения форм по указанным группам. Так, согласно проекту, территориальное общественное самоуправление отнесено к формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления. Тем не менее, если мы отнесим территориальное общественное самоуправление к формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления, то решения принимаемые собраниями жителей организованного ТОС или органами ТОС должны иметь ту же юридическую силу, что и решения, принятые на референдуме или органами местного самоуправления. Но природа территориального общественного самоуправления иная, оно не обладает властными полномочиями, в рамках которых могли бы приниматься муниципальные правовые акты, имеющие обязательную силу. В этой связи неуместно рассматривать ТОС в одной группе с формами непосредственного осуществления местного самоуправления.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в предлагаемом проекте отсутствует такая форма, как голосование по отзыву депутата или выборного лица местного самоуправления, тем самым разработчики

проекта лишили население муниципального образования одного из средств контроля за деятельностью депутатов или выборных должностных лиц муниципального образования.

Подводя итог, следует отметить, что система форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в нем прошла в своем развитии уже значительный путь. И если в начале становления законодательства о местном самоуправлении эти формы были лишь обозначены и шла наработка их применения в практике муниципальных образований, подкрепленной результатами муниципального правотворчества, то с принятием ФЗ № 131 перечень этих форм и их правовое регулирование на федеральном уровне значительно расширились, составив в целом систему средств участия населения в решении вопросов местного значения.

Список литературы

1. Закон РФ от 06.07.1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Федеральным законом от 08.07.2024 г. № 168 «О внесении изменений в статью 25.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2024. № 29 (часть II). Ст. 4097.
4. Закон Республики Мордовия от 18.07.2000 г. № 37-3 «О Территориальном общественном самоуправлении в Республике Мордовия» (утратил силу) // Вед. Государственного Собрания Республики Мордовия. 2001. № 5-7.
5. Закон Тюменской области от 29.11.1995 г. № 16 «О местном самоуправлении» (утратил силу) // Тюменские известия. 1995. 21 дек.
6. Шугрина Е.С. Территориальное общественное самоуправление в России: институт власти или институт гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2017. № 1. С. 12–22.
7. Шугрина Е.С. Муниципальное право: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФА-М, 2024. 408 с.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

The right of citizens to participate in local government: the transformation of nature and forms

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

Recognition in the Constitution of the Russian Federation of local self-government as a form of public authority means recognition of the right of the population to participate in solving issues of local importance. The legal regulation of the forms of public participation in the implementation of local self-government has received legislative consolidation. However, there are still problems with the practical implementation of the rights recognized in the Law of citizens living in the territory of the municipality to participate in solving the most important issues of ensuring their livelihoods. The object of the research is the analysis of the historical path of the formation of citizens' rights to participate in the implementation of local self-government. The issues of determining the nature and development of forms of citizen participation in decision-making on issues of local importance are raised. The subject of the study is the problems of law enforcement that arise in the field of municipal relations, in which both the population of the municipality and individual citizens are participants. The prospects for the development of these relations are considered.

Keywords: *local self-government, issues of local importance, citizens' participation in the implementation of local self-government.*

About author:

ANTONOVA Nana – the doctor of Law, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Право граждан на участие в местном самоуправлении: трансформация природы и форм // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 54–63.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Юридическая наука и законотворческая практика: проблемы адекватной коммуникации¹

В.И. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье поставлена проблема концептуального переосмысливания принципа и критериев научности законотворческой практики на современном этапе конституционного преобразования правовой системы Российской Федерации. Выдвигается положение о том, что обеспечить вероятность соответствующей (адекватной) коммуникации законодателя и представителей научно-юридического корпуса возможно только на основе согласия о значении конституционного правопонимания. Аргументация выверяется автором применительно к предметно выделенной актуальной задаче модернизации законодательного установления и регулирования обязательных платежей неналогового характера.

Ключевые слова: Конституция РФ, принцип научности законотворчества, конституционная правотворческая аналогия, неналоговые платежи.

Комплементарность идеи и практикам участия представителей российской юридической науки в правотворческой деятельности публично-властных органов следует признать позитивной тенденцией последнего времени. Тому есть весомые легальные предпосылки: научно-экспертное участие предусмотрено, например, регламентами и положениями палат и комитетов Федерального Собрания России. Между тем заинтересованное внимание на данный ресурс обращалось не всегда. К внутренним и внешним факторам его текущей актуализации следует отнести, на наш взгляд, принятие в 2020 г. поправок к Конституции РФ и беспрецедентную трансформацию мироустройства, которую Президент РФ уподобил «моменту истины» [12]. Только опора на целостную конструкцию национального правопорядка и лежащую в его основании Конституцию РФ позволят России утвердить свою цивилизационную самобытность и руководствоваться своими приоритетами по отношению к принципам международных отношений после «конца истории» (Ф. Фукуяма). К формированию искомой целостности ведет конституционализация систем права и законодательства, а необходимой предпосылкой этого процесса, с чем согласны ведущие ученые-конституционалисты, выступает конституционализация самой науки права. И к последнему,

¹ Статья подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

ключевому, условию российское правоведение, по-видимому, не вполне готово, а его публично-властные контрагенты могут, к сожалению, не ориентироваться по отношению к «квалифицирующему» для научных участников адекватной правотворческой коммуникации признаку.

Принцип научности законотворческой деятельности никогда не отвергался отечественной (и преимущественно зарубежной) теорией права. Другое дело, что в соответствующих суждениях дидактика и эклектика нередко превалируют над развернутыми содержательными обоснованиями, желаемое выдается за действительное, а научный статус правоведения варьируется в зависимости не только от типа правопонимания, но и от идеологических убеждений.

Так, в рамках подхода, «сочетающего юридический позитивизм и социологическую юриспруденцию», поясняют, что учет парламентариями замечаний и предложений, поступивших при обсуждении законопроектов, выражает принцип демократизма правотворчества, тогда как его научный принцип сводится к строгому соблюдению правил юридической техники [15, с. 232]. С позиций юридического правопонимания научная обоснованность правоустановительной деятельности выходит уже на первый план, требуя от представителей государственной власти ответственно и творчески руководствоваться результатами научно-юридического осмыслиения генеалогии и состояния действующего права в их концептуальном преломлении и соответствующими тому практическими рекомендациями [11, с. 420]. А комплиментарный неопозитивизм переводит умозрительное требование в степень фактической констатации, утверждая, что субъекты правовой политики всемерно опираются на доктринальные достижения и полноценно ими обеспечены [10, с. 8–14; 12].

В вопросе, о котором идет речь, следует насколько возможно избегать ложной патетики и опрометчивой уверенности. Привлекательные лозунги «не изобретай; не навреди; будь умеренным» – трудно признать глубоко научными положениями, а информация подобная той, что в Китае «не допускается вносить поправки в закон в течение не менее пяти лет после его принятия», – мало проясняет концепцию различия права и закона [9, с. 264–265].

Уравновесить научную «разноголосицу» позволяет конституционное правопонимание, которое, впрочем, здесь заявляет о себе и конституционно-правовых феноменах не вполне отчетливым образом. Так, В.А. Сивицкий обосновывает продуктивную идею имплементации в законотворческий процесс научно-конституционной экспертизы [13]. Развивая его позицию, А.В. Должиков приходит к справедливому выводу, что в идеальном формате выбор законодателя между альтернативными научными рекомендациями предполагает, по

суги, процедуру аналогичную конституционному нормоконтролю [7]. На наш взгляд, это было бы чрезмерным вторжением в сферу прерогатив законодателя, даже учитывая императив верховенства Конституции.

Легитимный конституционный нормоконтроль всегда основывается на конституционном правопонимании, однако наука права не может безоговорочно утверждать конституционный характер своих умозаключений и выводов. Печально, впрочем, другое: она на такие результаты преимущественно не претендует и не считает их своим призванием. В том числе когда, откликаясь на обращение законодателя либо по собственной инициативе, подключается к законотворческой деятельности. Законодатель, в свою очередь, не склонен признавать приоритет научно-юридических рекомендаций по отношению к доводам смежных гуманитарных или, тем более, наук естественных и технических. Но его беспристрастная отстраненность чревата выхолащиванием правового субстрата из формы закона. Конституционную методологию неправильно уподоблять методологии всеобъемлющей и/или междисциплинарной, однако ее эксклюзивное правотворческое значение не должно ставиться под сомнение и должно быть предметно определено. Показательной иллюстрацией тому служить отсылка к доктрине, автор которой настойчиво позиционировал себя как теоретик конституционализма, хотя мировое признание (и Нобелевскую премию) получил за достижения в сфере экономики.

Мы говорим здесь о Фридрихе Хайеке и его критике либерально-демократической модели экономики и реализующего ее государства. Позитивное измерение данной программы переходит в форму аналитического обоснования законодательной политики, купирующей деструктивные аффекты свободного рынка, с одной стороны, и экономического интервенционизма, с другой стороны. Причем в рамках следования, по мнению автора, принципу верховенства права (как справедливости) и прав человека [17]. Однако настаивать на эвристичности (и продуктивности) этого концепта «спасения идеала демократии» для конституционного регулирования экономических (в широком смысле) отношений в Российской Федерации, на наш взгляд, нет оснований. В логике конституционного правопонимания поиски оптимально-гармонизирующего решения исчерпываются здесь констатациями очевидного: 1) недопустимости смешения полномочий законодательной и исполнительной власти как «интеллектуального перекоса законодательного собрания, поглощенного делами правительства» и 2) формально-нормативной конкретизации принципа, согласно которому «каждый член общества подлежит действию механизма, определяющего, кто именно должен подчиниться необходимости и поступиться своими интересами, когда

неконтролируемые обстоятельства требуют от обществе перемен» [17, с. 162–163; 414–415].

Отдельно отметим важные для предмета нашей статьи выводы Хайека о принципах фискально-экономического администрирования, как существенно затрагивающего фундаментальные права и индивидуальную свободу [17, с. 432–433].

Российский законодатель может не знать о том, до какой степени приведенные выше положенияозвучны азбуке реального конституционализма, лежащей в основании доктринально-нормативного нарратива Конституционного Суда о социально-экономическом долженствовании, т. е. о конституционализации соответствующей правовой материи и юридической практики. Большой беды в том не будет. При всем уважении, законодатель, даже настроенный на волну различия права и закона, нуждается в другом: своего рода «пошаговой юридической инструкции», актуальных юридических моделях и алгоритмах его деятельности применительно к институционально выделенной сфере правового регулирования, которое должно быть конституционным, в том числе с учетом презумпции конституционности компетенции и намерений законодателя. Адекватно содействовать обретению искомого качества законодательной работы и продукта никакая другая наука кроме науки права не может. И при том только условии, если будет решающим образом полагаться на конституционную теорию и методологию своего предмета.

Дефицит обозначенных предпосылок – в целом и предметно актуализируемых направлениях – видится нам критичным. Продуктивное научно-юридическое содействие выработке и реализации конституционной законодательной политики слабо соотносится с сосредоточенностью юридических наук на обосновании и утверждении «своей» (отраслевой) идентичности. В частности, поскольку ставится конкретная задача оптимизации законодательного регулирования и администрирования неналоговых платежей, вряд ли ее решение будет принципиально зависеть от «схоластического» выбора отраслевого сопряжения наук финансового, налогового и бюджетного права либо их публичной/частной локации. Но такой выбор служит отправной точкой заинтересованного анализа большинства специалистов, пренебрегающих проблематикой конституционности или номинально, в формате «дежурной» отсылки, ее затрагивающих [18, с. 85]. Зачастую, впрочем, такой подход выглядит лучшим вариантом в сравнении с «расширенным» позитивистским восприятием текста Конституции РФ.

Так онтологическая фрагментация юридической материи (и смыслов) способна увлечь до степени «признания налогового права самостоятельной отраслью законодательства». Следя далее позитивистской эклектике, из формулировок п. 1 ст. 1 Налогового кодекса РФ можно прийти к выводу, что «законодатель не закрепляет за

Конституцией РФ статус основного источника налогового права». (Как если бы у законодателя были или могли быть такие прерогативы.) А значит, и научное опровержение высказанного предположения становится паллиативом, нисколько не диссонируя готовности к доктринально-отраслевой критике Конституции РФ. Напротив, критикующий законодателя автор убежден, что и Конституция РФ «недостаточно полно и точно регулирует отношения в сфере налогообложения», имеет «досадной» особенностью «неструктурированное закрепление налогово-правовых норм» и некачественные формулировки соответствующих статей, «вынуждающие» Конституционный Суд РФ «давать их толкование» [16, с. 193]. В «резолютивной части» научной оценки Конституция РФ исключается из круга «основ совершенствования современного налогового законодательства», а конституционные ценности и цели не упоминаются при обосновании принципа научности проработки налоговых законопроектов [16, с. 207–211].

Приведенный пример отнюдь не единичен. Представители отраслевых юридических наук не учитывают положение ст. 18 Конституции РФ, по сути, предопределяющей локализацию правовых общностей (отраслей, институтов) в системах российского права и законодательства. «Выстраивать» умозрительные композиции таких элементов системы права, отправляясь от смысла и содержания основных прав и свобод человека и гражданина, они не находят важным. Дополнительным контрпродуктивным фактором выступает недооценка системообразующего значения конституционных обязанностей [4]. И остается надеяться, что законодатель позволит себе подобного отношения к Конституции РФ, доктринально-нормативным установлениям Конституционного Суда РФ, а равно и положениям теории российского конституционализма не может.

Безотносительно к доктринальным пристрастиям, конституционная система национального права России воплощает динамичную композицию сложных элементов (институтов), производных от смысла и содержания конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Для неналоговых платежей ядром такого института является конституционная обязанность каждого платить законно установленные сборы (ст. 57 Конституции РФ) [1]. Научную сложность осмыслиения этого легитимного факта обуславливает особенность морфемы названной статьи, выражающая не только синтаксическое, но и сущностное единство (родство) двух конституционных обязанностей, транслируемых «в» налоги и сборы. С учетом композиционного единства системы основных полномочий личности содержание обязанностей по уплате неналоговых платежей раскрывается и через отсылки к иным конституционным установлениям. Например к ст. 58 Конституции РФ, поскольку речь идет об экологически обусловленных

обязательных платежах, или к ст. 130 и 132 (ч. 1), легитимирующими номинацию неналоговых местных сборов. Но и это ничего не меняет. Ключевой остается правоустанавливающая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой публичные платежи в бюджет, не являющиеся в силу легальных конкретизаций налогами, не должны выводиться из сферы действия ст. 57 Конституции РФ, поскольку по своей сути они представляют собой фискальные сборы [2].

На доктринальном уровне приведенная выше легитимная установка раскрыта нами в рамках теории конституционализации фискально-экономических обязанностей [8, с. 53–77]. Где, наряду с прочим, была дана их исчерпывающая содержательно-видовая классификация, учитывавшая и такой «камень преткновения» как широкое использование термина «сбор» для платежей налогового и неналогового характера. И главное – посредством конституционной методологии обоснована солидарная природа каждой из диахотомически соотнесенных обязанностей. Системно-всеобъемлющий, по определению Н.С. Бондаря, характер российского конституционализма исключает несоответствие «метаправовых величин» (к строю которых принадлежат и основные обязанности) формально-юридическим и сущностным свойствам Конституции РФ, а деятельность Конституционного Суда РФ характеризует генерация сопоставимых по природе и юридической силе с Конституцией РФ нетипичных источников, которые опосредуют развитие и отраслевого законодательства [6, с. 15, 18–19]. Из чего, в том числе, вытекает конституционная целесообразность последовательной опоры – при законодательной оптимизации механизма установления и администрирования неналоговых платежей – на конституционную аналогию и коннотации к актам и правовым позициям Конституционного Суда РФ, выработанным в ходе конституционализации налогового законодательства как компонента национально-правовой системы.

Понятно, что широко представленные в литературе научно-отраслевые выводы и рекомендации по обозначенной проблеме законотворческой политики в ее предметно выделенном направлении значительно отличаются от намеченного нами вектора конституционной модернизации, хотя и непримиримо конкурируют между собой. К тому же, они, как правило, разделяются практикующими юристами, а также теми актуально и потенциально заинтересованными плательщиками, чьи интересы модулируют научную дискуссию. Тем не менее, конституционное правопонимание раскрывает равную несостоятельность притязаний на «правоустанавливающую истину» сторонников как «налоговой имплементации», так и кодифицирующего обосновления неналоговых платежей [5, 10]. Законодателю нельзя забывать о своей

конституционной дискреции и обязанности обеспечения баланса и единства конституционно значимых интересов и ценностей. В особенности учитывая актуальное измерение (специально-военное возрастание) бюджетно-финансово-экономических конституционных потребностей государства как в узком (политико-институциональном), так и широком (общественно-гражданском) смысле.

Завершая сказанное и не имея возможности предложить здесь более развернутую аргументацию, полагаем возможным заключить, что существующее нормативное положение, при котором разнообразные по видам обязательные неналоговые платежи устанавливаются профильными законами, регулируются, в том числе, на подзаконном уровне – в формате сложных (многоуровневых и федеративных) конструкций – и допускают местную спецификацию, – основам конституционного строя России и идеалу конституционного правопорядка не противоречит. Это главное. Другое дело, что независимо от субъектов и уровней нормативно-правовых установлений, речь не может идти о произвольном целеполагании или «односторонней» – экономически детерминированной – публично-властной заинтересованности. В частности, вводимый законодателем механизм регулирования любого неналогового сбора, безотносительно к его отраслевой или институциональной локации и целевой обоснованности, должен обеспечивать полноту и своевременность уплаты сбора и, одновременно, правомерный характер фискального администрирования деятельности уполномоченных органов и должностных лиц. Актуальными примерами конкретизаций такой бинарной конституционности могут служить развернутые отыскочные констатации Конституционным Судом РФ институционального блока системы мер контроля специально уполномоченными органами соблюдения профильного законодательства обязанными субъектами права (плательщиками сбора), с одной стороны, и гарантий прав этих субъектов в рамках возможного привлечения их к ответственности за несоблюдение законодательных установлений, с другой стороны [3].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020 (дата обращения: 03.11.2024).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2006 г. № 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О связи» в связи с запросом Думы Корякского автономного округа // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 г. № 1796-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «ГАРАНТ и К» на нарушение его конституционных прав абзацем третьим пункта 14 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision781625.pdf> (дата обращения: 09.11.2024).
4. Андреев Н.Ю. Конституционная обязанность по уплате налога как связь человека и государства // Финансовое право. 2017. № 5. С. 26–29.
5. Бобринев Р.В. Унификация правового регулирования неналоговых платежей // Финансовое право. 2018. № 10. С. 36–40.
6. Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 5–27.
7. Должиков А.В. Уже пора умом Россию понимать? Требование пригодности в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 51–86.
8. Крусс В.И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 304 с.
9. Лазарев В.В. Проблемы общей теории jus: учебник для магистрантов юридических наук / В.В. Лазарев, С. В. Липень, А. Х. Сайдов; отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 656 с.
10. Малько А.В. Научная обоснованность и прогнозирование как важнейшие принципы современной российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 1. С. 8 – 14.
11. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА*М, 1999. 552 с.
12. Путин В.В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75521> (дата обращения: 09.11.2024).
13. Селиванов А., Орлов М., Зарипов В., Брызгалин А., Щекин Д., Тимофеев Е., Никитин К., Козырин А., Винницкий Д., Мачехин В. Неналоговые платежи в российском законодательстве: грядет систематизация? // Закон. 2018. № 3. С. 14–26.
14. Сивицкий В.А. Коллизии как болезнь роста содергательности правового регулирования: методы «профилактики» и «лечения» // Юридическая техника: Ежегодник. Вып. 11. 2017. С. 308–314.
15. Теория государства и права: учебник / под ред. Р.А. Ромашова. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 630 с.
16. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. IV. Финансовое право России: монография / под ред. Р.Л. Хачатурова, Х.В. Пешковой. М.: Юрлитинформ, 2021. 584 с.
17. Хайек Фридрих Август фон Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики

/ пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.

18. Юстус О.И. Налоговая выгода: поиск баланса публичных и частных интересов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 84–90.

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 4253-0971, e-mail: t-prava@yandex.ru

Legal science and law-making practice: problems of adequate communication

V.I. Kruss

Tver State University, Tver

The article raises the problem of conceptual rethinking of the principle and criteria of scientific character of legislative practice at the present stage of constitutional transformation of the legal system of the Russian Federation. The position is put forward that it is possible to ensure the likelihood of appropriate (adequate) communication between the legislator and representatives of the scientific and legal corps only on the basis of agreement on the meaning of constitutional legal understanding. The author verifies the argumentation in relation to the specifically identified current task of modernizing the legislative establishment and regulation of mandatory non-tax payments.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, principle of scientific lawmaking, constitutional lawmaking analogy, non-tax payments.*

About author:

KRUSS Vladimir – the doctor of Law, professor, Head of the Department of Theory of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: t-prava@yandex.ru

Крусс В.И. Юридическая наука и законотворческая практика: проблемы адекватной коммуникации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 64–72.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

К вопросу об особых административно-правовых режимах

Т.В. Кувырченкова¹, В.В. Черевко²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

² ЧОУ ВО «Академия управления и производства», г. Москва

Предметом исследования стали правовые нормы, регулирующие административно-правовые режимы, вводимые в особых условиях, а также теоретические взгляды ряда ученых о месте особых правовых режимов в административном законодательстве. Цель – установление возможных пробелов в регулировании особых (специальных) административных режимов и разработка предложений по совершенствованию законодательства. Одними из основных методов, используемых в работе, стали сравнительный и системный. В результате проведенного исследования установлено, что в настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие «особые правовые режимы», в научной литературе также не выработано единого определения и классификации особых административно-правовых режимов. На международном уровне предпринимаются усилия по унификации терминологии правовых режимов, а также разрабатываются единые подходы к обозначению мер, необходимых для поддержания режимов. В связи с изложенным, предлагается дальнейшее совершенствование законодательства в этой области регулирования.

Ключевые слова: государственное управление, особые административно-правовые режимы, режим чрезвычайного положения, режим военного положения, режим особого положения, режим чрезвычайной ситуации, режим контртеррористической операции.

Государственное управление тесно взаимосвязано с действием различных административно-правовых режимов. Например, правила дорожного движения, правила пожарной безопасности и др. Установление их возможно также в разных сферах деятельности. Во всех этих случаях закрепляется определенный порядок, определенные требования, что в конечном итоге и характеризует тот или иной административно-правовой режим. Но большинство этих правил, мер относится к постоянно действующим. Так, С.С. Маилян в своей монографии «Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью» пишет о том, что установление порядка (режима) лежит в сути самого управления [13, с. 15]. И далее – «... сущность управлеченческих режимов заключена в природе самого управления, в данном случае управления социального. Нельзя построить даже минимально эффективную систему управления, не

осуществив при этом режимную организацию ее основных компонентов» [13, с. 19].

Но государственное управление возможно также и вне пределов действия правовых режимов. И как верно далее отметил С.С. Маилян: «Режимами закрепляются лишь принципиально важные элементы организации, обеспечивающие их гарантированную реализацию» [13, с. 28].

Исследованиям административно-правовых режимов посвящено достаточно публикаций, но вопросы не теряют своей актуальности, особенно в настоящее время, когда органы публичной власти сталкиваются с необходимостью реорганизации своей деятельности в условиях введения специальных административно-правовых режимов.

Некоторые международные источники закрепили меры, которые необходимо предпринимать при введении административных режимов. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах есть статья 4, содержащая право любого государства ограничивать права граждан при введении чрезвычайного положения:

«1. Во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему Пакту только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискrimинации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения.

2. Это положение не может служить основанием для каких-либо отступлений от статей 6, 7, 8 (пункты 1 и 2), 11, 15, 16 и 18.

3. Любое участвующее в настоящем Пакте государство, использующее право отступления, должно немедленно информировать другие государства, участвующие в настоящем Пакте, через посредство Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о положениях, от которых оно отступило, и о причинах, побудивших к такому решению. Также должно быть сделано сообщение через того же посредника о той дате, когда оно прекращает такое отступление» [2].

Международный пакт о гражданских и политических правах содержит процедуру введения чрезвычайного положения, а также необходимость сообщения о дате отмены чрезвычайного положения, с этого момента оно прекращает действовать. В Федеральном конституционном законе от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» нормы Международного пакта нашли отражение в ст. 37, где также закреплена обязанность в случае введения чрезвычайного положения проинформировать Генерального секретаря ООН о временных ограничениях прав и свобод граждан, а при его отмене о

возобновлении в полном объеме действий положений Международного пакта [9].

Со стороны международного сообщества предпринимаются меры и для унификации терминологии, гармонизации законодательства, касающегося действий административно-правовых режимов. Так, 19.12.2023 г. Постановлением 16-6.3 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) был принят «Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности». В указанном источнике даются определения агрессии, военного положения, гибридной войны, массовых беспорядков, режима государственной границы, режима защиты государственной тайны (режима секретности), чрезвычайной ситуации [3]. Таким образом, на региональном международном уровне возможна унификация некоторых терминов, касающихся определений правовых режимов и оснований для их введения.

Так, военное положение определено как особый правовой режим, временно вводимый на территории государства или в отдельных его местностях в соответствии с национальным законодательством в случае агрессии против государства или непосредственной угрозы агрессии, связанный с предоставлением государственным органам, органам военного управления, органам местного самоуправления полномочий, необходимых для устранения угрозы агрессии или отражения агрессии, а также с времененным ограничением прав и свобод граждан государства, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций, возложением на них дополнительных обязанностей. Чрезвычайная ситуация, как основание для введения соответствующего режима, определена как обстановка, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [3]. К сожалению, режим чрезвычайного положения в глоссарии не получил закрепления.

Помимо унификации терминологии правовых режимов на международном уровне также разрабатываются единые подходы к обозначению некоторых мер, необходимых для поддержания режима и ликвидации последствий возникшей угрозы. Так, в Постановлении № 15-6.1 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О проекте Рекомендаций по гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ по вопросам изъятия имущества граждан и организаций в условиях военного или чрезвычайного положения (реквизиции)» говорится о необходимости дополнения гражданских кодексов государств положениями об

основаниях реквизиции в условиях военного положения. На момент подписания этого документа только гражданское законодательство Республики Казахстан содержало такое положение [4].

Такие единые рекомендации содержались также в «Инструментарии для государств – членов Совета Европы. Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией COVID-19 (SG/INF(2020)11)», где было указано, что в условиях чрезвычайного положения государственные власти могут быть наделены полномочиями по принятию указов, имеющих силу законов. Но такие полномочия могут действовать ограниченный срок. Если срок продлевается, тогда осуществляется контроль со стороны парламента. И в целом принятые в такой ситуации нормативные акты должны быть срочными [5].

А вот в «Справочнике военных и военно-технических терминов ОДКБ для целей государственного правового регулирования», принятом в г. Санкт-Петербурге 13.10.2017 г. Постановлением 10-3.7 Парламентской Ассамблеи ОДКБ, даются определения терминов, касающихся введения и действия особых правовых режимов, в сравнительном анализе, для каждого конкретного государства [6]. Так, формулируются понятия чрезвычайной ситуации, чрезвычайной ситуации социального характера, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации техногенного характера, чрезвычайного происшествия.

В Постановлении № 39-28 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) «О Комментариях к модельному антитеррористическому законодательству СНГ» закреплено определение правового режима противодействия террористической угрозы, под которым понимается режим деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, направленный на устранение террористической угрозы, вводимый в порядке, предусмотренном законодательством государства, и допускающий установленные государственными законами отдельные временные ограничения прав и свобод граждан, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Также констатируется тот факт, что режим контртеррористической операции изменяет правовой статус органов, осуществляющих на этой территории государственное управление, и устанавливается либо весь комплекс мер, необходимых для ликвидации террористического акта, либо некоторые временные административные меры [7].

Таким образом, на региональном уровне в рамках международных организаций идет процесс сближения законодательства разных стран, регулирующего вопросы действия административно-правовых режимов, вводимых в особых условиях.

Вопросы обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности, а также «осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий», т. е. с чрезвычайными обстоятельствами различного вида, находятся в совместном ведении Российской Федерации и входящих в ее состав субъектов (п. «б» и «з» ч. 1 ст. 72 Конституции России) [1]. Поэтому организация деятельности органов власти (чаще всего исполнительной) в рассматриваемых условиях осуществляется на трех управлеченческих уровнях: федеральном, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Любой режим предполагает установление определенных правил; для режимов, устанавливаемых для особых условий, необходимы ограничения прав граждан, определение пределов таких ограничений (например, некоторые конституционные права не ограничиваются), установление дополнительных гарантит от нарушений прав, а также проведение конкретных мероприятий для поддержания режима.

В литературе встречается такая классификация, как «постоянно действующие режимы» и «режимы, введенные на определенное время». Но если целью любого режима является обеспечение безопасности граждан и защита основ конституционного строя, которые предполагают кроме всего прочего и некоторые ограничения прав, то чисто теоретически действие режима всегда должно предполагать какие-то временные рамки. Но постоянно действующие режимы не имеют временных рамок и предполагают бессрочное ограничение некоторых прав, в отличие от режимов, вводимых в особых условиях. Для последних характерны конкретные временные рамки действия, а их длительность зависит от обстановки.

В качестве постоянно действующих режимов В.Д. Мельгунов в своей работе «Административно-правовое регулирование и административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности» предлагает рассматривать административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности следующим образом:

«а) в качестве одного из основных, минимально достаточных средств, посредством которых осуществляется современное административно-правовое воздействие на общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности;

б) как объективно необходимый элемент вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в целях ее упорядочивания, обеспечения безопасности, развития и сглаживания

противоречий публичных и частных интересов. При этом установление и использование административно-правовых режимов необходимо, в первую очередь, в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства (например, режимы обеспечения промышленной безопасности и лицензирования предпринимательской деятельности), а также в целях защиты прав субъектов предпринимательской деятельности и других лиц от неправомерных действий других ее субъектов (например, режим обеспечения конкуренции), упорядочивания воздействия органов исполнительной власти и обеспечения его эффективности (например, в режимах государственного протекционизма)» [15, с. VII–VIII].

Конечно, затруднительно привести исчерпывающий перечень таких правовых режимов или хотя бы единую их классификацию, т. к. они очень разнообразные и многочисленные.

Любой правовой режим требует регламентации в соответствующем законодательстве. Если мы говорим о ситуации неординарных (чрезвычайных), то они также требуют закрепления в соответствующих правовых актах. Но, как верно указывал в своей работе А.В. Мелехин правоотношения, возникающие в чрезвычайных условиях, не имеют единого правового закрепления, т. к. регулируются различными отраслями права, что создает определенные пробелы в действующем законодательстве и противоречия правовых норм [14].

Возникают некоторые проблемы и при введении комплексных режимов. Например, в ситуации, когда происходит внутренний вооруженный конфликт, но есть угроза совершения террористического акта, т. е. необходима система комплексных мер, а режим устанавливается один.

В литературе нет единообразной классификации административных режимов. Больше всего это касается определения режима особого положения и характеристики особых правовых режимов в целом. Так, законодатель не дает определение «режим особого положения», а проведенные научные изыскания по-разному его формулируют.

Так, С.И. Харитонов к особым правовым режимам относит те, введение которых обусловлено обстоятельствами исключительного, экстраординарного характера (это чрезвычайное положение, военное положение, правовой режим контртеррористической операции и др.) [20, с. 53]. В научной литературе также используется термин специальные административного-правовые режимы (далее – САПР).

В.Б. Рушайло в своей диссертации еще в 2004 г. понимал САПР, как форму государственного управления, допускающую ограничения правосубъектности физических и юридических лиц, вводимый в качестве временной меры, обеспечиваемый средствами административно-правового характера и направленный на обеспечение безопасности личности, общества и государства [17].

Н.А. Морозова, говоря о чрезвычайном законодательстве, относит сюда такие явления, как «чрезвычайная ситуация», «чрезвычайное положение», «военное положение», «контртеррористическая операция» и др., объединяя их общим термином «особые правовые режимы» [16, с. 28].

А.В. Мелехин рассматривает особые правовые режимы как меру, применяемую государством с целью предотвращения угрозы наступления чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени или ликвидации их последствий. Автор считает, что установление указанных режимов является формой реализации чрезвычайного законодательства России [14].

А.В. Мелехин делает следующий вывод, говоря о особых правовых режимах: «Содержание особых правовых режимов определяется федеральным законодательством и предусматривает необходимость проведения взятых в комплексе экономических, политических, административных, военных, правовых, идеологических и иных мер, направленных на предотвращение или ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций, угрожающих личности, обществу и государству» [14].

С.А. Старостин в своей монографии «Чрезвычайные административно-правовые режимы» дает классификацию чрезвычайных административно-правовых режимов, прямо указывая на то, что не особые, а именно чрезвычайные режимы позволяют успешно встроить их в чрезвычайное законодательство и решить имеющиеся в законодательстве проблемы. Он же дает определение чрезвычайному административно-правовому режиму, под которым понимает вводимый в соответствии с федеральным законом на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях специальный правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установление отдельных ограничений прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей [19, с. 2].

С.М. Зырянов в своей работе «Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснования необходимости введения», давая характеристику экстраординарным режимам, писал о «спящем законодательстве», которое регулирует эти режимы [11, с. 76]. Автор называет их экстраординарными, специальными, особыми, также указывая на то, что в науке не сложилось единого представления о соотношении этих понятий. В конце работы С.М. Зырянов предлагает свою формулировку, определяя экстраординарные режимы как разновидность специальных

административно-правовых режимов, вводимых при чрезвычайных ситуациях. Они имеют временные рамки до того момента, пока чрезвычайная ситуация не будет ликвидирована либо не прекратится естественным путем, либо будут устранены ее последствия. Эти режимы отличаются более жесткими мерами, предполагают изменение системы управления, в некоторых случаях приостановления предприятий и организаций [11, с. 80]. Таким образом, автор фактически дает характеристику режимам, которые в научной литературе получили названия особые, чрезвычайные или специальные. Это еще раз подтверждает тот факт, что не сформировано единое понятие и единая классификация перечисленных режимов.

Как указывал С.С. Маилян, наличие особых угроз безопасности и правопорядку подразумевает наличие чрезвычайных режимов правоохранительной деятельности и требует их специальной правовой регламентации [13, с. 124].

В любом случае особые правовые режимы понимаются как ответные государственные меры на возникшие угрозы, предполагающие перестройку системы государственного управления на новые «чрезвычайные рельсы».

Ряд научных публикаций посвящен также исследованию режима особого положения, его характеристикам. Позиции авторов не всегда совпадают. Так, М.А. Рыльская в своей монографии «Урегулирование внутренних вооруженных конфликтов: опыт, проблемы» выделяет три вида административно-правовых режимов социального характера: особое положение, чрезвычайное положение и военное положение [18, с. 58]. Также автор под режимом особого положения понимает временный правовой режим деятельности государственной власти, вводимый на территории города (района в городе), одного или нескольких субъектов Российской Федерации в целях принятия неотложных мер по стагнации чрезвычайных ситуаций социального характера, грозящих кризисными осложнениями, допускающий становление ограничения основных прав и свобод граждан, а также возложения на них дополнительных обязанностей [18, с. 59]. В качестве оснований для введения такого режима она предполагает возможность возникновения внутреннего вооруженного конфликта, и рассматривает режим как профилактическую меру, когда должны присутствовать определенные ограничения и запреты, а чрезвычайное положение не объявляется. Похожая ситуация происходила на территории Северного Кавказа в конце 90-х – начале 2000-х гг. Государство пошло в тот период по пути объявления режима контртеррористической операции, который продолжал действовать длительное время. Существующий тогда Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» закрепил понятие контртеррористической операции и соответствующего режима. Под контртеррористической операцией

понимались специальные мероприятия, направленные на пресечение террористической акции, обеспечение безопасности физических лиц, обезвреживание террористов, а также минимизацию последствий террористической акции. Статья 13 указанного федерального закона определяла общие требования к правовому режиму в зоне проведения контртеррористической операции [10]. Данный правовой режим был отменен только в 2009 г.

С.А. Старостин, проводя аналогичные исследования, предлагает либо принять отдельный федеральный закон «Об особом положении», либо встроить нормы, его регулирующие, в уже существующий федеральный закон. Под данным режимом он понимает более мягкий административно-правовой режим, который предшествовал бы введению чрезвычайного положения и регулировал бы кризисные ситуации социального характера. Автор считает, что этим законом можно охватить различные ситуации социального характера, и использовать режим в качестве профилактической меры до введения режима более жесткого чрезвычайного положения [19, с. 43].

Необходимость урегулирования ситуации, когда есть угроза возникновения вооруженного конфликта немеждународного характера, путем введения особого правового режима была ранее обозначена нами в монографии «Защита прав человека в условиях внутренних вооруженных конфликтов» [12, с. 56–57]. Обосновывалось это также недостаточной проработанностью законодательства, отсутствием правовых норм, закрепляющих терминологию таких различных правовых режимов. А то, что отдельная дефиниция необходима для характеристики режима при возникновении внутреннего вооруженного конфликта, не вызывает сомнения. Полагаем, что все-таки в обстановке угрозы возникновения вооруженного конфликта немеждународного характера меры реагирования должны отличаться и это требует отдельного регламентирования. Эти нормы могут либо получить закрепление в специальном федеральном законе, либо войти отдельным разделом в уже действующий закон.

Российское законодательство, реагируя на современные вызовы, не стоит на месте. Так, были внесены изменения в Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) об административной ответственности за нарушение режима военного положения (ст. 20.5.1 КоАП РФ), за нарушения, связанные с военными обязанностями и мобилизацией (ст. 19.38 КоАП РФ) и т. д. [8]. Недостаточность проработки положений законов о правовых режимах, вводимых в особых условиях (особенно это касается режимов военного положения, чрезвычайного положения и контртеррористической операции), возможна вследствие того, что не было в этом необходимости, государственное управление не предполагало наступление подобных ситуаций, это, как было сказано выше, «спящее

законодательство». В современных условиях возникшие проблемы, пробелы в правовом регулировании требуют скорейшего разрешения. Это связано в первую очередь с безопасностью граждан страны, государства и обеспечением государственного суверенитета.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020 (дата обращения: 03.11.2024).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. ст. 291.
3. Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности (принят 19.12.2023 г. Постановлением 16-6.3 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности) // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://paodkb.org/>(дата обращения: 03.11.2024).
4. О проекте Рекомендаций по гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ по вопросам изъятия имущества граждан и организаций в условиях военного или чрезвычайного положения (реквизиции) (принято в г. Москве 05.12.2022) // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.paodkb.ru/> (дата обращения: 03.11.2024).
5. Инструментарий для государств – членов Совета Европы. Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией COVID-19 (SG/INF(2020)11) (принят 07.04.2020 г.) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 5.
6. Справочник военных и военно-технических терминов ОДКБ для целей государственного правового регулирования (принят в г. Санкт-Петербурге 13.10.2017 г. Постановлением 10-3.7 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности) // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.paodkb.ru/>(дата обращения: 03.11.2024).
7. О Комментариях к модельному антитеррористическому законодательству СНГ (принято в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 г. Постановлением № 39-28 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 60 (часть 3). Комментарии опубликованы на сайте Межпарламентской Ассамблеи СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://iacis.ru/> (дата обращения: 03.11.2024).

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.10.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023 г.) «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
10. Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3808.
11. Зырянов С.М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 72–81 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstraordinarnye-spetsialnye-administrativno-pravovye-rezhimy-ponyatie-i-obosnovanie-neobhodimosti-vvedeniya/viewer> (дата обращения: 03.11.2024).
12. Кувырченкова Т.В. Защита прав человека в условиях внутренних вооруженных конфликтов: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. 86 с.
13. Маилян С.С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 214 с.
14. Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
15. Мельгунов В.Д. Административно-правовое регулирование и административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 160 с.
16. Морозова Н.А. Административная ответственность как элемент особого правового режима // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 28–31.
17. Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissertcat.com/content/spetsialnye-administrativno-pravovye-rezhimy-v-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 03.11.2024).
18. Рыльская М.А. Урегулирование внутренних вооруженных конфликтов: опыт, проблемы: монография. М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 2003. 88 с.
19. Старостин С.А. Чрезвычайные административно-правовые режимы: монография. Москва: Проспект, 2022. 112 с.
20. Харитонов С.И. Гарантии конституционных прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов // Юрист. 2020. № 12. С. 53–58.

Об авторах:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

ЧЕРЕВКО Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права Частного образовательного учреждения

On the question of special administrative-legal regimes

T.V. Kuvyrchenkova¹, V.V. Cherevko²

¹ Tver State University, Tver

² Academy of Management and Production, Moscow

The subject of the study was the legal norms regulating administrative-legal regimes introduced in special conditions, as well as the theoretical views of a number of scientists on the place of special legal regimes in administrative legislation. The goal is to identify possible gaps in the regulation of special (special) administrative regimes and develop proposals for improving the legislation. Some of the main methods used in the work were comparative and systemic. As a result of the study, it was established that at present the legislation of the Russian Federation does not include the concept of special legal regimes, and the scientific literature has not developed a single definition and classification of special administrative-legal regimes. At the international level, efforts are being made to unify the terminology of legal regimes, and uniform approaches to the designation of measures necessary to maintain regimes are being developed. In connection with the above, further improvement of legislation in this area of regulation is proposed.

Keywords: *public administration, special administrative and legal regimes, state of emergency, martial law, special state, emergency situation, counter-terrorism operation regime.*

About authors:

KUVIRCHENKOVA Tatyana – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

CHEREVKO Vladimir – PhD in Law, Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Academy of Management and Production, SPIN-code: 1516-4488, AuthorID: 1021804, e-mail: Cherevkovv@bk.ru

Кувырченкова Т.Б., Черевко В.В. К вопросу об особых административно-правовых режимах // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 73–84.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

УДК 342.25
DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.085

Некоторые аспекты обеспечения доступа и качества образования на муниципальном уровне

В.С. Очагова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются вопросы правовой регламентации и практической реализации обеспеченности доступа к образованию на уровне муниципальных образований. Даны оценка некоторым категориям, имеющим определяющее значение по данной тематике. Муниципальный уровень власти, являясь наиболее близким гражданам, заключает в себе обширный спектр предоставляемых образовательных услуг. Рассмотрены полномочия некоторых муниципальных органов власти в сфере образования в различных субъектах Российской Федерации. Также проведен анализ нескольких муниципальных программ, касающихся области образования, реализуемых разными регионами.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, образование, обеспеченность доступа, муниципальная программа, образовательные организации.

Местное самоуправление опирается на различные правовые основания, включая общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, принятые Россией, а также федеральные конституционные законы, федеральные законы и прочие нормативные правовые акты, которые изданы в соответствии с ними. Эти акты включают указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, а также другие нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти. Дополнительно местное самоуправление основывается на конституциях (уставах), законах и других нормативных правовых актах, утвержденных субъектами государства, а также муниципальных уставах. Решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан, а также другие муниципальные правовые акты имеют юридическую значимость [1]. Однако в этом направлении существенная часть взаимоотношений регулируется непосредственно Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Сфера образования преимущественно регламентирована в профильном Федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2]. В соответствии с данным нормативно-правовым актом на органы местной власти возлагаются

обязанности создания благоприятных условий для реализации образовательных потребностей населения. На учредителя возлагается ответственность за разработку алгоритмов приема в муниципальное образовательное учреждения детей на начальное, основное, среднее общее образование. Так как все граждане имеют право на образование, оно должно реализовываться на территории того муниципалитета, где эти граждане проживают.

В качестве неотъемлемого элемента национального пространства образовательной среды является развитие образовательных учреждений на уровне муниципалитетов. Так, муниципальная образовательная система – это многофункциональная, разноуровневая сеть, которая включает разные виды образовательных учреждений.

Особого внимания требует разъяснение понятийного аппарата в отношении категорий «доступ» и «доступность», поскольку смешение этих понятий ведет к двусмысленности и ложному пониманию сути рассматриваемых правоотношений.

Доступ – это впуск, допуск куда-либо. Доступность – то, что подходит для многих, для всех [5]. Исходя из данных сведений, можно предположить, что доступ предполагает возможность получения, использования или взаимодействия с какой-либо информацией, ресурсами или услугами. Доступ может быть физическим, электронным или социальным. Доступность – это характеристика, определяющая, насколько легко или сложно можно получить доступ к определенному ресурсу или услуге. Доступность включает в себя физические и нефизические аспекты, такие как наличие, стоимость и условия использования. Связь между доступом и доступностью проявляется в том, что доступ предполагает наличие возможности, тогда как доступность определяет степень этой возможности. То есть, имея доступ к ресурсу, необходимо также учитывать, насколько он доступен в практическом смысле. Например, доступ к образовательным материалам может быть обеспечен через Интернет, но если материалы платные или система регистрации сложна, то их доступность оказывается ограниченной. Так, в сфере образовательных отношений важно не только предоставить доступ обучающимся к учебным материалам, но и обеспечить, чтобы эти материалы были доступны для разнообразной аудитории (например, для лиц с особыми потребностями). Доступ и доступность взаимосвязаны, но не идентичны. Без доступа нельзя говорить о доступности, но даже при наличии доступа, доступность может быть ограничена, что непосредственно влияет на эффективность использования ресурсов и услуг. Понимание этих понятий и их отличий является ключевым для разработки эффективных систем и практик в разных областях. Представляется, что в контексте исследуемой тематики прежде всего

необходимо обращаться к вопросу обеспечения именно доступа, а уже после уточнять возможность доступности сферы образования.

Муниципалитеты имеют право разрабатывать свои собственные стратегии и политику, направленные на благо жителей своей территории. Они наделены полномочиями в области образования, выступают в качестве учредителей школ и учреждений для дошкольного и дополнительного образования, располагают собственным бюджетом и другими местными ресурсами. Их активное участие в местной социокультурной среде играет важную роль для успешной реализации социальных инициатив. Важным аспектом является вовлечение местного сообщества в решение актуальных социальных проблем, что нельзя недооценивать. Это должно стать основным элементом в развитии системы образования.

Функционирование образовательных организаций, обеспечение доступа, доступности и качества образования возможно проследить на примере определенных муниципальных образований. Например, в Твери успешно действуют разные образовательные учреждения, которые подведомственны органам власти и оказывают большой спектр образовательных услуг в соответствии с индивидуальными и возрастными особенностями детей, потребностями общества и семьи.

Администрация города Твери, способствуя развитию образования на муниципальном уровне, осуществляет оказание следующих услуг в образовательной сфере: информирование населения относительно проведения ежегодной аттестации учеников; информирование населения о результатах сданных экзаменов и зачислении в дальнейшие учебные заведения; информирование об актуальных учебных планах и образовательных программах; информирование о реализации программ дошкольного, начального, среднего, основного обучения и других общеобразовательных программ дополнительного типа; информирование об оценках учеников посредством ведения журнала успеваемости и дневника. Как можно заметить, функции администрации по большей мере носят ознакомительный характер для населения.

Также администрация города Твери разрабатывает и реализовывает комплекс мероприятий по развитию и улучшению доступности образования. Так, более 20 000 детей в 2022 г. в возрасте 1–7 лет посещали негосударственные и государственные муниципальные дошкольные образовательные учреждения в режиме полного дня. В этом отчетном периоде дошкольным образованием города Тверь было охвачено 83 % детей дошкольного возраста [7].

Несмотря на такие высокие показатели, которые приводит администрация, многие семьи сталкиваются с тем, что не могут определить ребенка в дошкольное образовательное учреждение даже по прошествии трех лет. Хотя родители сразу же после рождения

ребенка «встают в очередь» в детский сад, к моменту выхода родителя из отпуска по уходу за ребенком довольно часто место за воспитанником еще не закреплено. На примере многих семей можно сказать, что в таком случае родителям приходится либо отдавать малыша в частный детский сад, либо «освобождать» прежнее место работы, если нет дополнительных помощников, поскольку работодатель требует выхода работника в полноценном режиме. Также надо понимать, что далеко не все семьи имеют финансовую возможность отдавать ребенка в частный детский сад или же дополнительно нанимать помощников, поэтому органы муниципальной власти должны понимать всю ту степень ответственности, которая на них возлагается как со стороны родителей, так и общества в целом. В некоторых случаях родители детей, достигших трехлетнего возраста, обращаются в управление образования, где, исходя из их конкретных обстоятельств, им стараются найти место для ребенка в каком-либо ином детском саду на то время, пока не появится свободное место в том дошкольном учреждении, за которым они закреплены в очереди. Это достаточно распространенная проблема для многих семей. Проблему нехватки средств местного бюджета администрация могла бы решить путем финансирования строительства и увеличения числа дошкольных образовательных учреждений через инвесторов. (Так, строительные компании должны были бы предусматривать в своих проектах строительство детских садов при возведении жилых домов, превышающих определенную заданную отметку численности жителей в них).

К сожалению, такая ситуация складывается повсеместно. В перспективном плане деятельности Камчатского края был пункт о строительстве в пос. Оссора к 2019 г. детского сада. Позже эта дата сместились на 2021 г. Но его не построили и к 2024 г., и это несмотря на то, что сегодня остро чувствуется потребность в новых дошкольных учреждениях, которую стремится удовлетворить каждый регион. Можно лишь надеяться, что эта инициатива обретет практическое выражение и детские дошкольные учреждения все-таки появятся.

В ряде случаев муниципалитеты идут особым путем. Так, в городе Смоленске акцент сделан на обеспеченности детскими садами возрастной группы детей, даже не достигших трехлетнего возраста. Потребность в наличии ясельных групп весьма ощутима, поскольку многие родители хотели бы приступить к выполнению своих трудовых обязанностей как можно раньше, не дожидаясь окончания отпуска по уходу за ребенком. Группы кратковременного пребывания также не теряют своей актуальности, напротив, с каждым годом спрос на них только увеличивается. Благодаря им родители также получают возможность работать, хотя и не целый день. Что касается

адаптированности системы образования под каждого ребенка, то год от года эта тема является все более обсуждаемой общественностью, органы местного самоуправления также не обходят стороной этот вопрос и прилагают усилия для наиболее успешного его разрешения.

Оценивая качество предоставления образования, стоит обратить внимание и на то, насколько эстетичной, безопасной и развивающейся является инфраструктура образовательного учреждения, насколько она ориентирована на то, чтобы укреплять и сохранять здоровье детей. С целью поощрения и дальнейшего развития этого направления в городе Твери ежегодно проводятся конкурсы, предусматривающие, например, определение лучшего участка детского сада. Также в Тверской области каждый год организовываются фестивали детского творчества под названием «Творческая звездочка». Это актуальные мероприятия для всей общественности города, которые позволяют раскрыть юные таланты дошкольников.

Качественное, многофункциональное современное физкультурное оборудование установлено в 82 % дошкольных учреждений в соответствии с программой благоустройства районов города Твери. Это оборудование предназначено для того, чтобы своевременно развивать у ребенка физические навыки и укреплять его здоровье. Также внимание уделяется повышению качества общего образования, разработке и внедрению современных систем оценки качества образования.

Кроме того, можно обратиться к опыту муниципальных образований других субъектов РФ. Повсеместно встречается ситуация, когда многими муниципалитетами реализуются разного рода муниципальные программы. Под муниципальной программой понимается «комплекс увязанных по срокам, ресурсам и исполнителям мероприятий социально-экономического, организационно-хозяйственного и иного характера, который обеспечивает последовательное решение проблем в сфере экономики, экологии, в социальной и иных сферах муниципалитетов» [4]. Так, город Воронеж реализует муниципальную программу под названием «Развитие образования». В рамках программы разработано три подпрограммы и запланировано проведение двух ключевых блоков мероприятий. Первые касаются следующих тем: «Развитие общего и дополнительного образования», «Развитие дошкольного образования», «Вовлечение молодежи в социальную практику». Тематика второго блока несколько отличается: «Социализация детей, которые нуждаются в специальной защите и детей из числа сирот», «Создание условий для конструктивного отдыха подрастающего поколения ГО город Воронеж». Такая детализация муниципальной программы и, соответственно, финансирования, более внимательного распределения ресурсов по каждому вопросу может предполагать получение более высоких показателей.

Согласно данным Администрации города Воронежа в результате реализации муниципальной программы удалось достичнуть таких показателей:

- в общеобразовательных учебных организациях числилось 89,5 % учеников;
- в дошкольной среде было зарегистрировано 77,91 % детей в возрасте 1–6 лет;
- дополнительное образование получили 68,6 % детей 5–18 лет;
- в общественной жизни города участвовало 35,7 % молодежи из всего количества, которое значится в городском округе города Воронежа;
- 0 % детей удовлетворены отдыхом в тех муниципальных детских лагерях, которые действуют на территории муниципалитета.

Как показывает практика, суждение о высокой эффективности муниципальной программы не совсем верно, поскольку процент детей, задействованных и удовлетворенных общественной жизнью и ее благами, предельно низкий [6].

Другие субъекты Федерации также реализуют муниципальные программы в целях развития сферы образования. Например, можно обратиться к сведениям, которые отражены в публичном докладе Управления образования и молодежной политики Администрации города Смоленска. По данным вышеупомянутого источника средств на реализацию муниципальной программы «Развитие системы образования г. Смоленск» было потрачено свыше трех миллионов. На другие муниципальные программы средств было потрачено значительно меньше.

В последние годы деятельность муниципальной системы дошкольного образования Смоленска была направлена на решение следующих задач:

1. Обеспечение доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 1,5 до 3 лет в городе Смоленске.
2. Развитие вариативных форм дошкольного образования, в том числе за счет открытия групп кратковременного пребывания.
3. Создание специальных условий для получения дошкольного образования воспитанниками с ограниченными возможностями здоровья, посещающими группы общеразвивающей направленности.
4. Создание условий, направленных на развитие интеллектуальных и творческих способностей воспитанников с учетом их индивидуальных образовательных возможностей и потребностей.

Муниципальные образовательные организации Смоленска планировали решение разных задач:

1. Создание нужных условий для того, чтобы дети получали качественное доступное образование в соответствии с теми

индивидуальными возможностями и потребностями, которые они имеют, и в рамках реализации приоритетных задач образования.

2. Сохранение целостного пространства оказания образовательных услуг.

3. Оптимизация создания благоприятных условий для выполнения базовых ФГОС среднего общего образования.

4. Акцентирование внимания на тех мероприятиях, которые направлены на охрану здоровья подрастающего поколения.

Стоит отметить, что порядок деятельности данных муниципальных организаций определен лишь в общих чертах, что не способствует эффективной реализации полномочий в сфере образования органами местного самоуправления и пониманию возложенного на них функционала со стороны населения. К сожалению, дефект нормативных правовых актов, регулирующих эти отношения, состоит в том, что полномочия не закреплены точным образом и на данный момент до сих пор возможен «люфт» в правовом поле.

В качестве развития и поддержки дополнительного образования органы местного самоуправления предоставляют возможную помощь общественным организациям, например, в вопросах патриотического воспитания подрастающего поколения. Патриотическое воспитание на уровне муниципалитетов включает в себя военно-патриотическое, гражданско-патриотическое, нравственно-патриотическое, национально-патриотическое и православно-патриотическое воспитание. Прежде всего, органы местного самоуправления ежегодно из бюджета выделяют соответствующую часть финансирования на реализацию базовых мероприятий в этом направлении, деятельность поисковых групп, военно-патриотических и молодежных организаций, оборонных и спортивных лагерей для молодежи [3]. На сегодняшний день в связи с повсеместной ограниченностью местного бюджета финансирование подобных объединений затруднено. Но несмотря на это, в последние годы муниципальные власти активно занимаются повышением уровня образованности, вовлеченности молодежи в подобного рода мероприятия.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что органы местного самоуправления пытаются отвечать на запросы общества, помогая в разрешении их проблем. Дети с раннего возраста получают поддержку со стороны государства в воспитании. Эта поддержка выражается в материальной и финансовой форме, а также в гарантиях того, что все слои населения имеют одинаковый свободный доступ, как минимум к общему образованию.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.
3. Указ Президента РФ от 16.05.1996 г. № 727 (ред. от 21.04.1997 г.) «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» // СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2470.
4. Кузнецов М.Э. Оценка эффективности и результативности муниципальных программ и ведомственных целевых программ / М.Э. Кузнецов, И. П. Марченко // Сибирский международный. 2017. № 19. С. 130-132.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 17.09.2024).
6. Савченко Т.Н. Исследование субъективного качества жизни и удовлетворенности жизнью подростков и родителей // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4 (45). С. 88–101.
7. Сайт Администрации г. Твери [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tver.ru/razvitie/munitsipalnye-programmy/perechen-munitsipalnykh-programm/> (дата обращения: 30.07.2024).

Об авторе:

ОЧАГОВА Валерия Станиславовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), eLIBRARY ID: 54367340, e-mail: lera_melcharek@mail.ru

Some aspects of access and quality of education at the municipal level

V.S. Ochagova

Tver State University, Tver

The article examines the issues of legal regulation and practical implementation of the provision of access to education at the level of municipalities. Some categories of decisive importance on this topic are evaluated. The municipal level of power, being the closest to citizens, includes an extensive range of educational services provided. The powers of some municipal authorities in the field of education in various constituent entities of the Russian Federation are considered. An analysis of several municipal programs related to the field of education implemented by different regions was also carried out.

Keywords: local governments, education, access, municipal program, educational organizations.

About author:

OCHAGOVA Valeria – PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Constitutional, Administrative and Customs Law, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), eLIBRARY ID: 54367340, e-mail: lera_melcharek@mail.ru

Очагова В.С. Некоторые аспекты обеспечения доступа и качества образования на муниципальном уровне // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 85–93.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 349.3

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.094

Право несовершеннолетнего на медицинскую помощь: де-юре и де-факто

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются проблемные вопросы реализации права несовершеннолетнего на охрану здоровья и медицинскую помощь. Анализируются вопросы, возникающие в правоприменительной практике, связанные с обеспечением несовершеннолетних лекарственными препаратами, оказанием амбулаторно-поликлинической помощи медицинскими учреждениями и медицинской помощи в образовательных учреждениях. Отмечается целесообразность утверждения на федеральном уровне единого порядка оказания педиатрической помощи, в котором необходимо закрепить основные правила оказания медицинской помощи несовершеннолетним, а также отыскочные нормы ко всем стандартам медицинской помощи по отдельным детским заболеваниям. Обосновывается положение о дополнительном правовом регулировании ответственности всех лиц, которые связаны с оказанием медицинской помощи несовершеннолетнему (медицинская организация, родители и иные законные представители). Рассмотрены вопросы судебной защиты интересов несовершеннолетних при оказании медицинской помощи в административном судопроизводстве.

Ключевые слова: несовершеннолетний, охрана здоровья детей, отказ родителей от медицинского вмешательства, судебный контроль, административное судопроизводство.

Непосредственное правовое регулирование вопросов, связанных с реализацией права несовершеннолетнего на охрану здоровья и медицинскую помощь, осуществляют Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан») [3], который содержит не только общие положения о правах пациента на медицинскую помощь, но и отдельный перечень прав несовершеннолетних в сфере охраны здоровья.

Так, установлено, что приоритет охраны здоровья детей предопределяет обязанность органов власти всех уровней разрабатывать и реализовывать программы, направленные на профилактику, раннее выявление и лечение заболеваний, снижение материнской и младенческой смертности, формирование у детей и их родителей

мотивации к здоровому образу жизни, принимать меры по организации обеспечения детей лекарственными препаратами, специализированными продуктами лечебного питания, медицинскими изделиями, а также создавать и развивать медицинские организации, оказывающие медицинскую помощь детям, с учетом обеспечения благоприятных условий для пребывания в них детей, в том числе детей-инвалидов, и возможности пребывания с ними родителей и (или) иных членов семьи (ст. 7 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»). Кроме того, ст. 54 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» содержит дополнительные права несовершеннолетних в сфере охраны здоровья. Вместе с тем, анализ норм законодательства показывает, что существуют проблемные вопросы реализации права несовершеннолетнего на охрану здоровья и медицинскую помощь, которые требуют дополнительного закрепления.

Безусловно, сфера медицины вообще и особенно там, где речь идет об охране здоровья и медицинской помощи несовершеннолетним, это обширные и разносторонние общественные отношения, которые очень сложно поддаются детальному правовому регулированию. Поэтому естественно, что одной из особенностей правового регулирования оказания медицинской помощи несовершеннолетним является принятие огромного количества подзаконных нормативных актов – приказов Министерства здравоохранения РФ. Например, на сайте ГБУЗ Тверской области «Детская областная клиническая больница» в разделе «Документы» размещено более 20 стандартов медицинской помощи по отдельным детским заболеваниям, утвержденных приказами Министерства здравоохранения РФ [12].

Кроме того, судебная практика показывает, что могут приниматься решения об обязанности органов государственной власти субъектов РФ в области здравоохранения приобрести лекарственные препараты, незарегистрированные на территории РФ, если они являются единственным возможным вариантом лечения и это требуется для спасения жизни ребенка. Так, действующий в интересах несовершеннолетней дочери отец обратился в суд с иском к Министерству здравоохранения Пензенской области о признании за несовершеннолетней права на бесплатное обеспечение лекарственным препаратом по жизненным показаниям, возложении на ответчика обязанности обеспечить дочь данным лекарственным препаратом в дозе, рекомендаемой медицинской организацией. В обоснование своих требований указал, что его дочь является ребенком-инвалидом, страдает жизнеугрожающим наследственным редким заболеванием. Консилиумом врачей и врачебной комиссией областной детской клинической больницы ей был разрешен к индивидуальному применению по жизненным показаниям незарегистрированный на территории РФ лекарственный препарат как единственно возможный

вариант лечения с учетом быстро прогрессирующего заболевания [18]. Суд, исходя из приоритета защиты интересов несовершеннолетнего при оказании медицинской помощи, обязал обеспечить ребенка лекарственным препаратом, ссылаясь на письмо Министерства здравоохранения РФ «О лекарственном обеспечении за счет средств бюджетов субъектов РФ граждан, страдающих редкими заболеваниями» [9]. Получается, что в настоящее время только в этом письме закреплено положение о недопустимости отказа несовершеннолетним, страдающим редкими заболеваниями, в лекарственном обеспечении за счет средств бюджетов субъектов РФ.

В соответствии со ст. 37 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» утвержден Порядок оказания педиатрической помощи, которым установлены правила оказания помощи несовершеннолетним медицинскими организациями независимо от их организационно-правовой формы [5]. Безусловно, этот порядок не должен быть нормативно-правовым актом, в котором систематизированы все правила оказания медицинской помощи несовершеннолетним. Но вместе с тем на федеральном уровне должен быть утвержден «рамочный» закон, в котором необходимо закрепить основные правила оказания медицинской помощи несовершеннолетним, а также отыскочные нормы ко всем стандартам медицинской помощи по отдельным детским заболеваниям.

Например, до сих пор законодательно не закреплен порядок оказания амбулаторно-поликлинической помощи детскими поликлиниками (отделениями). Длительный период времени действовали правила, предусматривающие перевод во взрослую сеть медицинских учреждений несовершеннолетних при достижении ими возраста 15 лет, не учитывая уровень физического и психического развития ребенка в этом возрасте. Приказом Министерства здравоохранения РФ «О совершенствовании медицинской помощи детям подросткового возраста» [10] этот порядок был изменен, и установлено, что амбулаторно-поликлиническая помощь детям осуществляется медицинскими учреждениями по территориальному принципу в возрасте от 0 до 17 лет включительно. Приказом Министерства здравоохранения РФ от 27.06.2018 г. № 476 «О признании утратившими силу некоторых приказов Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации, Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства здравоохранения Российской Федерации» [7] данный документ был признан утратившим силу, т. е. были отменены следующие инструкции: об организации амбулаторно-поликлинической помощи детям подросткового возраста; о порядке передачи ребенка по достижении им возраста 18 лет под наблюдение амбулаторно-поликлинического учреждения общей сети и т. д. Кроме того, было отменено единое организационно-методическое руководство

системой медицинской помощи детям в возрасте до 17 лет включительно в условиях детских амбулаторно-поликлинических учреждений; порядок оказания стационарной помощи детям в возрасте до 17 лет включительно в стационарах общей сети по направлениям детских и подростковых лечебно-профилактических учреждений и др. При этом Министерство здравоохранения РФ не предусмотрело новые правила медицинской помощи детям подросткового возраста, что, безусловно, является недопустимым. Получается, что в настоящее время органы государственной власти в сфере здравоохранения [14] и медицинские организации [15] применяют правила, которые утратили юридическую силу. Кроме того, с 01.09.2022 г. вступил в силу и действует до 01.09.2028 г. приказ Министерства здравоохранения РФ [8], закрепляющий перечень заболеваний и состояний (их групп), при которых страдающие ими лица, достигшие совершеннолетия, вправе до достижения ими 21 года наблюдать и продолжать лечение в медицинской организации, оказывавшей им до совершеннолетия медицинскую помощь. Таким образом, де-юре возраст оказания амбулаторно-поликлинической помощи детям подросткового возраста медицинскими учреждениями не установлен, а законодательно закреплена только возможность продолжить лечение до достижения возраста 21 года несовершеннолетним при различных злокачественных новообразованиях. В то время как де-факто медицинское обслуживание несовершеннолетних осуществляется от 0 до 17 лет включительно.

Действительно, установление возрастных критериев является неоднозначной проблемой и требует совместного решения. Здесь должны высказаться представители не только медицинской науки, но и педагоги, психологи, юристы, с тем, чтобы максимально был обеспечен приоритет защиты интересов ребенка. Но самое главное – нельзя отменять правила, пока не будут приняты новые. Само по себе обновление законодательства предполагает появление новых нормативных актов. Это естественный процесс, который вызван жизнью, потому что меняются общественные отношения, достаточно быстро изменяется физиология детей и подростков. Но если отменяется какой-то закон, то только на основании того, что принимаются новые нормы. Поэтому недопустима отмена каких-либо нормативно-правовых положений, как это произошло в случае с возрастом оказания амбулаторно-поликлинической помощи детям подросткового возраста. Напротив, представляется необходимым установить возраст оказания медицинской помощи, связать его с достижением несовершеннолетним 18 лет или с окончанием ими школы (получением среднего общего образования), поскольку в настоящее время подавляющее большинство оканчивают школу в 18 лет, и логично вступление во взрослую жизнь связать с периодом перехода во взрослую медицину. Данное положение должно быть включено в Порядок оказания педиатрической помощи.

Кроме того, остается нерешенным и вопрос о том, каким образом должна оказываться ребенку амбулаторно-поликлиническая помощь детскими поликлиниками в зависимости от его возраста. Конечно, с одной стороны, сегодня лечение ребенка проходит в поликлинике по территориальному принципу под наблюдением одного и того же врача, и это большой плюс, ведь обязательно необходимо наблюдать за здоровьем ребенка до достижения им возраста 18 лет. Но, с другой стороны, должна быть и какая-то возрастная специализация врачей по мере взросления ребенка (от младенческого до подросткового возраста) и соответствующее нормативное закрепление этой специализации.

Одним из проблемных вопросов, связанных с реализацией права несовершеннолетнего на охрану здоровья, является вопрос оказания медицинской помощи в образовательных учреждениях. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 05.11.2013 г. № 822н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи несовершеннолетним, в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях» [6] изменил подходы к взаимодействию, разделив полномочия образовательных и медицинских учреждений, установив, что образовательное учреждение несет ответственность за техническое состояние помещения медицинского блока, оснащение его оборудованием, а также изделиями медицинского назначения (контроль состояния и сроков годности, своевременные поверки оборудования), а медицинское учреждение – за лекарственные препараты, качество и безопасность оказания всех видов медицинской помощи, в том числе обеспечение медицинскими работниками. При этом в судебной практике немало примеров, когда прокуроры обращаются с иском к органам местного самоуправления и (или) образовательным учреждениям о приведении в соответствие с требованиями медицинских кабинетов в школах и детских садиках [24]. Так, например, прокурор Чунского района Иркутской области обратился в суд с требованием о признании незаконным бездействия администрации муниципального образования и детского садика, выразившегося в том, что медицинский кабинет не полностью был укомплектован медицинскими изделиями и оборудованием, что нарушает право несовершеннолетних на получение первичной медико-санитарной помощи. Суд удовлетворил требования прокурора в полном объеме, обязав муниципалитет профинансировать расходы по укомплектованию медицинского кабинета детского сада в течение 3 месяцев с момента вступления в законную силу судебного решения [27].

Административное исковое заявление прокурора к органам местного самоуправления должно быть рассмотрено в порядке гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), поскольку бездействие администрации муниципального образования выражается в отсутствии финансирования школьных и дошкольных

образовательных учреждений, которое должно осуществляться муниципалитетом. Образовательные учреждения к участию в деле должны привлекаться в качестве заинтересованных лиц. К учреждению должен быть предъявлен иск только в том случае, если бюджетные ассигнования были предусмотрены в соответствующем финансовом году для исполнения бюджетных обязательств, т. е. в бюджете учреждения были предусмотрены средства на ремонт медицинского кабинета, оснащение его оборудованием, изделиями медицинского назначения, а прокуратура установила, что сотрудники образовательного учреждения бездействовали. В этих случаях требования прокурора будут рассмотрены в соответствии с положениями гражданского процессуального законодательства.

Требует дополнительного изучения и вопрос информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказ от медицинского вмешательства. Ведь даже измерение температуры тела ребенка в школе считается «медицинским вмешательством» (диагностикой), а следовательно, для его проведения необходимо получение информированного добровольного согласия законных представителей несовершеннолетних [11, с. 135–138]. В соответствии с ч. 2 ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» дать согласие на медицинское вмешательство или отказаться от медицинского вмешательства может один из родителей несовершеннолетнего. Несмотря на то, что ст. 61 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [1] устанавливает, что родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей, в определенных ситуациях не нужно воспринимать эту норму буквально. С одной стороны, все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. С другой стороны, это правило семейного законодательства не может применяться, когда речь идет об угрозе жизни и здоровью ребенка. Пока родители будут согласовывать свою позицию, обращаться за разрешением разногласий в орган опеки и попечительства или в суд, может быть поздно. Поэтому при оказании медицинской помощи несовершеннолетнему решение должно быть за медицинской организацией, врач может получить согласие от одного из родителей, если это требуется для спасения жизни ребенка. В любом случае законный представитель, не давший согласия на медицинское вмешательство, имеет право получить от врача разъяснения в доступной форме всех возможных последствий отказа и обратиться в орган опеки и попечительства или в суд. Конечно, нельзя допустить и злоупотребление родительскими правами. Если один из родителей не принимает участие в решении вопроса о медицинском вмешательстве, это не означает, что он остается каким-то безразличным к здоровью ребенка. Нередко это случается из-за того, что один из родителей не проживает совместно со

своим ребенком и, соответственно, не имеет возможности постоянно заботиться о нем. Хотя, безусловно, несмотря на раздельное проживание, родители обязаны регулярно интересоваться здоровьем своего ребенка.

Следует отметить изменения положений ст. 22 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» [4], в соответствии с которыми медицинское учреждение обязано предоставлять родителям всю информацию о визитах и состоянии здоровья несовершеннолетнего, поскольку законные представители должны иметь возможность реализовать обязанность заботиться о здоровье своих детей. Таким образом, родители могут получать информацию о состоянии здоровья лично от лечащего врача или других медицинских работников, принимающих непосредственное участие в медицинском обследовании и лечении несовершеннолетнего; знакомиться с медицинской документацией, отражающей состояние здоровья несовершеннолетнего пациента, и получать на основании такой документации консультации у других специалистов [13, с. 48].

В правоприменительной практике возникают вопросы о том, может ли право на медицинское вмешательство или отказ от него в отношении ребенка быть предоставлено не только родителям и иным законным представителям. Представляется, что отказ от медицинского вмешательства может быть подписан только законными представителями несовершеннолетнего. Например, недопустимо, чтобы отказ от госпитализации подписала сестра несовершеннолетнего пациента или сам несовершеннолетний младше 15 лет [20]. Очевидно, что это право не может быть передано по доверенности дедушке, бабушке, братьям, сестрам или другим родственникам. Поскольку только родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Разумеется, исключением являются случаи назначения указанных лиц опекунами или попечителями несовершеннолетнего по совместному заявлению его родителей на время, когда по уважительным причинам они не смогут исполнять свои родительские обязанности. При этом недопустимой является практика, в соответствии с которой передача одним из родителей несовершеннолетнего своих полномочий законного представителя (в том числе по вопросу медицинского вмешательства) бабушке ребенка осуществляется только на основании удостоверенной нотариусом доверенности, без оформления опекунства над ребенком [21].

Вместе с тем, если несовершеннолетнему требуется медицинская помощь, а рядом нет законных представителей, которые могут дать согласие на медицинское вмешательство, и он оказался на «попечении» лиц, которые не имеют юридических прав в отношении ребенка (допустим, няни, старшие братья или сестры), необходимо применять положения ч. 9 ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», которыми допускается вмешательство, если оно необходимо по

экстренным показаниям для устранения угрозы жизни ребенка и если отсутствуют законные представители. Во всех этих случаях решение о медицинском вмешательстве принимается консилиумом врачей, а в случае, если собрать консилиум невозможно, – непосредственно лечащим (дежурным) врачом с внесением такого решения в медицинскую документацию пациента и последующим уведомлением должностных лиц медицинской организации (руководителя медицинской организации или руководителя отделения медицинской организации).

Необходимо обратить внимание и на более четкое законодательное закрепление ответственности всех лиц, которые связаны с оказанием медицинской помощи несовершеннолетним. Часть 5 ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» предусматривает требование извещать орган опеки и попечительства об отказе от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни подопечного, не позднее дня, следующего за днем этого отказа, только в отношении законного представителя лица, призванного в установленном законом порядке недееспособным. В связи с тем, что медицинские организации обязаны признавать и соблюдать права детей в сфере охраны здоровья, должна быть законодательно закреплена и обязанность медицинской организации извещать органы опеки и попечительства об отказе законных представителей от медицинского вмешательства одновременно с обращением в суд в порядке гл. 31.1 КАС РФ [2]. Во всех случаях, когда требуется спасение жизни и здоровья ребенка, медицинская организация должна незамедлительно направить административное исковое заявление в суд, поскольку ответственность за своевременное обращение в суд может быть возложена только на медицинскую организацию. Безусловно, несвоевременное исполнение этой обязанности медицинским учреждением может причинить вред здоровью ребенка, что является основанием для применения мер ответственности.

Аналогичный порядок должен быть предусмотрен в гл. 31.1 КАС РФ, если решение о медицинском вмешательстве принимает сам несовершеннолетний, достигший установленного законом возраста на добровольное информированное согласие. Ведь установленный в законе 15-летний возраст означает, что несовершеннолетний самостоятельно дает согласие или отказывается от медицинского вмешательства без учета мнения его законных представителей. Поэтому, если несовершеннолетнему в возрасте от 15 до 18 лет требуется медицинское вмешательство, медицинская организация должна также незамедлительно обратиться с административным исковым заявлением в суд. Ведь только медицинские работники могут оценить тяжесть заболевания и назначить лечение. Сам несовершеннолетний, даже достигший установленного законом возраста на добровольное информированное согласие, точно не сможет принять решение об оказании медицинской помощи.

Извещение органа опеки и попечительства об отказе законных представителей от медицинского вмешательства важно не для того, чтобы решить основной вопрос о медицинской помощи, поскольку здесь нужны сугубо медицинские знания. Информация об отказе родителей от медицинского вмешательства позволит своевременно органам опеки и попечительства обратить внимание на неисполнение родителями своей обязанности заботиться о здоровье детей [17, с. 63] и принять в дальнейшем меры по ограничению или лишению родительских прав, если будет установлено, что родители не исполняют свои обязанности надлежащим образом. В частности, ст. 69 СК РФ, закрепляющая, что родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей, должна быть дополнена указанием «в том числе в случае неисполнения обязанности заботиться о здоровье своих детей». Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [19] необходимо предусмотреть дополнительные разъяснения такого основания для лишения родительских прав, как неисполнение обязанности заботиться о здоровье своих детей. В настоящее время в п. 1 постановления содержатся указания только о том, что родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, могут быть ограничены судом в родительских правах или лишены родительских прав. При непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе в соответствии со ст. 77 СК РФ немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них). Представляется, что органы опеки и попечительства обязаны также отреагировать и на отказ иных законных представителей от медицинского вмешательства (например, рассмотреть вопрос об отстранении опекуна или попечителя, обратиться в суд с требованием об отмене усыновления).

В подтверждение необходимости внесения изменений в семейное законодательство можно привести следующий пример из судебной практики, в котором Минераловодский городской суд Ставропольского края рассмотрел требование больницы к матери ребенка в связи с отказом от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. В суде было установлено, что в приемное отделение стационара больницы доставили ребенка в тяжелом состоянии. Предполагаемый диагноз – внебольничная пневмония. У ребенка есть сопутствующее заболевание – детский церебральный паралич. Ему оказана медицинская помощь, проведена рентгенография органов грудной клетки, взяты анализы. Лечащим врачом состояние ребенка было расценено как тяжелое. Однако родители, забрав несовершеннолетнего, самовольно покинули стационар, написав отказ от лечения. О факте самовольного

ухода из педиатрического отделения письменно проинформированы органы опеки и попечительства, органы внутренних дел. После того, как родители забрали пациента, были получены результаты анализов, описания рентгенологического снимка, выявлен дренированный абсцесс правового легкого, воспалительные явления в анализе крови. При таком диагнозе, учитывая степень тяжести состояния ребенка, показана экстренная госпитализация в стационарных условиях, что подтверждается выпиской из протокола врачебной комиссии. Органы опеки и попечительства совместно с органами внутренних дел выезжали к ребенку, однако мать на уговоры о госпитализации не отреагировала. Несовершеннолетнего осмотрел на дому фельдшер, подтвердив, что состояние тяжелое. Мать повторно выразила фельдшеру отказ от любых медицинских осмотров. О необходимости продолжения лечения в стационаре с матерью была проведена личная беседа лечащим врачом, заведующим педиатрическим отделением, беседа по телефону с заместителем главного врача по детству, фельдшером. Несмотря на это, мать отказывалась от госпитализации ребенка, ссылаясь на лечение у гомеопата. Суд удовлетворил требования больницы о защите интересов несовершеннолетнего, отказ от проведения медицинского вмешательства был признан незаконным. На мать ребенка была возложена обязанность госпитализировать несовершеннолетнего в стационар [23]. Но при этом к родителям не были применены меры ответственности, хотя мать несколько раз отказывалась от медицинского вмешательства, которое было необходимо для спасения жизни ребенка, было потеряно время на уговоры и рассмотрение дела в суде, вместо того чтобы ребенку оказывалась своевременная медицинская помощь. В данном случае, безусловно, родители должны были осознавать, что подвергают опасности жизнь ребенка и причиняют вред его здоровью.

Можно привести еще один пример, в котором Ленинский районный г. Астрахани рассмотрел административное исковое заявление ГБУЗ АО «ОДКБ им. Н.Н. Силищевой» о признании незаконным отказа родителей ребенка от медицинского вмешательства. Согласно материалам дела, новорожденный ребенок в тяжелом состоянии поступил в медицинское учреждение после естественных родов в домашних условиях. Первоначально его мать дала согласие на медицинское вмешательство, ребенку оказывалась помощь в стационарных условиях. Но затем оба родителя отказались от любого медицинского вмешательства, считая, что от медицинских препаратов нет эффекта. Родителям дважды были разъяснены последствия отказа от медицинского вмешательства. В частности, согласно заключению врачебной комиссии в случае отказа от медицинской помощи у ребенка прогнозировался судорожный статус, отек мозга и летальный исход. В суде требования медицинской организации были удовлетворены [22].

Возможно, родители не так легко отказывались бы от медицинского вмешательства, если бы их предупреждали об уголовной ответственности. Обязанность родителей заботиться о здоровье своего ребенка должна быть в большей степени обеспечена возможностью принудительного ее осуществления и ответственностью за неисполнение [17, с. 61]. В настоящее время уголовное законодательство не содержит специальной нормы, устанавливающей ответственность за отказ законных представителей от медицинского вмешательства, повлекший за собой по неосторожности смерть несовершеннолетнего либо причинение тяжкого вреда его здоровью. Представляется необходимым закрепить отдельную норму в гл. 20 Уголовного кодекса РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Ведь уголовная ответственность носит прежде всего превентивное значение и направлена на недопущение совершения каких-либо противоправных действий. Кроме того, необходимо внести дополнительные требования в бланк отказа от медицинского вмешательства, закрепив обязанность законных представителей указывать причины отказа, а также предупреждать их об уголовной ответственности за отказ от медицинского вмешательства. Безусловно, необходимо противодействовать возможности родителей злоупотреблять своим правом дачи согласия на медицинское вмешательство в отношении детей, ведь даже самые краткие сроки судебного разбирательства могут стать роковыми, когда речь идет об угрозе жизни [16, с. 347–356].

Следует обратить внимание и на судебный порядок рассмотрения дел о защите прав несовершеннолетних на медицинскую помощь, предусмотренный в гл. 31.1 КАС РФ. В частности, дела данной категории не совсем справедливо отнесены к исковому производству. Даже когда родители в той или иной форме противодействуют медицинскому вмешательству, нельзя их считать административными ответчиками. В данном случае осуществляется обязательный судебный контроль за законностью действий медицинской организации и соблюдением права несовершеннолетнего на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В соответствии со ст. 285.1 КАС РФ административным истцом по таким делам выступает медицинская организация, которая оказывала медицинскую помощь, но получила отказ от медицинского вмешательства. Административное исковое заявление предъявляется к административному ответчику – законному представителю, отказавшемуся от медицинского вмешательства. При этом сам несовершеннолетний не является лицом, участвующим в деле, хотя именно его правовое положение устанавливается судом, а при медицинском вмешательстве решается вопрос о праве на охрану жизни и здоровья. Представляется, что во всех случаях, когда требуется спасение

жизни несовершеннолетнего (в том числе и при достижении им установленного законом возраста на информированное добровольное согласие), медицинская организация должна незамедлительно направить административное исковое заявление в суд. И законодательно необходимо закрепить именно обязанность, а не право обращения в суд.

В соответствии с положениями ст. 39 КАС РФ прокурор также вправе обратиться в суд в защиту права несовершеннолетнего на медицинскую помошь, даже если это прямо не предусмотрено в гл. 31.1 КАС РФ. Так, например, Хорошевский межрайонный прокурор г. Москвы обратился в суд с административным исковым заявлением об обязанности несовершеннолетнего пройти необходимое лечение и последующую реабилитацию. В обоснование требований прокурор ссылался на то, что несовершеннолетний состоит на учете в отделе по делам несовершеннолетних и защите их прав Министерства внутренних дел России (далее – ОДН ОМВД России) как употребляющий наркотические средства. В течение года несовершеннолетний неоднократно доставлялся в ОДН ОМВД России в связи с правонарушениями, является участником антиобщественной группы. В отношении несовершеннолетнего составлено 6 административных протоколов. Мать несовершеннолетнего также неоднократно привлекалась к административной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних. Суд пришел к выводу о необходимости несовершеннолетним пройти лечение от наркомании с последующей реабилитацией в стационарных условиях детского реабилитационного центра, поскольку такое лечение будет направлено на предотвращение серьезного вреда его жизни и здоровью, а также возложил обязанности на Детский реабилитационный центр не только обеспечить прохождение необходимого лечения с последующей реабилитацией в стационарных условиях, но иказать иную необходимую медицинскую помошь в рамках компетенции [25]. Необходимо отметить, что с аналогичными требованиями в суд обращаются и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав [26].

Кроме того, в гл. 31.1 КАС РФ должно быть предусмотрено обязательное участие в рассмотрении административного дела органов опеки и попечительства. Если судом будет установлено, что родители осуществляли свои родительские права в ущерб интересам несовершеннолетних, не исполняли надлежащим образом свои обязанности заботиться о здоровье детей, именно органы опеки и попечительства обязаны обратиться в суд с требованием об ограничении или лишении родительских прав.

В заключение необходимо отметить, что рассмотренные проблемные вопросы реализации права несовершеннолетнего на медицинскую помошь свидетельствуют о том, что необходимо

далнейшее совершенствование законодательства об охране здоровья, особенно в отношении несовершеннолетних.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Российская газета. 2011. 23 нояб.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 271-ФЗ «О внесении изменения в статью 22 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”» // Российская газета. 2020. 6 авг.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 16.04.2012 г. № 366н «Об утверждении Порядка оказания педиатрической помощи» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 43.
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 05.11.2013 г. № 822н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи несовершеннолетним, в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях» // Российская газета. 2014. 12 февраля.
7. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 27.06.2018 г. № 476 «О признании утратившими силу некоторых приказов Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации, Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства здравоохранения Российской Федерации» (текст официально опубликован не был) [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
8. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20.05.2022 г. № 344н «Об утверждении перечня заболеваний или состояний (групп заболеваний или состояний), при которых страдающие ими лица, достигшие совершеннолетия, вправе до достижения ими возраста 21 года наблюдаться и продолжать лечение в медицинской организации, оказывавшей им до достижения совершеннолетия медицинскую помощь при таких заболеваниях или состояниях (группах заболеваний или состояний)» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). № 0001202205260017 (дата обращения: 24.10.2024).
9. Письмо Минздрава России от 08.07.2013 г. № 21-6/10/2-4878 «О недопустимости отказа гражданам, страдающим редкими заболеваниями, в лекарственном обеспечении за счет средств бюджетов субъектов РФ» (текст письма официально опубликован не был) [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
10. Приказ Минздрава РФ от 05.05.1999 г. № 154 «О совершенствовании медицинской помощи детям подросткового возраста» (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

11. Борисова Л.В. Защита права детей на охрану здоровья в общеобразовательных организациях в условиях пандемии COVID-19: отдельные проблемы и пути устранения // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях: сб. науч. тр. М.: ООО «Издательство “Планета”», 2022. 320 с.
12. Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Тверской области Детская областная клиническая больница [Электронный ресурс] URL: <https://dokb-tver.ru> (дата обращения: 23.10.2024).
13. Предеина И.В., Бобровская О.Н., Ханиш Ш. К вопросу о правовом статусе несовершеннолетних в сфере здравоохранения: международно-правовые нормы и российское законодательство // Медицинское право: теория и практика. 2020. № 1 (5). С. 46–55.
14. Сайт Департамента здравоохранения г. Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mosgorzdrav.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
15. Сайт ГБУЗ Краснодарского края «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medprof.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
16. Туманова Л.В. Вечные вопросы: кто виноват и что делать // Очерки по правовым вопросам в сфере медицины: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. С. 347–356.
17. Туманова Л.В., Дронова Ю.А. Отказ родителей от медицинского вмешательства в отношении ребёнка: право или преступление? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 57–70.
18. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 17.06.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfri.ru> (дата обращения: 02.02.2023).
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
20. Постановление Советского районного суда г. Воронежа от 28.02.2017 г. по делу № 5-4/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 23.02.2023).
21. Решение Московского районного суда г. Твери от 14.04.2014 г. по делу № 2-3501/2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
22. Решение Ленинского районного суда г. Астрахани от 25.09.2018 г. по делу № 2а-3552/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://leninsky.ast.sudrf.ru> (дата обращения: 23.10.2024).
23. Решение Минераловодского городского суда Ставропольского края от 09.08.2019 г. по делу № 2А-1576/19 [Электронный ресурс]. URL: <https://mineralovodsky.stv.sudrf.ru> (дата обращения: 23.10.2024).
24. Решение Кимовского городского суда Тульской области от 08.07.2020 г. по делу № 2-288/2020 // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.10.2024).

25. Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 25.07.2022 г. по делу № 02а-0248/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 23.10.2024).

26. Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 27.02.2023 г. по делу № 02а-0038/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 23.10.2024).

27. Решение Чунского районного суда Иркутской области от 10.08.2023 г. по делу № 2А-561/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 23.10.2024).

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

The right of a minor to medical care: de jure and de facto

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The problematic issues of the realization of the right of a minor to health protection and medical care are considered. The issues arising in law enforcement practice related to the provision of medicines to minors; the provision of outpatient care by medical institutions and medical care in educational institutions are analyzed. It is noted that it is advisable to approve at the federal level a unified procedure for providing pediatric care, in which it is necessary to fix the basic rules for providing medical care to minors, as well as reference norms to all standards of medical care for certain childhood diseases. The article substantiates the provision on additional legal regulation of the responsibility of all persons who are associated with the provision of medical care to a minor (medical organization, parents and other legal representatives). The issues of judicial protection of the interests of minors in the provision of medical care in administrative proceedings are considered.

Keywords: *minor, child health protection, parental refusal of medical intervention, judicial control, administrative proceedings.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, Associate Professor, Head at the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Право несовершеннолетнего на медицинскую помощь: де-юре и де-факто // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 94–108.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Особенности функционирования отечественной пенитенциарной системы: организационно-правовой аспект

А.В. Щербаков

Академия ФСИН России, г. Псков

Статья посвящена вопросам организационно-правового развития и модернизации отечественной пенитенциарной системы. Общенаучные методы познания (диалектико-материалистическая теория познания, обобщение, сравнение), а также комплексный и системные подходы, специальный нормативно-логический метод, позволили автору предпринять попытку сгенерировать ведомственные показатели, нормативно-правовые акты по наиболее значимым направлениям деятельности уголовно-исполнительной системы. Одним из ключевых векторов в деятельности пенитенциарного ведомства является динамическое развитие исправительных центров во всех субъектах Российской Федерации. В контексте изучаемой проблемы в статье обращено внимание на модернизацию исправительных учреждений на примере изученного опыта Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Новгородской области. Автором проведен анализ отдельных проблем, возникающих в ходе реформирования уголовно-исполнительной системы и предложены решения по совершенствованию деятельности органов и учреждений пенитенциарного ведомства.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные центры, сотрудники, осужденные.

Российская уголовно-исполнительная система (далее – УИС), или как в последнее время принято называть пенитенциарная система (от лат. *poenitentia* – раскаяние), – государственный институт, ведающий исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом [9].

Согласно действующему законодательству, а в частности ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, ст. 5, 6 Закона РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [3], современная УИС включает в себя:

- учреждения, исполняющие наказания;
- территориальные органы уголовно-исполнительной системы;
- федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в

сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных (далее – федеральный орган УИС).

В УИС в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 01.02.2000 г. № 89 «Об утверждении перечня видов предприятий, учреждений и организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему» [3] могут входить следственные изоляторы; предприятия, специально созданные для обеспечения деятельности УИС; научно-исследовательские, проектные, лечебные, учебные и иные учреждения.

УИС осуществляет деятельность по исполнению уголовных наказаний как связанных с лишением свободы, так и без изоляции осужденных от общества.

Различные аспекты изучаемой проблемы получили отражение в трудах представителей правовой науки А.Б. Антонова, А.И. Васильева, В.Д. Могилевского, В.П. Сальникова, С.В. Степашина и др. Вопросы функционирования встроенной в правоохранительный механизм системы органов и учреждений, исполняющих наказания, рассматривались также в трудах В.М. Анисимкова, А.В. Бриллиантова, А.И. Зубкова, Ю.И. Калинина, В.А. Уткина, Р.З. Усеева, А.В. Хабарова и др.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что указанной проблемой занимались специалисты не только в области юриспруденции, но также и специалисты в области педагогики управления, психологии управления, организации правоохранительной деятельности, философии и других общественных наук, среди которых Т.М. Бабаев, В.В. Виноградов, М.Г. Дебольский, Д.Е. Дикопольцев, А.И. Ушатиков, А.Г. Чириков и др.

По состоянию на 01.01.2023 г. в УИС содержится 433 006 человек, функционируют: 35 исполнительных колоний (далее – ИК) особого режима, 6 ИК особого режима для исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы, 251 ИК строго режима, 164 ИК общего режима для осужденных мужчин, ИК общего режима для осужденных женщин, 94 колонии-поселения, 51 лечебное исправительное учреждение, 23 лечебно-профилактических учреждения, 7 тюрем, 13 воспитательных колоний, 46 исправительных центров, 210 следственных изоляторов (71 помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора), 25 транзитно-пересыльных пунктов, 321 участок исправительных центров, изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, при исправительных учреждениях. В состав УИС также входит 81 федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» и 1 348 их филиалов [3, 4, 8].

Деятельность УИС основана на современном законодательстве, прежде всего это Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. [5], акты законодательства: Уголовно-исполнительный кодекс Российской

Федерации; Закон Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [3]; Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [2]; Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1314 [1], а также специальная юридическая и ведомственная литература, материалы практики, статистические отчеты, информационные письма, аналитические обзоры и др.

УИС представляет собой сложную систему, которая направлена на исполнение уголовных наказаний, мер уголовно-правового характера и реализацию уголовной политики государства [10, с. 14–16].

Ее деятельность направлена на достижение важнейшей цели любого наказания – это исправление человека, который, преступив закон, совершил преступление. Осужденные, отбывшие уголовные наказания, попадают обратно в общество, и они должны социализироваться в него, в этом и есть задача системы исполнения наказаний, чтобы человек, отбыв любой вид уголовного наказания, мог вернуться в общество нормальным и «здравым».

Каждая система может дать сбой и УИС не исключение. Рассмотрим проблемы, которые возникают перед пенитенциарным ведомством на современном этапе.

Пенитенциарная система нашего государства уже долгое время находится в состоянии реформирования. Вектор данного направления был задан еще в 2009 г. на заседании Госсовета в Вологде Д.А. Медведевым [11].

В целом, реформирование подразумевало гуманизацию уголовного законодательства РФ в части смягчения санкций за отдельные составы преступлений, активное применение наказаний, не связанных с лишением свободы, а также реформу самого пенитенциарного ведомства.

Планомерно принимается ряд нормативно-правовых актов, в том числе в 2010 г. – Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г., а в 2021 г. – Концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. Итоги Концепции развития УИС до 2020 г. весьма противоречивы, многие ее положения не были реализованы (перепрофилирование ИК в тюрьмы, создание служб пробации и др.). Таким образом, говорить о ее полной реализации не стоит, что и нашло свое подтверждение в принятии Концепции развития УИС на период до 2030 г. [5].

Основными направлениями развития современной УИС в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» являются:

- совершенствование уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации, включая нормативно-правовое регулирование;
- учет особенностей содержания отдельных категорий осужденных, подозреваемых и обвиняемых, в том числе женщин, медицинское обеспечение лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы;
- совершенствование организации деятельности уголовно-исполнительной системы, предусматривающее: организационно-структурное построение уголовно-исполнительной системы; разработку и реализацию проекта создания учреждения объединенного типа; развитие сети исправительных центров; совершенствование производственно-хозяйственной деятельности; проведение цифровой трансформации и научно-техническое развитие; установление основных показателей эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы; создание и развитие системы probation; обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы; совершенствование служебной деятельности, предусматривающее условия несения службы (выполнение работы) и социальную защищенность сотрудников уголовно-исполнительной системы; повышение уровня взаимодействия с институтами гражданского общества, включая обратную связь с гражданами и средствами массовой информации, международное сотрудничество [5].

Если рассмотреть последние 15 лет, т.е. период с 2009 г., когда произошли значимые решения для УИС и уголовной политики страны в целом, то изменения, конечно, произошли достаточные. В 2009 г. численность осужденных в местах лишения свободы составляла около 900 тысяч осужденных, на 2024 г. – 433 006 человек, снижение в 2 (два) раза [3].

По всей стране происходит закрытие ИУ (ИК общего и строго режимов), что сказывается, прежде всего, на жителях населенных пунктов, где находились исправительные учреждения, ведь для многих из них они являлись градообразующими предприятиями.

В вопросе закрытия ИУ необходимо: соблюсти логистику, связанную с перевозкой осужденных к месту отбытия срока наказания; проработать вопрос использования материальной базы закрываемого учреждения; изучить вопрос и предложить решение местному населению (гражданскому персоналу) в вопросе трудоустройства; использовать практику начала 2000-х гг., когда в одном ИУ содержались осужденные ИК различных видов режимов (за счет создания закрытых локальных участков); перераспределить сотрудников закрываемых ИУ, исключив сокращение, и др.

Естественно, мы понимаем, что содержать ИУ с лимитом наполнения, к примеру, 1 500 осужденных, когда в нем содержится не более 100 (ста) человек, экономически невыгодно, но и бездумное их

закрытие – это не выход из сложившейся ситуации. Концепция прогнозирует снижение спецконтингента в пенитенциарных учреждениях к 2030 г. – от 250 тысяч человек до 300 тысяч человек.

Таким образом, процесс закрытия ИУ различного профиля будет только нарастать.

Вариантом сохранения рабочих мест для действующих сотрудников является их перераспределение в уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ). Деятельность УИИ связана с исполнением наказаний, не предполагающих лишение свободы, а также контроль за условно-осужденными, осужденными с отсрочкой (ст. 82 и 82. 1 УК РФ), применение принудительных мер медицинского характера, назначенных лицам, признанным страдающими расстройством сексуального предпочтения (педофилией) (ч. 2 ст. 102 УК РФ); исполнение осужденными обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72.1 УК РФ).

Помимо этого, на УИИ возложен контроль за нахождением подозреваемых или обвиняемых в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста (Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ), а также за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых судом избраны меры пресечения в виде запрета определенных действий и залога (Федеральный закон от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ).

На основании Указа Президента Российской Федерации от 02.03.2021 г. № 119 на УИИ возложен контроль за условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы гражданами. Также на УИИ будет возложена функция постпенитенциарной пробации, которая начнет полноценно функционировать с 01.01.2025 г.

Можно с уверенностью сказать, что объем работы, возложенный на сотрудников УИИ, существенно вырос, изменился и контингент, с которым приходится работать. Выше представленная информация свидетельствует о необходимости расширения штата сотрудников УИИ, такое расширение необходимо провести за счет внутренних резервов УИС (сокращение сотрудников ИУ), в том числе с пере обучением сотрудников ИУ на соответствующих курсах переподготовки.

Вторым важным моментом реформирования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства стало активное применение такого уголовного наказания, как ограничение свободы, а с 2017 г. к этому добавятся принудительные работы. Применение данных видов наказания существенным образом затронуло вопрос практического их исполнения, особенно последнего.

Уже созданы исправительные центры практически в каждом субъекте РФ, в настоящее время их 321 [3]. Принята соответствующая нормативно-правовая база по регулированию их деятельности. Практика показала, что создание исправительных центров

целесообразно там, где есть востребованность в «рабочей силе», т. е. в тех населенных пунктах, где имеется возможность 100 %-ного трудоустройства осужденных, без их перевозки к месту работы на большие расстояния [7, с. 311–313].

Рассмотрим положительный пример деятельности УФСИН России по Новгородской области по созданию исправительных центров.

На 2021 г. на территории Новгородской области имеется возможность размещения 139 осужденных к принудительным работам, из которых 89 мест созданы в период 2021 г. [6].

Среднемесячная заработка осужденных к принудительным работам составляет по итогам 2021 г. 26 651 руб. (АППГ – 19,436 рублей). В доход государства из заработной платы осужденныхдержано 1 714,359 тыс. рублей [6].

Осужденные данной категории трудостраиваются на различные работы, связанные с пищевой продукцией, уборкой территории, промышленной деятельностью: ОАО «ВНМД», ООО «Новгородский бекон», МКУ «Городское хозяйство», ООО «Валдай», ООО «Валдайский механический завод», ООО «ДСК Валдай», ФГБУ «Национальный парк “Валдайский”», ООО «Белгранкорн ВН», ООО «Валдайский хлеб», УК «ТрансЭкспер», ООО «ПСК Континент». Данный перечень организаций утвержден Правительством Новгородской области (исх. ПО-02-02/2718-И от 26.05.2020 г.) [6].

Кроме того, совместно с правительством Новгородской области в период с 2022 г. планируется дополнительно создать порядка 330 мест для осужденных отбывающих наказание в виде принудительных работ, на базе предприятий региона [6]:

1. В рамках взаимодействия с ООО «Лакто-Новгород» ведется подготовка проектно-сметной документации с целью создания участков, функционирующих в режиме исправительных центров (далее – УФИЦ) (с лимитом наполнения порядка 80 осужденных).

2. В ходе взаимодействия с группой компаний «Адепт» проводится работа по созданию УФИЦ модульного типа на территории предприятия (с лимитом наполнения порядка 120 осужденных).

3. Проводится работа по проектированию и перепланировке помещений здания с ООО «Промышленная индустрия» для создания УФИЦ (с лимитом наполнения порядка 80 осужденных).

4. Продолжается работа с ООО «Белгранкорн Великий Новгород» по созданию участка исправительного центра (с лимитом наполнения порядка 50 осужденных).

Таким образом, в 2023 г. размещено более 400 осужденных к принудительным работам на территории Новгородской области [6].

Резюмируя все вышеизложенное, можно говорить о том, что на сегодняшний день уголовно-исполнительная система в России – это полноценная система, включающая в себя взаимосвязанные

структурные элементы в виде учреждений и органов, общая деятельность которых основана на четкой нормативно-правовой регламентации, и выполняющая функции по исполнению уголовных наказаний в системе реализации уголовной политики Российской Федерации.

Кроме того, хотелось бы указать, что уголовно-исполнительная система, является динамично развивающейся, т. е. она пребывает в постоянном состоянии реформирования и модернизации, направлена на реализацию прав и законных интересов участников уголовно-правовых отношений, а также обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1314 (ред. от 05.01.2024 г.) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г., с изм. от 09.07.2024 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
3. Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 (ред. от 29.12.2022 г.) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 01.02.2000 г. № 89 «Об утверждении перечня видов предприятий, учреждений и организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р (ред. от 27.05.2023 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Итоги деятельности УФСИН России по Новгородской области за 2021 год [Электронный ресурс]. URL: <https://53.fsin.gov.ru/itogi-deyatelnosti-ufsin-rossii-po-novgorodskoy-oblasti-za-2021-god/> (дата обращения: 11.04.2024).
7. Кошелюк Б.Е., Щербаков А.В. Безопасность уголовно-исполнительной системы: правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2024. № 2 (230). С. 311–313.
8. Краткая характеристика УИС Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20char-ka%20UIS/> (дата обращения: 15.03.2024).
9. Пенитенциарная система [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 21.02.2024).
10. Смирнова И.Н., Щербаков А.В. Совершенствование организационного обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1 (17). С. 14-16.
11. Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/regions/VLG/events/3150> (дата обращения: 11.04.2024).

Об авторе:

ЩЕРБАКОВ Андрей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации режима Псковского филиала Академии ФСИН России (180014, Псков, Зональное шоссе, д. 28), SPIN-код: 5789-1236, AuthorID: 745265, e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

Features of the functioning of the domestic penitentiary system: the organizational and legal aspect

A.V. Shcherbakov

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov

The article is devoted to the issues of organizational and legal development and modernization of the domestic penitentiary system. Based on general scientific methods of cognition (dialectical-materialistic theory of cognition; generalization, comparison), as well as complex and systematic approaches, a special method: normative and logical, allowed the author to attempt to generate departmental indicators, normative legal acts in the most significant areas of activity of the penal system. One of the key vectors in the activities of the penitentiary department is the dynamic development of correctional centers in all regions of the Russian Federation. In the context of the studied problem, the article draws attention to the modernization of correctional institutions on the example of the studied experience of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novgorod region. The author analyzes individual problems that arise during the reform of the penal enforcement system and suggests solutions to improve the activities of bodies and institutions the penitentiary department.

Keywords: *penal enforcement system, correctional centers, employees, convicts.*

About author:

SHCHERBAKOV Andrey – PhD in Law, associate professor, head of the department of organization of the regime of the Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (180014, Pskov, Zonalnoye Shosse, 28), SPIN-code: 5789-1236, AuthorID: 745265, e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

Щербаков А.В. Особенности функционирования отечественной пенитенциарной системы: организационно-правовой аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 109–116.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Н.Г. Яковлева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена актуальным в настоящее время вопросам использования разного рода цифровых носителей информации в доказывании по уголовным делам. Анализируются разные научные подходы к определению «цифровое доказательство», «носитель цифровой доказательственной информации», приводятся примеры из судебной практики, иллюстрирующие наличие спорных подходов правопримениеля к использованию цифровых доказательств в уголовном судопроизводства. Предлагается сформулировать понятие «цифровой носитель информации».

Ключевые слова: научно-технический прогресс, цифровые технологии, электронные доказательства, преступления, носители цифровой информации.

Научно-технический прогресс современного общества связан с развитием информационно-цифровых технологий. Их использование формирует новую, цифровую среду, изменяющую нашу жизнь. Информации становится так много, что человечество встает перед проблемой освоения новых возможностей ее использования. Однако совершенствуется и преступность. Цифровые технологии, увы, активно применяются правонарушителями в различных сферах, в том числе и при совершении преступлений. Все это формирует новые подходы к расследованию такого рода деяний, которые подразумевают активное использование информационных технологий в доказывании по уголовным делам.

В послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин 29.02.2024 г. часть обращения посвятил теме информационных технологий. Глава государства обратил внимание на важность развития отечественных высокотехнологичных продуктов. Главные тезисы обращения в области информационных технологий:

- в рамках национального проекта «Экономика данных» требуется создать цифровые платформы - на развитие будет направлено свыше 700 млрд рублей за 6 лет;
- к 2030 г. следует сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы;
- необходимо предусмотреть меры поддержки для компаний и стартапов, работающих с Big Data, создающих программное обеспечение;
- доля отечественных высокотехнологичных продуктов на

внутреннем рынке должна увеличиться за 6 лет в 1,5 раза;

– Россия к 2030 г. должна войти в число 25 стран-лидеров по числу промышленных роботов;

– нужно наращивать вычислительные ресурсы – к 2030 г. совокупная мощность отечественных суперкомпьютеров должна быть увеличена минимум в 10 раз.

В частности, согласно Плану мероприятий по направлению «Нормативное регулирование», программы «Цифровая экономика Российской Федерации», предусмотрена разработка федеральных законов, затрагивающих 38 сфер правового регулирования. Предполагается, что результатом этой работы станет внесение изменений и дополнений в более чем 50 действующих федеральных законов [2, 3, 5]. В настоящее время в рамках указанного Плана мероприятий Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации уже принят ряд законопроектов. 07.05.2024 г. Президентом РФ был издан Указ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1], в котором особое внимание было уделено вопросам развития цифровых технологий в Российской Федерации.

Постепенный переход к информационному обществу, развитие новых информационно-коммуникативных технологий влияют не только на взаимодействие в социуме, но и на уголовно-процессуальные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов.

«Цифровизация общественных отношений, системы публичного управления, а также межгосударственного взаимодействия является вызовом современности для законодательных структур и реальностью нынешнего дня. Цифровые технологии широко внедряются не только в социально-экономических отношениях, но и также применимы в организации государственного и муниципального управления, что обусловлено их большей эффективностью по сравнению с замещаемыми технологиями организаций и реализации условий уже сложившихся правоотношений» [13].

Внедрение информационно-цифровых технологий затронуло практически все направления судебной и правоохранительной деятельности, включая производство по уголовным, гражданским, арбитражным делам, а также по делам об административных правонарушениях. 23.06.2016 г. принят Федеральный закон № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [4]. Благодаря этому участники судебных производств получили доступ к системам электронной подачи заявлений, обращений, ходатайств и доказательств [16, с. 6–7].

Развитие информационно-цифровых технологий, перевод функций

государства в электронную сферу, требуют деформализации всего процесса доказывания. В связи с этим возникает необходимость перехода в цифровую (электронную) сферу с заменой ряда традиционных источников доказывания на совершенно новые источники [16, с. 7]. Кроме того, огромное количество доказательственной информации может быть получено из источников, которые ранее вообще не существовали. Речь идет о мессенджерах, социальных сетях, облачных хранилищах и других способах интернет-коммуникации. Такого рода информация обладает специфическими признаками, так как хранится на цифровых носителях, может легко копироваться, быстро передаваться, видоизменяться. Развитие искусственного интеллекта позволяет быстро и легко изменить эту информацию – можно сымитировать голос, интонацию, внешность, использовать автоматический перевод текста. Возможности «цифрового разума» фактически безграничны.

Появившиеся в последние годы публикации, а также внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) изменения, поставили перед наукой вопросы о необходимости и целесообразности трансформации норм доказательственного права в связи с появлением и широким распространением на практике новых источников доказательственной информации, имеющих электронную (цифровую) природу. Научные дискуссии разворачиваются вокруг таких понятий, как «электронные доказательства» и «электронное доказывание». Спектр мнений довольно широк, что свидетельствует о сложности и многоаспектности рассматриваемых явлений новой реальности [10, с. 75].

Сложившееся положение обуславливает отсутствие единобразия в практике применения следователями норм ст. 81, 81.1, 82, 164, 164.1 УПК РФ. Неоднозначный подход представителей уголовно-процессуальной и криминалистической науки к данной проблеме также не способствует решению вопросов о характеристике признаков, по которым можно четко идентифицировать, является ли обнаруженный и изъятый объект электронным носителем доказательственной информации.

Так, по мнению А.Б. Судницына к таким носителям «могут быть отнесены: внутренний накопитель на жестком магнитном диске (жесткий диск, винчестер, винт, Hard Disk Drive – HDD); оптический диск (лазерный диск, компакт-диск, CD, DVD, диск Blu-Ray, HD-DVD; флэш-память (Compactflash, Memory Stick, micro-SD и др.); гибкий магнитный диск (дискета, Floppy Disk Drive – FDD и многие другие, в том числе микросхема памяти (интегральная схема, чип, микрочип), которая может выполнять различные функции, в частности, выступать в качестве модулей и схем памяти и реализовывать функции миникомпьютера» [18].

А.Е. Федулова предлагает понимать под электронным носителем информации «техническое устройство, конструктивно предназначено для записи, хранения и воспроизведения информации в виде, доступном для обработки с помощью средств вычислительной техники, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям» [19].

В.Н. Григорьев, О.А. Максимов определили электронный носитель информации как «предмет, содержащий значимую для уголовного дела информацию, созданную не в процессе расследования (раскрытия) уголовного дела, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств» [12].

Е.Д. Васильков предлагает дополнить ст. 5 УПК РФ определением следующего содержания: «Электронный носитель информации – это материальное устройство, конструкция которого непосредственно предназначена для получения, хранения, обработки, передачи или копирования информации в таком виде, в котором данную информацию можно было бы использовать в вычислительных машинах, в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») и информационных системах» [8].

А.А. Балашова в рамках диссертационного исследования предлагает авторскую дефиницию понятия «электронный носитель информации», определяемого как «техническое средство, конструктивно предназначенное для хранения информации в электронно-цифровой форме, доступной для обработки с использованием средств вычислительной техники» [7].

В целом соглашаясь с позициями, высказанными выше, хотелось бы все-таки отметить, что на сегодняшний день правильнее использовать (как было уже ранее указано) понятие «цифровой носитель информации», так как это в большей степени отражает современное понимание данного источника сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Цифровой носитель информации – более точное определение, отражающее специфику передачи сведений, особенности их хранения и распространения, возможности копирования, видеоизменения и т.п., так как цифровая информация, как особый вид сведений – «это данные, отображаемые в цифровом формате, пригодном для распознавания, обработки или хранения с помощью компьютерной или информационной системы, существующие в виде файлов, журналов, метаданных или сетевых данных» [20, с. 111].

Прежде чем сформулировать понятие «цифровой носитель информации», необходимо отметить, что в юридической литературе «цифровая информация в доказательственном праве представляет собой сведения, закодированные в двоичной системе счисления и передаваемые посредством любых физических сигналов, не воспринимаемых человеком непосредственно и содержащихся только

на определенных материальных носителях, специально предназначенных для их хранения, – носителях цифровой информации» [14, с. 70].

Цифровой носитель информации с позиции уголовного процесса должен представлять собой, как подчеркивает А.А. Балашова «техническое средство, конструктивно предназначено для хранения информации в электронно-цифровой форме, доступной для обработки с использованием средств вычислительной техники» [7, с. 28].

Такого рода носители могут быть как локальными, так и сетевыми. К первым относятся CD-диски, флеш-карты, съемные жесткие диски, карты памяти, встроенная память ноутбуков, смартфонов и т.п. Кроме того, активно используются сетевые носители, на которых хранится огромное количество разного рода информации, используемой при электронном декларировании, а также в процессе осуществления таможенного контроля.

Сетевые носители – это серверы, имеющие доступ к сети Интернет. Главной особенностью сетевых носителей (облачных хранилищ) информации является возможность получения удаленного доступа к находящейся на них информации с помощью соответствующего программного обеспечения, каналов связи, а также услуг провайдеров, обеспечивающих распространение информации в сети.

Электронная информация, особенности ее фиксации и использования в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве постепенно находят свое отражение в нормах уголовно-процессуального законодательства РФ. В частности, в УПК РФ стало использоваться понятие «электронный носитель информации» (ч. 4 ст. 81, ч. 4 ст. 81.1, ч. 8 ст. 166 УПК РФ и др.). Следует отметить, что УПК РФ не содержит дефиниций, которые дифференцировали бы соответствующие термины – «электронный носитель информации» и «носитель цифровой информации». В процессе правоприменения это приводит к тому, что правоохранительные органы и суды достаточно произвольно используют данные термины.

Электронная информация, особенности ее фиксации и использования в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве постепенно находят свое отражение в нормах уголовно-процессуального законодательства РФ. В частности, в УПК РФ стало использоваться понятие «электронный носитель информации» (ч. 4 ст. 81, ч. 4 ст. 81.1, ч. 8 ст. 166 УПК РФ и др.). Следует отметить, что УПК РФ не содержит дефиниций, которые дифференцировали бы соответствующие термины – «электронный носитель информации» и «носитель цифровой информации». В процессе правоприменения это приводит к тому что правоохранительные органы и суды достаточно произвольно используют данные термины.

В судебной практике информация, имеющая доказательственное

значение, встречается в электронном виде в том числе на оптических компакт-дисках или флеш-накопителях.

Так, в приговоре Московского районного суда г. Твери № 1-98/2021 от 30.03.2021 г. по делу № 1-98/2021 приведено в качестве доказательства заключение эксперта от 29.12.2020 г., согласно которому, на твердотельном накопителе № 1, извлеченном из системного блока № 1 по адресу «C:\Program Files\GRAPHISOFT\ARCHICAD 20» имеется программное обеспечение «Graphisoft ArchiCAD Версия - 11.0.1». Дата установки – 15.12.2016 г. в 12:51. Последний запуск – 07.07.2020 в 15:13. Период использования программного обеспечения с 15.12.2016 г. 12:51 по 07.07.2020 г. 15:13. На твердотельном накопителе № 2, извлеченном из системного блока № 2 по адресу «C:\Program Files\GRAPHISOFT\ARCHI CAD 20» имеется программное обеспечение «Graphisoft ArchiCAD Версия – 20.0». Дата установки – 20.07.2020 г. в 11:13. Последний запуск – 07.12.2020 г. в 14:35. Период использования программного обеспечения с 20.07.2020 г. 11:13 по 07.12.2020 г. 14:35. Имеющиеся на НЖМД № 1, извлеченном из системного блока № 1 файлы с расширениями «*.PLN; *.PLA», соответствующие проектам программного обеспечения «ArchiCAD» представлены в электронном виде на оптическом компактном диске, приложение, папка «\HDD1\Files». Описание технических характеристик файлов в файле «\HDD1\Files\Otchet.xlsx». Имеющиеся на НЖМД № 2, извлеченном из системного блока № 2 файлы с расширениями «*.PLN; *.PLA», соответствующие проектам программного обеспечения «ArchiCAD» представлены в электронном виде на оптическом компакт-диске, приложение 1, «\HDD2\Files». Описание технических характеристик файлов в файле «\HDD2\Files\Otchet.xlsx» [22].

Другим примером из судебной практики может служить апелляционное постановление Московского городского суда в от 19.10.2015 г. № 10-14255/15 в котором суд полностью отождествляет электронные и цифровые накопители информации: «положениями ст. 217 УПК РФ и ст. 47 УПК РФ не предусмотрено снятие и получение обвиняемым при ознакомлении с материалами уголовного дела копии информации, содержащейся на признанных по делу вещественными доказательствами электронных накопителях... принимая во внимание установленные по делу обстоятельства невозможности снятия копий с цифровых и иных носителей информации, вывод следователя об отсутствии оснований для удовлетворения данного ходатайства соответствует требованиям уголовно-процессуального закона и является обоснованным» [21].

Лысьвенский городской суд Пермского края, рассматривая вопрос о допустимости произведенной выемки мобильного телефона, пришел к выводу, что последний электронным носителем информации не

является [23], несмотря на тот факт, что любые мобильные устройства используют технологии электронной флеш-памяти.

Трудности, возникающие на практике в связи с отсутствием в УПК РФ понятий «электронный носитель информации» и «носитель цифровой информации» требуют выработки данных понятий и дифференцированного подхода к их использованию.

Отсутствие такого рода определения «породило ряд критических отзывов, связанных преимущественно с тем, какие сложности ожидают сотрудников оперативно-розыскных и следственных подразделений при идентификации объектов, которые могут относиться к таким носителям» [11, с. 26]. Анализ федерального законодательства обнаруживает, что указанная дефиниция закреплена в подзаконных нормативных актах, устанавливающих государственные стандарты в области реализации электронного документооборота. В соответствии с Межгосударственным стандартом ГОСТ 2.051-2013, введенным в действие приказом Росстандарта от 22.11.2013 г. № 1628-ст, под электронным носителем информации понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой при помощи средств вычислительной техники [6].

Однако данное определение достаточно сложно использовать, так как оно совершенно не адаптировано к целям уголовно-процессуального доказывания. Как верно заметил В.Б. Вехов, отсутствие определения понятия «электронный носитель информации» в уголовном судопроизводстве, «позволяет отнести к этой категории стиральную или кофемашину, микроволновую печь, телевизор, паспорт гражданина Российской Федерации, электронный полис обязательного медицинского страхования, электронный ключ от домофона или системы зажигания автомобиля и др.» [9, с. 48].

Как справедливо отмечает А.И. Зазулин, «использование в УПК РФ термина «электронный носитель информации» приводит к необоснованному сужению круга предметов, являющихся носителями цифровой информации, и в отношении которых может быть осуществлено изъятие при участии специалиста и копирование содержащейся на них информации» [15, с. 54–57].

Необходимо, думается, согласиться с мнением И.И. Карташова и О.А. Лесникова о том, «что назрела объективная необходимость заменить «электронный носитель информации» в тексте УПК РФ на более широкий и соответствующий реалиям термин «цифровой носитель», под которым следует понимать материальный объект, специально предназначенный для временного и (или) постоянного хранения цифровой информации независимо от используемых для этого физических принципов» [17, с. 79].

В связи с этим представляется необходимым заменить в тексте

цифровой информации», а ст. 5 УПК РФ дополнить пунктом 63, закрепив в нем понятие «цифровая информация». Выработка подобных дефиниций позволит избежать разнотечений в толковании указанных понятий на практике и выработать единый подход к оцениванию электронных доказательств.

Таким образом, цифровая информация в уголовном судопроизводстве – это сведения, хранящиеся в электронно-цифровой форме на специальном техническом средстве (носителе) и используемые в процессе доказывания при расследовании уголовных дел.

Цифровой носитель информации – это техническое средство, специально предназначенное для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой при помощи средств вычислительной техники и трансформируемое в электронно-цифровую форму, используемое в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 08.11.2024).
2. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200008/ (дата обращения: 05.11.2024).
5. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018 г. № 8028п-П13) // СПС «КонсультантПлюс».
6. ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» (введен в действие приказом Росстандарта от 22.11.2013 г. № 1628-ст) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70665820/> (дата обращения: 07.11.2024).
7. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020 [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.dissercat.com/content/elektronnye-nositeli-informatsii-i-ikh-ispolzovanie-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvanii> (дата обращения: 06.11.2024).

8. Васильков Е.Д. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // StudNet. 2021. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-nositeli-informatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-2> (дата обращения: 07.11.2024).

9. Вехов В.Б. Электронные доказательства проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (1). С. 46–50.

10. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть // Науки криминального цикла. 2019. № 7 (152). С. 74–84.

11. Григорьев В.Н. Об электронных носителях информации в УИС России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 3. С. 25–27.

12. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮЮИ. 2019. № 2 (84) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-elektronnyh-nositeli-informatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 06.11.2024).

13. Дерягин И.В. Правовое регулирование цифровых технологий // Юридическая наука. 2023. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovaniye-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 05.11.2024).

14. Зазулин А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 168 с.

15. Зазулин А.И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 54–57.

16. Зуев С.В. Основы теории электронных доказательств: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.

17. Карташов И.И., Лесников О.А. Цифровая информация в уголовно-процессуальном доказывании: понятие и свойства // Научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8, № 4 (32). С. 73–82.

18. Судницын А.Б. Отдельные процессуальные и организационные особенности изъятия и хранения электронных носителей информации при производстве по уголовным делам // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 1 (22) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-protsessualnye-i-organizatsionnye-osobennosti-izyatiya-i-hraneniya-elektronnyh-nositelye-informatsii-pri-proizvodstve-po> (дата обращения: 06.11.2024).

19. Федулова А.Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-nositeli-informatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-3> (дата обращения: 06.11.2024).

20. Черецких А. В. Цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 110–117.

21. Апелляционное постановление Московского городского суда от 19 октября 2015 г. № 10-14255/15 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1061515#Gu5IB6UcjoyxhEbm> (дата обращения 05.11.2024).

22. Приговор Московского районного суда г.Твери № 1-98/2021 от 30 марта 2021 г. по делу № 1-98/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UImwL4FEjJ5n/> (дата обращения 05.11.2024).

23. Приговор Лысьвенского городского суда Пермского края по делу № 1-4/2014 от 12 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IA3VCIBNtvxq/> (дата обращения 05.11.2024).

Об авторе:

ЯКОВЛЕВА Наталья Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

**The use of digital evidence in criminal proceedings
of the Russian Federation**

N.G. Yakovleva

Tver State University, Tver

The article is devoted to the currently relevant issues of the use of various kinds of digital media in proving criminal cases. the article analyzes various scientific approaches to the definition of "digital evidence", "carrier of digital evidentiary information", provides examples from judicial practice illustrating the existence of controversial law enforcement approaches to the use of digital evidence in criminal proceedings. it is proposed to formulate the concept of "digital media".

Keywords: smuggling, cultural property, crime, operational search activities, statistics, identification and suppression of illegal import and export of items of historical and cultural significance.

About author:

YAKOVLEVA Natalia – PhD in Law, associate professor of department of Criminal Law and Procedure of the Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

Яковлева Н.Г. Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве РФ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 117–126.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.11.2024 г.

Обзор и анонсы научных мероприятий

УДК 340 : 378.4

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.127

Обзор научно-методического семинара «Тенденции и перспективы развития высшего юридического образования»

Ю.А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье подведены некоторые итоги научно-методического семинара «Тенденции и перспективы развития высшего юридического образования», прошедшего 16 ноября 2024 года на базе юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». Актуализирована проблематика семинара в контексте реформ, планируемых в сфере высшего образования в Российской Федерации. Приведены тезисы основного доклада и выступлений участников.

Ключевые слова: высшее юридическое образование, реформы, рынок труда, бакалавриат, магистратура, специалитет.

16 ноября 2024 на юридическом факультете ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» по инициативе декана Ольги Юрьевны Ильиной состоялось масштабное мероприятие – научно-методический семинар «Тенденции и перспективы развития высшего юридического образования». Актуальность такой встречи продиктована реформами, планируемыми в сфере российского высшего образования, в совокупности с чрезвычайной динамичностью потребностей рынка труда в квалифицированных юридических кадрах.

Открывая работу семинара, с приветственным словом к участникам обратились Ольга Юрьевна Ильина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета ТвГУ, и Людмила Николаевна Скаковская, доктор филологических наук, профессор, сенатор Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре. Ольга Юрьевна тепло поприветствовала всех гостей в стенах юрфака ТвГУ и предложила в качестве формата мероприятия форсайт-сессию с активным обсуждением и прогнозированием развития сферы высшего образования, в целом, и юридического образования, в частности. Людмила Николаевна поздравила профессорско-преподавательский состав с наступающим Днем преподавателя высшей школы, обозначила направления реформирования системы российского

высшего образования и выразила уверенность, что консолидированное мнение представителей вузов должно быть учтено в этом процессе.

С основным докладом «О некоторых аспектах развития юридического образования: традиции/инновации» выступил Олег Владимирович Зайцев, доктор юридических наук, профессор, декан Высшей школы правоведения Президентской академии (ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»), председатель Комиссии по высшему юридическому образованию Московского отделения Ассоциации юристов России, член Правления Ассоциации юристов России. Его содержательное выступление, основанное на результатах опроса почти 4 000 респондентов (студентов, выпускников, преподавателей и работодателей), проведенного комиссией по высшему юридическому образованию Московского отделения Ассоциация юристов России, о проблемах в сфере высшего юридического образования и путях их решения, привлекло особое внимание и вызвало оживленную дискуссию.

В начале доклада Олег Владимирович представил результаты опроса относительно состояния высшего юридического образования в современный период. По соответствующим блокам вопросов были выявлены следующие тенденции:

1. Продолжительность обучения. Лишь 22 % респондентов считают, что четырехлетняя программа бакалавриата достаточна для полноценной подготовки юриста. Большинство опрошенных склоняются к тому, что обучение должно длиться дольше – до 5 лет. Опрос показал, что подавляющее большинство респондентов считают, что четырехлетний срок обучения недостаточен для получения качественного юридического образования. Более того, около 78 % опрошенных высказались за увеличение продолжительности обучения до 5 лет. Это подтверждает общую тенденцию к углублению и расширению образовательных программ.

2. Дисциплины и дополнительные квалификации. Респонденты высказали различные мнения относительно того, какие дисциплины следует включать в учебные планы и каким образом интегрировать дополнительные квалификации. Важно отметить, что многие участники опроса настаивают на необходимости междисциплинарного подхода, который позволит студентам получать знания не только в области права, но и смежных областях, таких как экономика и социология.

3. Магистратура. Вопрос о судьбе магистратуры вызвал наибольшие разногласия. Многие респонденты считают, что магистратура необходима, однако ее роль и содержание требуют дальнейшего обсуждения. Часть респондентов выразила сомнения в целесообразности сохранения существующей системы магистратуры, предложив пересмотреть ее роль и значение в системе юридического

образования. Некоторые предлагают сделать магистратуру обязательным этапом для получения полной юридической квалификации, тогда как другие видят в ней возможность для специализации и углубления знаний.

4. Цифровизация и доступность. Современное юридическое образование не может игнорировать процессы цифровизации. Вопросы доступности образования также остаются актуальными, особенно в условиях растущего спроса на юридические услуги и увеличения числа студентов, поступающих на юридические специальности.¹

Далее докладчик остановился на том, как респонденты видят перспективы развития высшего юридического образования.

По результатам опроса и учитывая современные вызовы, можно предложить следующее видение будущего юридического образования:

1. Переход к пятилетней базовой программе. Учитывая перегруженность учебных планов и необходимость более глубокой подготовки, переход к пятилетним программам представляется логичным шагом. Это позволит обеспечить фундаментальность образования, включить большее количество дисциплин и предоставить студентам возможность для дополнительной специализации. Прежде всего, следует подчеркнуть, что переход к пятилетней базовой программе неизбежен. Этот шаг позволит устраниТЬ перегруженность учебных планов и даст возможность студентам глубже изучить фундаментальные дисциплины.

2. Интеграция междисциплинарных подходов. Юриспруденция не существует изолированно от других наук. Поэтому важно развивать междисциплинарные связи, включая в образовательные программы элементы экономики, социологии, политологии и других дисциплин. Это поможет будущим юристам лучше понимать контекст, в котором они будут работать, и принимать более обоснованные решения.

3. Усиление роли цифровой трансформации. Цифровые технологии меняют не только правовую практику, но и образовательный процесс. Необходимо активно внедрять цифровые инструменты в учебный процесс, начиная от онлайн-курсов и заканчивая использованием искусственного интеллекта для анализа правовых документов.

4. Баланс теории и практики. Практика должна стать неотъемлемой частью учебного процесса. Это означает не только проведение традиционных лекций и семинаров, но и активное вовлечение практикующих юристов в образовательный процесс. Необходимо установить тесную связь между академическим сообществом и работодателями, чтобы обеспечить соответствие образовательных программ реальным потребностям рынка труда.

В обсуждении проблем и перспектив приняли активное участие:

Владимир Викторович Кулаков, доктор юридических наук, действительный член РАЕН, ректор, профессор кафедры гражданского

¹ Результаты опроса Комиссии по высшему юридическому образованию Московского отделения Ассоциации юристов России о состоянии высшего юридического образования и тенденциях его развития [Электронный ресурс]. URL: https://alrf.msk.ru/resultaty_oprosa_komissii_po_vysshemu_yuridicheskemu_razvitiyu (дата обращения: 16.11.2024).

права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;

Инна Владимировна Ершова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, первый проректор, заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина» (МГЮА);

Варвара Владимировна Богдан, доктор юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»;

Ольга Анатольевна Кузнецова, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана юридического факультета по науке ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»;

Юлия Геннадьевна Лескова, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского, трудового и корпоративного права ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

Мария Валентиновна Мещанова, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Белорусского государственного университета;

Мария Владимировна Громоздина, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления “НИНХ”»;

Тамара Васильевна Шершень, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»;

Людмила Станиславовна Павлова, кандидат психологических наук, начальник управления образовательных программ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»;

Лидия Владимировна Туманова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный декан Тверского государственного университета, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» и многие другие представители профессорско-преподавательского состава юридического факультета ТвГУ.

Особое внимание участников привлекло выступление Бориса Самуиловича Райкеса, кандидата юридических наук, председателя Судебной коллегии по уголовным делам Тверского областного суда, председателя ГЭК по направлению подготовки «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», в котором он обратил внимание на проблемы формирования судейского корпуса и аппарата судов, в том числе, связанные со спецификой организации системы высшего юридического образования в настоящее время.

Без сомнения можно констатировать, что научно-практический семинар прошел продуктивно, участники в форме конструктивного обмена мнениями зафиксировали своего рода реперные точки в обсуждаемых проблемах и эффективные практики их решения, которые используют коллеги.

Людмила Николаевна Скаковская в завершение формальной части встречи отметила, что целый ряд аспектов состоявшегося обсуждения может быть положен в основу деятельности органов законодательной власти в процессе принятия дальнейших решений о развитии системы российского высшего образования.

Отдельных добрых слов и искренней благодарности от всех участников семинара заслуживает подготовленная студентами юрфака неформальная часть встречи. Студенческое объединение «Ингруп» в формате мультимедийной презентации представило для участников семинара преподавательский коллектив своего любимого факультета, подчеркнув главные достоинства и заслуги каждого из преподавателей. Творческая группа подготовила несколько великолепных музыкальных номеров.

Благодарим декана факультета Ольгу Юрьевну Ильину за организацию представительного и масштабного научно-практического мероприятия с выраженным синергетическим эффектом.

Об авторе:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

**Review of the scientific and methodological seminar
"Trends and Prospects for the Development
of Higher Legal Education"**

Yu.A. Dronova

Tver State University, Tver

The article summarizes some of the results of the scientific and methodological seminar "Trends and Prospects for the Development of Higher Legal Education", which was held on November 16, 2024, at the Faculty of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University". The issues of the seminar are updated in the context of the reforms planned in the field of higher education

in the Russian Federation. The abstracts of the main report and speeches of the participants are given.

Keywords: higher legal education, reforms, labor market, bachelor's degree, master's degree, specialist degree.

About author:

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

Дронова Ю.А. Обзор научно-методического семинара «Тенденции и перспективы развития высшего юридического образования» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 127–132.

Статья поступила в редакцию 17.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 378.2 : 339.543

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.133

Опыт практической подготовки будущих специалистов таможенного дела

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Несмотря на кажущуюся простоту поиска работы в наши дни с использованием информационных систем и программ, содействующих занятости населения, и при наличии разнообразной информации о вакансиях, все же выпускники испытывают трудности с трудовым самоопределением. Поэтому задача вуза состоит не только в профессиональной подготовке, но и создании условий для правильной трудовой ориентации. Целью данной статьи является рассмотрение порядка организации практической подготовки обучающихся по специальности Таможенное дело на юридическом факультете ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет». Сделан вывод о том, что с учетом существующих возможностей обучающиеся, начиная уже с 3-го курса, могут выстроить индивидуальную образовательную траекторию и осознанно сделать выбор будущей трудовой деятельности. К тому же успешное прохождение стажировки или практики может стать основой для дальнейшего трудоустройства. Практическая значимость работы заключается в дальнейшем развитии сотрудничества вуза и работодателей для формирования у обучающихся достоверного представления о трудовой занятости с учетом полученной квалификации.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, таможенные органы, профессиональные компетенции, специалист таможенного дела.

Обучение по специальности Таможенное дело в вузах страны организовано с учетом положений федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности Таможенное дело, который был утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25.11.2020 г. № 1453 (далее – ФГОС ВО по специальности Таможенное дело) [1].

Согласно п. 1.4 ФГОС ВО по специальности Таможенное дело каждый вуз самостоятельно формирует программу высшего образования по специальности Таможенное дело на основе компетентностного подхода. Компетентностный подход базируется на разумном и гармоничном сочетании универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которые

необходимы выпускникам для выполнения в будущем трудовых функций в конкретной сфере жизнедеятельности.

Особой значимостью обладает процесс формирования профессиональных компетенций, ведь это именно те знания, умения и навыки, которые оцениваются при трудоустройстве выпускников. Подбор таких компетенций осуществляется с учетом запросов работодателей профильных организаций.

В настоящее время на юридическом факультете ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (далее – ТвГУ) взаимодействие с профильными организациями осуществляется в следующих форматах:

1. Вовлечение в учебный процесс практикующих специалистов. Участие должностных лиц таможенных органов, представителей внешнеэкономической сферы в преподавании дисциплин – «это не только условие федеральных образовательных стандартов высшего образования, но и залог успешной реализации образовательной программы и неподдельного интереса со стороны обучающихся» [11]. Также в рамках изучения отдельных дисциплин практикующих специалистов приглашают для проведения мастер-классов, например по заполнению таможенной декларации [7], или научно-практических семинаров по вопросам таможенного регулирования экспортно-импортных операций [9].

2. Участие в оценке качества образования. По специальности Таможенное дело ряд профессиональных компетенций согласован с Тверской торгово-промышленной палатой (далее – ТПП) и Тверской межрайонной транспортной прокуратурой. Также работодатели участвуют в независимой оценке качества подготовки обучающихся. Например, «в 2023 году сотрудники ТПП для обучающихся 5 курса специальности Таможенное дело подготовили кейсы по определению страны происхождения товаров, что особенно актуально при решении вопросов, связанных с получением тарифных преференций и возможностью вывоза отечественной продукции в зарубежные страны» [5].

3. Реализация проектов, направленных на первичное ознакомление с деятельностью профильных ведомств и организаций. Проект «Один день с работодателем» [10] предполагает проведение визуальной экскурсии на территории ведомства или организации. Также сохраняется востребованность профориентационных встреч с должностными лицами правоохранительных органов в стенах юридического факультета. В рамках таких мероприятий обучающиеся могут узнать об особенностях прохождения службы, преимуществах и перспективах трудоустройства в таможенные органы и на пограничную службу [4].

Проект «Наставничество» преимущественно рассчитан на внимание обучающихся 3-го курса, когда они впервые должны определиться с базой учебной практики, поэтому им следует заранее ознакомиться с существующими вариантами. При этом проект «Наставничество» предполагает уже более расширенный формат участия работодателя, когда наряду с профориентационными встречами организуются практика и стажировка, после завершения которых студентов, зарекомендовавших себя с положительной стороны, приглашают на внутриведомственные мероприятия. Например, наша выпускница по специальности Таможенное дело Полина Дмитриевна Воронова, а ныне начальник отдела сертификации, товарной экспертизы и подтверждения промышленной продукции ТПП, уже два года осуществляет шефство над старшекурсниками, и по результатам преддипломной практики в ТПП были трудоустроены две выпускницы [8].

4. Организация стажировок и практик. Самым главным направлением по получению практического опыта являются стажировки и практики, когда обучающиеся могут не только оценить специфику деятельности той или иной профильной организации, но и самостоятельно выполнить часть работы. Исходя из положений ФГОС ВО по специальности Таможенное дело, на юридическом факультете ТвГУ учебный план по специальности Таможенное дело включает несколько типов практики. На 3-м курсе обучающиеся проходят учебную практику, которая именуется как «практика по получению первичных профессиональных умений и навыков». На 4-м курсе проводится производственная практика, а именно «практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности». На 5-м курсе организуется научно-исследовательская работа и позже уже преддипломная практика. А разнообразие баз практики позволяет «испытать» на собственном опыте специфику работы в той или иной профильной организации. Особый интерес вызывает прохождение практики в Службе Смоленской таможни по Тверской области, Шереметьевской таможне, логистических компаниях (например, ООО «СДЭК-ГЛОБАЛ», ООО «ЮНИ ТРАНС МЕНЕДЖМЕНТ»).

5. Участие работодателей в государственной итоговой аттестации (далее – ГИА). Первым этапом в подготовке к ГИА является выбор темы выпускной квалификационной работы (далее – ВКР), что также может произойти с участием работодателя. Юридический факультет ТвГУ ежегодно в рамках сотрудничества с профильными организациями региона направляет в их адрес письма с предложением определить перечень тем, актуальных для исследования с позиций осуществления внешнеторговой деятельности [6]. Как показывает опыт прошлых лет, выбор темы ВКР от работодателя гарантирует практическую значимость и интересную защиту, поскольку

представители соответствующих профильных организаций приглашаются на заседания государственной экзаменационной комиссии (далее – ГЭК) по защите выпускной квалификационной работы (далее – ВКР), где активно задают авторам таких работ вопросы и поддерживают их наиболее интересные выводы. Например, в 2024 г. по запросам работодателей были выполнены девять ВКР [13].

Несомненно, это не исчерпывающий перечень форматов сотрудничества вуза и работодателей по подготовке высококвалифицированных кадров. Изменение внешней среды и условий рынка труда требуют поиска новых решений. Однако компетентностный подход в сочетании с активным вовлечением работодателей максимально приближает обучающихся к реальному трудовому процессу. Ведь обучающиеся на протяжении всего периода освоения образовательной программы не только овладевают необходимыми компетенциями, но и знакомятся с различными направления потенциального трудоустройства.

Стоит отметить, что с квалификацией «специалист таможенного дела» трудоустройство возможно не только в систему таможенных органов, но и в сферу внешнеэкономической деятельности. Ряд предприятий Тверского региона обладают экспортным потенциалом либо импортируют оборудование и комплектующие за рубежом для дальнейшего использования в своей производственной деятельности. Поэтому такие компании нуждаются в кадрах, специализирующихся на правовом сопровождении внешнеигоровых сделок и таможенном декларировании перемещаемых через таможенную границу товаров.

В прошлых публикациях мы уже отмечали, что «во ФГОС ВО по специальности «Таможенное дело» определены две сферы профессиональной деятельности выпускников: образование и наука, финансы и экономика. Примечательно, что в сферу «финансы и экономика» включены только сферы, связанные с деятельностью таможенных органов (оказание государственных таможенных услуг, проведение таможенного контроля, взимание таможенных платежей, предупреждение, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений и др.). И указаны всего лишь два профессиональных стандарта: «аудитор» и «специалист в оценочной деятельности». Однако за пределами внимания осталась сфера внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), которая включает некоторые посреднические услуги, которые также могут оказывать выпускники, освоившие программу специалитета по специальности Таможенное дело» [3, с. 374].

Поэтому на юридическом факультете ТвГУ при формировании в 2020 г. Основной образовательной программы по специальности Таможенное дело включены компетенции, соответствующие профессиональному стандарту специалиста во внешнеэкономической

деятельности [2]: ПК-1 Способен организовать работу по внешнеэкономической деятельности и ПК-2 Способен разрабатывать план внешнеэкономической деятельности организации и осуществляет контроль его выполнения.

С учетом расширения баз практик в сфере ВЭД, компетенции, направленные на формирование навыков по анализу внешнеторговой документации, заключению и исполнению внешнеторгового контракта, являются весьма актуальными. Правильность выбранного направления подтверждается в ходе прохождения производственной и преддипломной практики.

Например, с марта по июнь 2024 г. некоторые студенты юридического факультета прошли преддипломную практику в таких ведущих компаниях г. Твери, как ОАО «Мелькомбинат», ОАО «Тверской вагоностроительный завод» (далее – «ТВЗ»). ОАО «Мелькомбинат» является флагманом группы компаний «Мелком», выпускающей разнообразные макаронные изделия, муку, комбикорм, которые экспортятся на рынки Китая, Кореи, Бразилии, Турции, Индии, Узбекистана, Пакистана и др. В целях проведения экспортных сделок в компании функционирует собственный отдел таможенного оформления.

Продукция машиностроения, производимая «ТВЗ», также представлена на экспорт. В рамках практики студенты проводят анализ статистических данных о внешней торговле таких компаний, изучают конъюнктуру зарубежного рынка и алгоритм поиска контрагентов для экспорта продукции. Даже в условиях действующих экономических санкций предприятие остается высокоэффективным с учетом таких мер государственной поддержки, как компенсация логистических издержек и содействие в получении сертификации, необходимой для выхода на зарубежные рынки [12].

Упомянутые меры по поддержке экспортёров, стоит отметить такую базу практики, как Центр поддержки экспортёров, где также востребованы выпускники специальности Таможенное дело, например в качестве консультантов по мерам поддержки предпринимателей, планирующих выход на зарубежные рынки.

Следующим направлением является сфера оказания таможенных и логистических услуг. Уже 10 лет юридический факультет сотрудничает с филиалом ТРАСКО в г. Тверь. Данная организация является таможенным представителем и таможенным перевозчиком, поэтому на практике обучающиеся могут получить навыки как по заполнению таможенной декларации, так и по организации логистического сопровождения внешнеэкономической сделки. В этом учебном году на базе ТРАСКО продолжаются научные разработки по теме, связанной с солидарной ответственностью таможенного представителя и декларанта.

Сотрудничество с «Адванс Пластик Инжиниринг» (далее – АПИ) также позволяет студентам выстроить индивидуальную траекторию обучения. АПИ осуществляет экспортно-импортные операции в отношении промышленного оборудования, а также оказывает услуги по таможенному оформлению, поэтому становится уникальной площадкой для прохождения стажировки, практики и трудоустройства. Заинтересованные студенты не упускают такую возможность, и в 2023–2024 гг. пять студентов смогли не только наблюдать, но деятельно «включиться» в работу компании. В итоге такого сотрудничества по запросу АПИ были выполнены несколько ВКР, содержание которых было сосредоточено на анализе тенденций мировой торговли и разработке сценариев осуществления внешней торговли российскими компаниями в условиях действия экономических санкций. Одна из выпускниц была трудоустроена в эту компанию в должности специалиста по таможенному оформлению.

Таким образом, обучающиеся в ходе освоения образовательной программы овладевают необходимым набором компетенций, при этом имеют возможность ознакомиться с различными вариантами трудовой занятости, а также получить ценный опыт практической деятельности на базе профильных организаций, что станет залогом правильного выбора места трудоустройства.

Активное участие работодателей в формировании профессиональной траектории выпускников по специальности Таможенное дело подтверждает заинтересованность в кадрах данной квалификации. Однако стоит отметить, что велика доля выпускников, которые не спешат трудоустраиваться по специальности и продолжают работать в сфере услуг, индустрии красоты, доставке или на удаленных вакансиях в интернет-пространстве. Такая тенденция вызвана общими изменениями на рынке труда и веяниями времени – века информационных технологий и искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25.11.2020 г. № 1453 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования-специалитет по специальности 38.05.02 «Таможенное дело»» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/12/23/minnauki-prikaz1453-site-dok.html> (дата обращения: 09.11.2024).
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 17.06.2019 г. № 409н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист во внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/08.039.pdf> (дата обращения: 09.11.2024).
3. Сладкова А.А. Подготовка специалистов таможенного дела в условиях цифровизации экономики // Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Синтез цифровых технологий и инновационных решений: сб.

научных трудов IX Международной научно-практической конференции по экономике, посвященной памяти известного ученого и крупного организатора экономической науки на Юге России и в Средней Азии доктора экономических наук, профессора А.Ф. Сидорова. Майкоп, 2021. С. 372–379.

4. Встреча с выпускниками – всегда приятна! URL: <https://law.tversu.ru/news/24603?ysclid=m3bc6r88vz683293545>; Возможности трудоустройства специалистов таможенного дела в пограничную службу [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/34553>(дата обращения: 10.11.2024).

5. Как проверить знания: НОКО по специальности Таможенное дело [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/29487?ysclid=m3bd6w7nhs665605256> (дата обращения: 10.11.2024).

6. Курсовые и выпускные квалификационные работы по запросу профильных организаций [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/34596?ysclid=m3bnqqaame671498297> (дата обращения: 10.11.2024).

7. Мастер-класс для будущих специалистов таможенного дела [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/7293?ysclid=m3bdzvc4yx273973188> (дата обращения: 10.11.2024).

8. Наставник для специалистов таможенного дела [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/34816?ysclid=m3bckraof148899615> (дата обращения: 10.11.2024).

9. Научно-практический семинар «Таможенное регулирование экспортно-импортных операций» [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/32721?ysclid=m3behkmrnx122746303> (дата обращения: 10.11.2024).

10. «Один день с работодателем»: Тверской филиал «ТРАСКО» [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/26932?ysclid=m3bdj0zs2x606120588> (дата обращения: 10.11.2024).

11. Практикующие специалисты как преподаватели в вузе – объективное требование [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/29012?ysclid=m3bc75a6md347964155> (дата обращения: 10.11.2024).

12. Преддипломная практика будущих специалистов таможенного дела [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/33185> (дата обращения: 10.11.2024).

13. Студентам юридического факультета присвоена квалификация «специалист таможенного дела» [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/33541?ysclid=m3bnol9r8w680210078> (дата обращения: 10.11.2024).

Об авторе:

СЛАДКОВА Алена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения

профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

Practical training experience for future customs specialists

A.A. Sladkova

Tver State University, Tver

Despite the apparent simplicity of finding a job these days using information systems and programs that promote employment, and with a variety of information about vacancies, graduates still have difficulties with labor self-determination. Therefore, the task of the university is not only to provide professional training, but also to create conditions for proper work orientation. The purpose of this article is to consider the procedure for organizing practical training for students majoring in Customs at the Faculty of Law of the Tver State University (hereinafter – TvSU). It is concluded that, taking into account existing opportunities, students, starting from the 3rd year, can build an individual educational trajectory and consciously make a choice of future employment. In addition, successful completion of an internship or internship can become the basis for further employment. The practical significance of the work lies in the further development of cooperation between the university and employers in order to form a reliable understanding of employment among students, taking into account their qualifications.

Keywords: *foreign economic activity, customs authorities, professional competencies, customs specialist.*

About author:

SLADKOVA Aljona – PhD in Philosophy, associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

Сладкова А.А. Опыт практической подготовки будущих специалистов таможенного дела // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 133–140.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.626.1

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.141

Распоряжение общим имуществом супругов: коллизия частных и публичных интересов

И.В. Базунов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Целью данной работы выступает фиксация некоторых проблемных вопросов, связанных с балансом частных и публичных интересов при распоряжении общим имуществом супругов. Автор выдвигает предположение, что в ряде случаев частный имущественный интерес супругов противоречит публичным интересам в виде заинтересованности государства в обеспечении стабильности гражданского оборота, а также эффективной деятельности хозяйствующих субъектов. Анализируя данную проблему, автор приходит к выводу, что нарушение баланса частных и публичных интересов при осуществлении супругами своих имущественных прав влечет наступление негативных последствий не только для третьих лиц, но и общества в целом. В силу этого дальнейшее совершенствование семейного законодательства должно осуществляться с учетом наличия указанных публичных интересов и необходимости их защиты.

Ключевые слова: частные интересы, публичные интересы, общее имущество супругов, семейные отношения, общество с ограниченной ответственностью.

Захиста имущественных интересов супругов представляется крайне важным аспектом семейной политики России, т. к. именно супруги являются наиболее экономически активными членами семьи. Планомерное развитие института семьи, безусловно, требует системных усилий по созданию благоприятных экономических условий, в том числе и преумножению возможностей для участия супругов в экономической деятельности, а также защите их имущественных интересов. Тем не менее, как предполагает автор настоящей статьи, в ряде случаев частный имущественный интерес супруга в отношении распоряжения общим имуществом супругов противоречит публичным интересам в виде заинтересованности государства в обеспечении стабильности гражданского оборота и эффективной работы субъектов хозяйственной деятельности. В этой связи считаем необходимым провести анализ некоторых случаев коллизии частных и публичных интересов, возникающих при осуществлении супругом своих имущественных прав.

Начать следует с характеристики понятий частный и публичный интересы в цивилистике. В Большой российской энциклопедии интерес в правовом контексте определяется как стремление субъекта к получению или сохранению определенных материальных или нематериальных благ [6]. Не все интересы находят свое отражение в нормах объективного права. Так, по мнению В.В. Субочева, ряд интересов происходит из принципов и духа права [8, с. 363]. По признаку принадлежности все многообразие интересов можно разделить на частные и публичные.

В.И. Галкин характеризует частный интерес как «охраняемый правом интерес, который принадлежит частным субъектам права»; частные интересы служат выражением конкретных потребностей людей и, следовательно, их можно рассматривать в качестве стимулов к тем или иным действиям [4, с. 22]. По мнению А.В. Ульянова, характерными признаками частного интереса выступают: направленность на получение благ, способствующих развитию личности; зависимость его защиты и осуществления от воли заинтересованного лица [9, с. 26].

Публичный интерес, в отличие от частного, выражает устремление определенной социальной группы. Анализируя содержание данного понятия, В.Г. Горбунов приходит к выводу, что публичный интерес представляет собой обеспеченный государством и правом интерес определенной социальной общности. В структуре публичного интереса следует выделять частные интересы входящих в данную общность лиц [5, с. 20]. Схожую позицию занимает О.М. Родионова. Так, рассматривая взаимосвязь частных и публичных интересов, она отмечает, что удовлетворение публичного интереса, по сути, включает в себя удовлетворение частных интересов. По этой причине правовое обеспечение частных и публичных интересов должно основываться на их единстве [7, с. 105].

Считаем важным отметить, что ряд публичных интересов напрямую связан с потребностями публично-правовых образований. Так, И.И. Шувалов выделяет особую группу макроэкономических публичных интересов, к которым он относит, среди прочего, заинтересованность государства в обеспечении стабильности гражданского оборота, развитии производства и сохранении рабочих мест [10, с. 149].

Таким образом, частные и публичные интересы находятся в тесной взаимосвязи, являясь в первом случае выражением устремлений отдельных лиц, а во втором – социальной общности, к которой мы можем отнести и общество в целом.

Как уже было сказано, мы предполагаем, что в некоторых случаях частные имущественные интересы супруга могут противоречить публичным интересам. Для подтверждения данной гипотезы

рассмотрим некоторые примеры из практики правотворчества и правоприменения.

Согласно п. 1 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов [1]. Для совершения ряда сделок по распоряжению общим имуществом супругов требуется получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга (п. 3 ст. 35 СК РФ). Данное правило распространяется на сделки, подлежащие государственной регистрации, а также на сделки, для которых законом предусмотрена обязательная нотариальная форма. Супруг, не давший свое согласие на совершение такой сделки, может потребовать признать ее недействительной в судебном порядке (абз. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ).

В случае возникновения спора между супружами по поводу совершения той или иной сделки с общим имуществом, безусловно, затрагиваются интересы третьего лица, выступающего в данном случае приобретателем общего имущества супругов. В случае оспаривания такой сделки третье лицо несет потери имущественного характера в силу возможной утраты контроля над приобретенным имуществом и необходимости защиты своих прав и интересов в суде. Рассматривая данный вопрос с точки зрения макроэкономических интересов государства, следует обратить внимание на то, что нарушение баланса частных имущественных интересов супругов и третьих лиц неизбежно бы сказалось на стабильности гражданского оборота. В силу этого законодатель ограничивает возможности одного из супругов по оспариванию таких сделок. Так, согласно абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ, сделка по распоряжению общим имуществом супругов может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только в том случае, если другая сторона сделки не знала или заведомо должна была знать о несогласии данного супруга на совершение сделки. Таким образом, законодатель исходит из необходимости соблюдения баланса частных интересов супруга, не являющегося стороной сделки, и третьего лица, выступающего приобретателем общего имущества супругов. Благодаря этому также обеспечивается защита публичных интересов в виде заинтересованности государства в стабильности гражданского оборота. Подтверждение верности данного вывода обнаруживается в практике Верховного Суда Российской Федерации. Как указано в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 г. № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022: «даже в случае совершения одним из супругов сделки, которая привела к уменьшению общего имущества, без получения согласия второго супруга, в силу пункта 2 статьи 173.1 Гражданского кодекса неблагоприятные последствия названных

действий не могут с безусловностью перелагаться на третьих лиц, что нарушало бы стабильность гражданского оборота» [2].

Таким образом, вопрос оспаривания сделок с общим имуществом выходит за плоскость столкновения частных имущественных интересов одного из супругов и третьего лица. Правоприменитель в данном случае также исходит из необходимости защиты публичных интересов в виде необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота.

Рассмотрим другой пример. Как указано в п. 2 ст. 34 СК РФ, доля в капитале общества с ограниченной ответственностью является одним из видов общего имущества супружей. Согласно сложившейся практике, в случае раздела общего имущества супружей, не являющийся титульным владельцем доли, приобретает только имущественные права участника общества, т. е. может претендовать только на действительную стоимость доли. Право на участие в деятельности общества он может получить только с согласия других участников.

Данная практика продиктована тем, что общество с ограниченной ответственностью сочетает в себе как материальные, так и личностные элементы. Вхождение в состав участников нового лица, не знакомого со спецификой деятельности общества, влечет значительные изменения в структуре корпоративного контроля, что в отдельных случаях может приводить к невозможности дальнейшей эффективной деятельности общества. Принимая во внимание данный факт, законодатель и правоприменитель исходят из необходимости защиты как имущественных интересов одного из супружей, так и интересов участников общества, а также публичного интереса по сохранению субъектов предпринимательской деятельности и их дальнейшей эффективной работе. Как указано в пояснительной записке к проекту федерального закона от 14.07.2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», предоставление супружу больших возможностей по вхождению в состав участников общества с ограниченной ответственностью повлекло бы существенные экономические риски: «При таких обстоятельствах не только страдают интересы обоих супружей, стоимость оказавшихся у которых активов в результате раздела имущества существенно снижается, но и появляются риски разрушения успешных хозяйственных структур, что может также негативным образом сказаться на экономических интересах общества в целом» [3].

Таким образом, совершенствование семейного законодательства в части обеспечения правовой защиты имущественных интересов супружей должно проводиться с учетом как частных интересов третьих лиц, так и публичных интересов в виде необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота, а также сохранения и поддержки успешных хозяйственных структур. Нарушение баланса частных и

публичных интересов при осуществлении одним из супругов своих имущественных прав может приводить к существенным негативным последствиям как для частных лиц, так и для общества в целом.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 гю № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 г. № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона от 14.07.2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 14.06.2024).
4. Галкин В.И. Соотношение частных и публичных интересов при осуществлении права собственности на недвижимое имущество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 31 с.
5. Горбунов В.А. Категория законного интереса (личности, общества, государства) в конституционном законодательстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 29 с.
6. Интернет-версия издания: Большая Российская энциклопедия: в 30 т. // Большая российская энциклопедия – электронная версия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/interes-v-prave-56da3b> (дата обращения: 14.06.2024).
7. Родионова О.М. Публичные и частные интересы в меняющемся гражданском праве России: единство в многообразии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. №. 3. С. 101–111.
8. Субочев В.В. Законные интересы // Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2012. 363 с.
9. Ульянов А.В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 233 с.
10. Шувалов И.И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 401 с.

Об авторе:

БАЗУНОВ Игорь Валерьевич – аспирант третьего года обучения, кафедра гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: Comrade.Bazunov@yandex.ru

Disposal of the common property of spouses: collision of private and public interests

I.V. Bazunov

Tver state University, Tver

The purpose of this work is to record some problematic issues related to the balance of private and public interests in the disposal of the spouses' common property. The author suggests that in some cases the spouses' private property interest contradicts public interests in the form of the state's interest in ensuring the stability of civil turnover, as well as the business entities effective operation. Analyzing this problem, the author comes to the conclusion that the violation of the balance of private and public interests in the exercise of the spouse's property rights entails the occurrence of negative consequences not only for third parties, but also for society as a whole. Due to this, further improvement of family legislation should be carried out taking into account the presence of these public interests and the need to protect them.

Keywords: *property interests of the spouse, public interests, common property of the spouses, family relations, common property of the spouses.*

About author:

BAZUNOV Igor – third-year postgraduate student, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, Zheljabova st., 33), e-mail: Comrade.Bazunov@yandex.ru

Базунов И.В. Распоряжение общим имуществом супругов: коллизия частных и публичных интересов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 141–146.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Трудоправовые ограничения в сфере контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства

Л.Г. Джиджавадзе

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

В статье анализируется риск-ориентированный подход, применяемый органами контроля и надзора в сфере труда при проведении контрольных мероприятий. Автором исследуются индикаторы риска, заложенные в основу данной системы, и вносятся предложения по совершенствованию российского законодательства как путем модификации уже существующих индикаторов, так и разработки новых. Риск-ориентированный подход рассматривается как инструмент ограничения пределов вмешательства органов государственной власти в деятельность работодателя. Оптимизация контрольной деятельности является важным механизмом обеспечения баланса интересов работника и работодателя. Новизна данной работы заключается в применении комплексного метода к анализу риск-ориентированного подхода и рассмотрении его через призму трудоправовых ограничений.

Ключевые слова: трудоправовые ограничения, контроль и надзор, контрольные мероприятия, индикаторы риска, производственный травматизм, трудовое законодательство.

Институт контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства (далее – институт контроля) является важной составляющей отрасли трудового права, потому что с помощью него обеспечивается выполнение нормативных положений всех институтов трудового права. Как подчеркивает С.В. Колобова, государственный контроль и надзор является составной частью механизма защиты прав работника [8]. Построение эффективной модели в сфере контроля и надзора немыслимо без ограничений в трудовом праве. Перед тем как перейти к анализу отдельных проблем института контроля, представляется необходимым выделить особенности трудоправовых ограничений, характерных для данной совокупности отношений. Так, к ним можно отнести:

1. Ограничения института контроля носят преимущественно публичный характер. Еще Л.С. Таль обращал внимание на то, что отношения по государственному надзору относятся к публичному трудовому праву [11].

2. Межотраслевой характер ограничений. Ни в одном из институтов трудового права нет такой тесной связи с административным правом,

как в институте трудоправового контроля и надзора. Эта специфика относится и к трудоправовым ограничениям.

3. Особенностью закрепления данных ограничений выступает тот аспект, что большая доля ограничений регламентируется на подзаконном уровне. Подзаконные нормативно-правовые акты (далее – НПА) конкретизируют ограничения, содержащиеся в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ), и закрепляют самостоятельные ограничения, в силу прямого указания закона. Так, ограничения в области трудоправового контроля и надзора содержатся в постановлениях Правительства РФ, актах Министерства труда и социальной защиты, актах Федеральной службы по труду и занятости и т. д.

4. Ограничения устанавливаются в отношении контрольно-надзорных органов (например, ограничение оснований проведения контрольных мероприятий и др.). В некоторых случаях ограничения института контроля направлены на работодателей (например, ограничения в виде обязанности по исполнению требований должностных лиц, по предоставлению необходимой информации и др.).

5. Содержательные особенности ограничений. Так, к характерным ограничениям института контроля относятся: а) ограничения перечня контрольных мероприятий, б) ограничение оснований проведения мероприятий, в) ограничение компетенции органов по контролю и надзору, г) процедурные ограничения, д) ограничения как обязанность содействовать в проведении контроля и надзора путем предоставления информации, обеспечения доступа на территорию и т. п.

Важной задачей законодателя и правоприменителя является, с одной стороны, обеспечение баланса между реализацией целей и задач контроля и надзора, а с другой стороны, продолжение нормального функционирования организации или индивидуального предпринимателя, в отношении которых проводятся контрольные и иные мероприятия. Стоит обратить внимание на то, что в рамках проведения контроля и надзора существует угроза возникновения следующих препятствий для деятельности работодателя: а) кадровые проблемы, связанные с маневром личного состава, расстановкой кадров; б) изъятие документации; в) затруднение распоряжения денежными средствами и др. Законодатель осознает наличие такой проблемы и с этой целью вводит систему «рисков», которая и будет нами подробно проанализирована.

Данная система регламентируется в гл. 5 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ (далее – ФЗ-248) [1]. Проанализировав definiciju termina «risk», закрепленную в п. 2 ст. 22 ФЗ-248, можно сделать вывод, что к нему относятся обстоятельства, которые создают угрозу причинения вреда охраняемым законом ценностям. Система оценки рисков [6] согласно п. 3 ст. 23 ФЗ-248 преследует две цели: а) преодоление и (или) минимизация ограничений, возникающих для

работодателя при проведении контрольных мероприятий; б) оптимизация деятельности контрольных и надзорных органов, обеспечивающая достаточный охват всех объектов контроля.

В соответствии со ст. 23 ФЗ-248 применение риск-ориентированного подхода предусматривает выделение индикаторов риска, которые, с одной стороны, являются основанием проведения внеплановых контрольных мероприятий, а с другой – от них будет зависеть отнесение объектов контроля к определенной категории риска. От этого будет зависеть частота проведения плановых контрольных мероприятий. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 17.08.2016 г. № 806 [3] из видов государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется риск-ориентированный подход, исключен контроль и надзор за соблюдением трудового законодательства. Но это не означает, что отнесение работодателя к определенной категории риска не влияет на периодичность контрольных мероприятий [7]. Данный вывод следует из п. 10 Положения о государственном контроле, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 21.07.2021 г. № 1230 [2], предусматривающего применение риск-ориентированного подхода и при трудоправовом контроле.

Согласно приложению Постановления Правительства РФ № 1230 можно выделить следующие индикаторы риска причинения вреда охраняемым законам интересам:

1. Уровень травматизма на производстве. В данном показателе учитываются как частота несчастных случаев, так и их вид (тяжелый, со смертельным исходом) (п. 8, 11 приложения (далее – Приложение о критериях риска) Постановления Правительства РФ № 1230).

2. Наличие задолженности по заработной плате (пп. «в» п. 11 Приложения о критериях риска). Данный индикатор влияет на коэффициент устойчивости поведения работодателя, который учитывается при определении категории риска.

3. Факты привлечения работодателя к административной ответственности за нарушение норм трудового законодательства (п. 7 Приложения о критериях риска). Аналогично влияет на коэффициент устойчивости поведение работодателя.

4. Показатель потенциального вреда охраняемым законом ценностям в сфере труда. Он имеет заранее установленное значение в зависимости от отрасли (наиболее опасным видом деятельности считается добыча полезных ископаемых). Перечень содержится в Постановлении Правительства РФ № 1230.

5. Среднесписочная численность работников. Данный индикатор учитывается в рамках показателя, отражающего широту охвата неблагоприятных последствий. Данный критерий имеет заранее установленный коэффициент и варьируется в зависимости от

среднесписочной численности работников (чем больше работников, тем выше риск) (п. 5 Приложения о критериях риска).

Кроме этого, вопросы риска еще регулируются Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 30.11.2021 г. № 838н (далее – Приказ Минтруда № 838н) [5]. В данном акте указаны такие индикаторы риска, как: отсутствие кадровых перестановок, негативная динамика производственного травматизма, наличие в отношении работодателя производства по делу о банкротстве, отсутствие или устаревание результатов специальной оценки условий труда и др.

Таким образом, проанализировав риск-ориентированный подход, в целях совершенствования российского законодательства можно внести следующие предложения:

1. В качестве индикатора риска необходимо учитывать не только факт привлечения к административной ответственности, но и факт привлечения к уголовной ответственности работодателя за нарушение норм трудового законодательства. При этом удельный вес коэффициента, который учитывается при определении категории риска, должен быть больше, т. к. преступление обладает высокой степенью общественной опасности (т. е. если в соответствии с п. 7 Приложения о критериях риска при административных правонарушениях коэффициент 0,1, то при преступлении предлагаю установить 0,2).

2. Индикатор производственного травматизма необходимо скорректировать в следующих аспектах:

– во-первых, учету должна подлежать отрицательная динамика в отношении не только несчастных случаев на производстве, повлекших легкие последствия, но также в отношении иных видов несчастных случаев. При этом чем тяжелее последствия, тем необходимый показатель роста количества несчастных случаев, требующийся для квалификации в качестве отрицательной динамики, должен быть меньше (т. е. если прирост легких несчастных случаев должен составлять 3, то несчастных случаев с тяжелыми последствиями – 1);

– во-вторых, необходимо скорректировать терминологию в связи с закреплением в ст. 226 ТК РФ обязанности по расследованию микротравм. Они также должны учитываться при определении категории риска. Но удельный прирост микротравм, необходимый для констатации отрицательной динамики, должен быть выше (например, увеличения на 5 за отчетный период). Еще необходимо разграничить понятия «несчастный случай с легкими последствиями» и «микротравма». В то же время микротравмы должны быть включены в составляющие показателя потенциального вреда охраняемым законом ценностям в сфере труда;

– в-третьих, ни в Постановлении Правительства РФ № 1230, ни в Приказе Минтруда № 838н не выделяется такой индикатор риска, как количество и динамика в отношении профессиональных заболеваний,

связанных с производством. Данный критерий должен найти отражение аналогично несчастным случаям (необходимо, чтобы учитывалась как отрицательная динамика, в то же время профессиональные заболевания должны быть составляющей показателя потенциального вреда охраняемым законом ценностям в сфере труда).

3. В соответствии с разделом III Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. (далее – Концепция о контрольной деятельности), утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 21.12.2023 г. № 3745-р [4], важным направлением совершенствования риск-ориентированного подхода является не только корректировка существующих индикаторов, но и разработка и внедрение новых (их градация, расширение и более точечная настройка). Так, в данном правовом акте обращается внимание на следующие критерии, по которым определяется необходимость отнесения юридического факта к индикаторам риска: а) массовость нарушений (наиболее часто нарушаются требованиям); б) критичность нарушений (имеют наиболее негативные последствия); в) вероятность нарушения обязательных требований.

Так, российское законодательство в качестве индикаторов рассматривает юридические факты, влекущие или создающие угрозу жизни и здоровью работника (в рамках такого индикатора, как производственный травматизм), нарушающие нормы российского законодательства об оплате труда (такой индикатор, как выплата заработной платы ниже МРОТ, наличие задолженности по заработной плате), недополучение социальным фондом обязательных отчислений со стороны работодателя. Иные нарушения отдельно не выделяются, а находятся в таком индикаторе, как факт привлечения работодателя к административной ответственности.

Конечно, отнести все нарушения к индикаторам риска не представляется возможным и целесообразным, т. к. это значительно усложнит риск-ориентированный подход. Но в то же время внедрение новых индикаторов позволит повысить качество и оперативность их срабатывания при принятии мер реагирования.

В качестве новых индикаторов предлагаю установить следующие показатели:

1. Наличие фактов уклонения работодателя от заключения трудового договора. Предлагаемый индикатор отвечает критериям, указанным в Концепции о контрольной деятельности. Во-первых, число нарушений в области ненадлежащего оформления трудового договора увеличивается, о чем свидетельствуют статистические данные деятельности Роструда. Обращения граждан, связанные с проверкой надлежащего оформления трудового договора, в общей массе занимают второе место после вопросов заработной платы [9]. Кроме этого, в соответствии с данными Росстата уровень неформальной занятости

растет [10]. Что касается критичности данного нарушения, то уклонение от оформления трудового договора создает неблагоприятные последствия как для работника (создание правовой неопределенности, снижение уровня гарантий), так и для государства (уклонение от уплаты страховых взносов и иных обязательных платежей). Вероятность нарушений в этой области высокая ввиду того, что лицо, ищущее работу, вынуждено идти на условия работодателя, в том числе и незаконные.

2. Определенный процент доли незаконных увольнений. Нарушения в этой области также носят массовый характер в соответствии со статистическими данными Росстата, Роструда. О критичности данных нарушений свидетельствует тот факт, что работник лишается самого главного – трудовой функции и, следовательно, теряет возможность получения дохода, необходимого для существования его самого и членов семьи. Вероятность нарушений в этой области также высокая ввиду того, что работодатели часто скрывают незаконные увольнения под мнимыми основаниями (сокращение численности и штата), самостоятельно своими действиями (посредством скрытых форм моббинга [12], в том числе посредством психологического давления, создания неблагоприятного рабочего климата и т. д.) вынуждают работника уволиться по собственному желанию. Все это свидетельствует об актуальности введения этого индикатора.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.
2. Постановление Правительства РФ от 21.07.2021 г. № 1230 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5804.
3. Постановление Правительства РФ от 17.08.2016 г. № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 35. Ст. 5326.
4. Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 г. № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. и плана-графика по ее реализации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30.11.2021 г. № 838н «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных

нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Антонова Н.А. Особенности правового регулирования контрольной деятельности государства на современном этапе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 23–29.

7. Бекетова Н.А. Как понизить категорию риска работодателя? // Кадровик-практик. 2024. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Колобова С.В. Государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства как основной способ защиты трудовых прав работников // Современное право. 2022. № 9. С. 58–62.

9. Обзор обращений граждан, поступивших в Федеральную службу по труду и занятости за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: <https://rostrud.gov.ru/room/obrashcheniya-grazhdan/obzor-obrashcheniy/2023/obzor-obrashcheniy-2023/> (дата обращения: 27.09.2024).

10. Рабочая сила, занятость и безработица в России [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 27.09.2024).

11. Таль Л. С. Очерки промышленного права. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. 127 с.

12. Лушников А. М., Чуча С. Ю., Смирнов Д. А. Моббинг в трудовом праве и психологии: опыт междисциплинарного подхода // Государство и право. 2022. № 7. С. 155–161.

Об авторе:

ДЖИДЖАВАДЗЕ Леван Гияевич – аспирант, ассистент кафедры трудового и финансового права ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14) SPIN-код: 8207-8096, AuthorID: 938766, ORCID ID: 0000-0002-3745-5397, e-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru

Labor law restrictions in the field of control and supervision of compliance with labor legislation

L.G. Dzhidzhavadze

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The article analyzes the risk-oriented system used by the labor control and supervision authorities in carrying out control measures. The author examines the risk indicators underlying this system and makes suggestions for improving Russian legislation both by modifying existing indicators and by developing new ones. The risk-based system is considered as a tool to limit the limits of government intervention in the activities of the employer. Optimization of control activities is an important mechanism for ensuring a balance between the interests of the employee and the employer.

Keywords: *labor restrictions, control and supervision, control measures, risk indicators, occupational injuries, labor legislation.*

About author:

DZHIDZHAVADZE Levan – Postgraduate student, assistant of the Department of Labor and Financial Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov (150000, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14) SPIN-code: 8207-8096, AuthorID: 938766, ORCID ID: 0000-0002-3745-5397, e-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru

Джиджавадзе Л.Г. Трудоправовые ограничения в сфере контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 147–154.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Дискуссионные вопросы последствий недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан

И.Д. Ерёмин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрена проблематика применения последствий недействительности соглашения об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних. При анализе соответствующих статей действующего российского законодательства было установлено наличие определенной коллизии, приводящей к двойственному толкованию правовых норм в судебной практике, в связи с чем также определена необходимость корректировки данных положений закона. Автором сформирована позиция относительно обязательного применения семейно-правовых норм и положений в области несостоятельности (банкротства) в корреляции друг с другом в случае признания алиментного соглашения недействительным в процедуре банкротства должника-гражданина и применением соответствующих последствий. Данный подход обеспечит реализацию интересов государства в области защиты прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: соглашение об уплате алиментов, недействительность сделок, алиментные обязательства, банкротство гражданина, несовершеннолетние дети, права кредиторов, интересы несовершеннолетних, последствия недействительности сделки.

Современное российское законодательство располагает наличием института несостоятельности (банкротства). В качестве основы правовой регламентации выступает Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) [3]. На текущий момент с помощью различных специфических экономико-правовых механизмов, свойственных только этому институту, достигается его основная цель – формирование и обеспечение стабильности экономики как одного из факторов жизнедеятельности общества.

Одним из видов несостоятельности (банкротства) является банкротство физических лиц. В 2015 г. введение в Закон о банкротстве положений, регламентирующих банкротство физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, стало своеобразной новеллой, задавшей новый вектор формирования правоприменительной практики. В ходе исследования делается акцент на рассмотрении последствий признания недействительными в

процедуре банкротства соглашений об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей.

В целях наиболее подробного рассмотрения последствий недействительности алиментных соглашений при банкротстве граждан в первую очередь необходимо обозначить, что в целом представляет собой такое соглашение. В рамках настоящей научной статьи не будет рассматриваться вопрос определения вида сделки, к которому относится соглашение об уплате алиментов. Полагаем, достаточным будет пояснить, что данное соглашение представляет собой правовую конструкцию, черты и особенности которой сформулированы непосредственно в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) [2].

Как видно из содержания ст. 99 СК РФ, соглашение об уплате алиментов (размере, условиях и порядке выплаты алиментов) заключается между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем. Как и любая другая сделка, алиментное соглашение может быть признано недействительным по основаниям, предусмотренным ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, при наличии соответствующих признаков. Отдельное внимание стоит уделить вопросу применения последствий недействительности такой сделки.

Общие положения о последствиях недействительности сделок закреплены в ст. 167 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1]. Так, в соответствии с п. 1 этой статьи, недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. В п. 2 этой же статьи установлено, что при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. С учетом данных положений, в случае признания недействительным соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, предполагается, что выплаченные суммы по алиментам должны быть возвращены в собственность плательщика алиментов, являющегося должником в деле о несостоятельности (банкротстве). Однако именно на этом этапе и возникает определенная коллизия правовых норм, определяющих условия так называемого «обратного взыскания» или «обратного истребования» выплаченных сумм алиментов.

Вышеуказанной норме корреспондируют положения ст. 61.6 Закона о банкротстве, в соответствии с которыми все, что было передано должником или иным лицом за счет должника или в счет исполнения обязательств перед должником, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной в соответствии со ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, подлежит возврату в конкурсную массу.

Таким образом, возврат выплаченных сумм алиментов представляется в качестве одного из возможных последствий недействительности алиментных соглашений при банкротстве. Тем не менее, учитывая правовую природу таких соглашений, при рассмотрении данного вопроса нельзя опираться только на вышеуказанные нормы действующего законодательства.

Суть выплаты алиментов по такого рода соглашениям заключается в предоставлении родителями материального содержания своим несовершеннолетним детям. Таким образом, денежные средства, предоставленные в соответствии с алиментным соглашением, имеют целевое назначение и подлежат применению для обеспечения жизни несовершеннолетних.

Семейное законодательство, как изложено в ст. 1 СК РФ, исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав. Родители должны заботиться о своих детях и обеспечивать им надлежащее содержание, в том числе путем совершения алиментных платежей в случае заключения соответствующего соглашения. Выплаченные по алиментам денежные средства на момент признания алиментного соглашения недействительным могут быть потрачены на обеспечение жизни несовершеннолетнего, и их последующее обратное взыскание в порядке применения ст. 61.6 Закона о банкротстве и п. 2 ст. 167 ГК РФ определенно скажется на уровне и качестве жизни ребенка, что, как результат, приведет к нарушению его прав и законных интересов. Обеспечение интересов детей – одно из направлений государственной политики Российской Федерации в сфере защиты семьи, ввиду чего в гражданском и семейном законодательстве содержатся нормы, закрепляющие определенные механизмы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Пункт 4 ст. 167 ГК РФ гласит, что суд вправе не применять последствия недействительности сделки в части обратного взыскания, если их применение будет противоречить основам правопорядка и нравственности. В этот момент можно задаться вопросом о том, насколько допустимо с точки зрения нравственности обратное взыскание денежных сумм по алиментным обязательствам с их получателя в контексте предоставления материального содержания детям.

Статья 116 СК РФ как раз и посвящена вопросу недопустимости обратного взыскания алиментов. В соответствии с содержанием данной статьи, выплаченные суммы алиментов не могут быть истребованы

обратно в случае недействительности алиментного соглашения, за исключением случая, когда такое соглашение признано недействительным вследствие заключения его под влиянием обмана, угроз или насилия со стороны получателя алиментов. Помимо указанного, в данной статье представлено еще два основания, при наличии которых допускается обратное взыскание выплаченных сумм алиментов, но которые, в свою очередь, уже не касаются непосредственно вопроса недействительности сделки. Представленный перечень является исчерпывающим, без возможного указания на иные случаи, имеющие место быть при условии применения других норм действующего законодательства, в частности Закона о банкротстве.

С учетом изложенного, можно сделать определенные предположения, связанные со взаимодействием норм СК РФ и Закона о банкротстве, а также об их соответствии друг другу.

Так, представляется, что речь в ст. 116 СК РФ идет исключительно о семейно-правовых отношениях и касается вопросов недействительности алиментного соглашения непосредственно в их рамках. В то время как недействительность соглашения по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, относится к другим правоотношениям, а именно – возникающим в области несостоятельности (банкротства), в связи с чем должны применяться другие нормы.

Тем не менее автор настоящей статьи придерживается иного мнения. Как уже было представлено, соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей представляет собой специфическую семейно-правовую конструкцию. В контексте рассматриваемого вопроса такие категории, как признание соглашения недействительным и применение последствий такой недействительности находятся на стыке семейных правоотношений и отношений в области несостоятельности (банкротства), соответственно, и применять нормы нужно в комплексе друг с другом. Здесь можно увидеть определенную двойственность в толковании соответствующих норм законодательства. В то время как СК РФ исчерпывающим образом регламентирует перечень оснований, допускающих обратное взыскание алиментов при недействительности соглашения об уплате алиментов, Закон о банкротстве не содержит никаких ограничений по данному вопросу.

Данные предположения находят свое отражение в судебной практике. Представленные ниже примеры демонстрируют правовую коллизию в части применения ранее указанных правовых норм по вопросу обратного взыскания алиментов как возможного последствия недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей.

В представленных судебных актах [7] мы можем наблюдать спор, касающийся недействительности алиментного соглашения в порядке

применения ст. 61.2 Закона о банкротстве. Как следует из материалов дела, оценив в совокупности все имеющиеся документы, учитывая заинтересованность сторон, наличие у должника на момент совершения оспариваемой сделки признаков банкротства, арбитражный суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что финансовым управляющим доказана совокупность обстоятельств, а также условий, входящих в предмет доказывания оснований для признания сделки недействительной, поскольку в результате ее совершения причинен вред имущественным интересам кредиторов должника. Так, стороны сделки создали условия для вывода имущества должника, исключившие возможность его реализации с целью погашения требований кредиторов должника. При этом суд обязал получателя алиментов возвратить в конкурсную массу денежные средства, полученные в качестве алиментов на содержание несовершеннолетних.

Данный судебный акт впоследствии был обжалован в суде апелляционной инстанции, однако жалоба была оставлена без удовлетворения. Особое внимание стоит уделить аргументации суда апелляционной инстанции по данному вопросу. Несмотря на то, что апеллянт при рассмотрении жалобы ссылался на п. 2 ст. 116 СК РФ в части невозможности применения последствий недействительности в виде обратного взыскания алиментов в сложившейся ситуации, суд отклонил данный довод, аргументируя принятное решение тем, что взыскание с получателя алиментов, недобросовестность которого была установлена, денежных средств в размере суммы выплаченных алиментов в нарушение прав кредиторов должника – плательщика алиментов, не является обратным взысканием алиментов по смыслу ст. 116 СК РФ, но является реализацией механизма, предусмотренного ст. 61.6. Закона о банкротстве.

По мнению суда, иной подход (о невозможности возврата уплаченных ранее алиментов по недействительному соглашению) предоставил бы должнику легальный механизм неисполнения обязательств в преддверии банкротства, без фактической возможности действительного восстановления прав и защиты законных интересов кредиторов.

Анализируя материалы дела, можно проследить четкую позицию суда – целенаправленная защита интересов конкурсных кредиторов должника по общегражданским сделкам от недобросовестного поведения сторон при заключении алиментного соглашения на содержание несовершеннолетнего, а также исключение каких-либо правовых эффектов совершения противоправной сделки, ведь иначе процесс оспаривания не приведет к необходимому результату. Однако, по мнению автора, судом не была дана должная оценка положениям ст. 116 СК РФ, к тому же предполагается, что и без обратного взыскания денежных сумм недействительность соглашения несет

важное правовое последствие – уменьшается сумма, подлежащая уплате в качестве алиментов, что приводит к более эффективному распределению денежных средств, составляющих конкурсную массу должника.

В соответствии с п. 29 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» [4] в случае признания сделки недействительной правовые последствия описываются как применение реституции. По мнению автора настоящей статьи, именно такой механизм и был реализован в рассматриваемом арбитражным судом случае.

Следующий пример судебной практики [6] демонстрирует противоположный подход арбитражных судов к разрешению вопросов о применении последствий недействительности соглашений об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Как следует из материалов дела, общие обстоятельства, при которых алиментное соглашение оспаривалось, соответствуют обстоятельствам в ранее представленном примере, однако в этот раз суд апелляционной инстанции удовлетворил жалобу апеллянта. В качестве одного из доводов к принятию такого судебного акта стало разъяснение суда о том, что недействительность алиментного соглашения по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, не входит в перечень оснований, закрепленных в ст. 116 СК РФ, при которых допускается обратное взыскание алиментов, ввиду чего выплаченные ранее суммы истребованию не подлежат.

Данные примеры судебной практики подтверждают мнение автора о наличии правовой коллизии, приводящей к двойственному толкованию норм семейного законодательства и положений Закона о банкротстве.

Суть недействительности любой сделки состоит в аннулировании сложившихся правоотношений и возвращении сторон в исходное положение. Аналогично и в ситуациях, когда недействительным признается соглашение об уплате алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка. Однако нужно учитывать специфику данных правоотношений. В случае с введением в отношении физического лица одной из процедур банкротства остро стоит вопрос о поиске определенного баланса интересов кредиторов должника по общегражданским сделкам и кредиторов по алиментным обязательствам. В 2017 г. был опубликован резонансный судебный акт Верховного Суда РФ [5], касающийся вопроса недействительности алиментного соглашения при банкротстве. Данный судебный акт в корне изменил подход судов различных инстанций к рассмотрению подобных споров. Как следует из его содержания, под соответствующим балансом интересов не может пониматься равенство

интересов детей как кредиторов по алиментам и интересов других кредиторов. Поскольку Российская Федерация является социальным государством, интересы несовершеннолетних детей должны иметь приоритетное значение. В свое время О.Ю. Ильиной [8] было сформулировано определение законного публичного интереса в семейном праве: «Законный публичный интерес в семейном праве – это признанное правовыми нормами стремление общества и государства к созданию определенной, одобряемой ими модели семейных отношений». Полагаем, что в рассматриваемой ситуации и находит свое отражение публичный интерес, поскольку государство в первую очередь заинтересовано в обеспечении защиты прав и законных интересов детей, в том числе по вопросам выплат алиментов. Этими обстоятельствами и обусловлена необходимость в специическом подходе к оценке последствий недействительности алиментных соглашений. В случае полного возврата сторон к исходному состоянию путем допущения полного обратного взыскания ранее выплаченных денежных средств по алиментным обязательствам, нарушаются интересы самого незащищенного участника сложившихся правоотношений – ребенка. При всем этом также полагается неправильным полностью ограничить действие ст. 61.6 Закона о банкротстве в случаях недействительности алиментных соглашений, поскольку тем самым будет сформирован легальный механизм, в рамках которого будет допустим выход за пределы осуществления гражданских прав со стороны должника и кредитора – получателя алиментов.

Вышеизложенное позволяет однозначно утверждать о существующей правовой коллизии. С целью обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних детей и формирования единообразной судебной практики по делам о несостоятельности (банкротстве) в части признания недействительными соглашений об уплате алиментов полагаем необходимой дачу дополнительных разъяснений в Постановлении Пленума ВС РФ от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» по обозначенной в настоящей статье проблеме.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31.07.2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.

3. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) (в ред. от 25.12.2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.) // СЗ РФ. 2002 г. № 43. Ст. 4190.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.10.2017 г. № 310-ЭС17-9405 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71699902/> (дата обращения: 19.01.2024).
6. Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 10.07.2023 г. по делу № А56-33803/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DyheZ9L4QZmu/> (дата обращения: 21.10.2024).
7. Постановление Двенадцатого Арбитражного апелляционного суда от 21.12.2023 г. по делу № А12-25518/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ljVYkgWS61Jk/> (дата обращения: 21.10.2024).
8. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/civil-pravo/chastnye-i-publichnye-interesy-v-semejnomy-prave-rossijskoj-federacii.html#:> (дата обращения: 24.10.2024).

Об авторе:

ЕРЁМИН Илья Дмитриевич – аспирант первого года обучения, направление научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические науки)», кафедра гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: eremin.ilya@list.ru

Controversial issues of the consequences of the invalidity of the agreement on the payment of alimony for minor children in the bankruptcy of citizens

I.D. Eremin

Tver State University, Tver

The article considers the problems of applying the consequences of the invalidity of the agreement on the payment of alimony for the maintenance of minors. When analyzing the relevant articles of the current Russian legislation, it was found that there was a certain conflict, leading to a dual interpretation of legal norms in judicial practice, in connection with which the need to adjust these provisions of the law was also determined. The author has formed a position regarding the mandatory application of family law norms and provisions in the field of insolvency (bankruptcy) in correlation with each other in case of recognition of an alimony agreement as invalid in the bankruptcy procedure of a debtor-citizen and the application of appropriate consequences. This approach will ensure the realization of the interests of the State in the field of protection of the rights of minors.

Keywords: *alimony agreement, invalidity of transactions, alimony obligations, bankruptcy of a citizen, minor children, creditors' rights, interests of minors, consequences of invalidity of the transaction.*

About author:

EREMIN Ilya – postgraduate student of the first year of study, direction of scientific specialty 5.1.3. "Private Law (Civil Sciences)", Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: eremin.ilya@list.ru

Ерёмин И.Д. Дискуссионные вопросы последствий недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 155–163.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Анализ зарубежного уголовно-процессуального законодательства в части применения упрощенных досудебных производств

И.С. Лавриновская

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», г. Москва

В рамках проводимого исследования анализируется уголовно-процессуальное законодательство зарубежных государств в целях выявления возможных перспектив развития института упрощенного производства по уголовным делам на досудебной стадии в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Объектом исследования выступают уголовно-процессуальные отношения, возникающие при производстве упрощенного расследования в зарубежных государствах. Предметом исследования выступают нормы зарубежного уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок и основания производства по уголовным делам в упрощенном порядке на досудебной стадии. Целью проводимого исследования является выработка предложений по совершенствованию российского уголовного процессуального законодательства в части упрощенного досудебного производства по уголовным делам. Методологической основой послужили диалектико-материалистический метод познания и основанные на нем общенаучные и частные методы исследования (анализ, синтез, логико-юридический, сравнительно-правовой). Базовым методом стал сравнительный анализ уголовного процессуального законодательства зарубежных стран, регламентирующего упрощенную форму производства по уголовным делам на досудебных стадиях. В результате проведенного исследования проанализированы особенности правового регулирования упрощенного производства по уголовным делам в зарубежных странах и осуществлен сравнительный анализ подходов к регулированию указанной сферы общественных отношений, основываясь на которых, автором сформулированы предложения, направленные на модернизацию отечественного уголовного процессуального законодательства в части регулирования упрощенного производства по уголовным делам на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебное производство, упрощенное производство, уголовный процесс, зарубежный опыт, модернизация законодательства.

Представители современной отечественной уголовно-процессуальной науки уделяют пристальное внимание рассмотрению вопросов, связанных с регулированием порядка упрощенного уголовного судопроизводства, что обуславливается, в частности,

желанием законодателя привести существующую упрощенную модель предварительного расследования, представленную в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [1] дознанием в сокращенной форме в соответствие с наблюдаемыми процессами стремительной цифровизации всех сфер жизнедеятельности современного общества.

Отметим, что разнообразие имеющихся подходов в правовом регулировании порядка упрощенного и ускоренного досудебных производств по уголовным делам в зарубежных государствах также свидетельствует о том, что указанные формы расследования обладают повсеместной значимостью. Вместе с тем, не во всех правовых системах существуют прямые аналоги сокращенного дознания, хотя всем зарубежным правопорядкам известны унифицированные формы уголовного судопроизводства, которые позволяют оптимизировать расход ресурсов, которые затрачивает государство для разрешения уголовно-правового конфликта.

Потенциал сравнительно-правовых исследований раскрывается в полной мере при анализе отдельных отраслей правового регулирования и институтов права, что позволяет более детально рассмотреть общие черты и различия в национальных правовых системах. В этой связи, в целях выявления возможных перспектив развития института упрощенного производства по уголовным делам на досудебной стадии в российском уголовно-процессуальном законодательстве автором настоящей статьи был проведен анализ законодательных актов, регулирующих порядок упрощенного и ускоренного досудебного производства по уголовным делам в некоторых зарубежных странах, а также научные труды отечественных и зарубежных ученых-процессуалистов.

Так, в США, как и в других странах общего права (Великобритания, Австралия и др.) в качестве основной упрощенной формы производства по уголовным делам выступает сделка о признании вины [6, с. 138], при этом по отдельным странам она применяется в отношении 80–90 % от их общего количества уголовных дел [2, с. 63]. Ключевое значение в правовом регулировании данного правового института принадлежит Федеральным правилам уголовного судопроизводства США (Federal Rules of Criminal Procedure, далее по тексту – Правила) [8], в соответствии с положением Rule 11 (a)(1) которых за каждым подсудимым признается право заявить о своей невиновности, виновности либо заявить признание в виде "nolo contendere".

В контексте проводимого исследования наибольший интерес представляют признание вины и признание "nolo contendere". В рассматриваемых случаях принятие соответствующего заявления подсудимого возможно только при наличии разрешения суда и

правительства. Следует отметить, что зачастую разрешение правительства (в лице прокурора) выступает первичным, а судом оно фактически подтверждается как правомочное решение. При этом, в соответствии с положением Rule 11 (a)(2) Правил, подсудимый может оспорить в апелляционном порядке отказ в принятии признания, а в случае принятия апелляционной инстанцией решения в его пользу – отозвать его.

Особую роль при упрощенной форме производства по уголовным делам играет признание "nolo contendere", которое в своей сущности означает, что подсудимый не оспаривает предъявляемого обвинения, однако вместе с этим не признает наличия вины. Данное заявление, равно как и признание вины, фактически устраниет стадию судебного следствия и дает достаточные основания для вынесения приговора, как в случае, если бы лицо признало свою вину. Рассматриваемый вид признания характерен для тех случаев, когда собранные при расследовании уголовного дела доказательства с достаточной убедительностью указывают на виновность обвиняемого лица, однако по своему свойству и содержанию недостаточны для полноценного доказывания виновности в совершении преступлении такого лица. К признанию "nolo contendere" положением Rule 11 (a)(3) Правил устанавливается также дополнительное требование, заключающееся в необходимости учета позиций сторон обвинения и защиты, а также общественного интереса в части эффективного направления правосудия.

Представляется важным отметить следующее: в рамках уголовного судопроизводства США как таковой упрощенной формы досудебного производства не существует, поскольку «упрощение» находит свою реализацию посредством подачи рассмотренных выше заявлений как на досудебной стадии, так и непосредственно в суде. В свою очередь, подача заявления на досудебной стадии влечет за собой приостановление деятельности компетентных органов, расследующих преступление.

Определяющие возможность производства по уголовному делу в упрощенном порядке факторы устанавливаются положением Rule 11 (b)(2) Правил, в соответствии с которым суд обязан удостовериться, что заявленное соглашение о признании вины либо признание "nolo contendere" является добровольным, не связано с применением силы, угроз или обмана со стороны правоохранительных органов, а также положением Rule 11 (b)(3) Правил, устанавливающим требование о наличии фактических оснований для подачи подсудимым лицом заявления о признании вины либо для признания "nolo contendere".

Последнее имеет критически важное значение и порождает необходимость рассмотрения вопроса о доказательственном процессе в рамках упрощенного досудебного производства по уголовным делам. Так, И.С. Губарев, основываясь на исследовании М.Г. Решняк [5, с. 122–

124], описывает досудебную стадию производства по уголовным делам в США следующим образом: «проводится проверка и установление органами полиции факта совершенного преступления, завершается, благодаря быстрому реагированию, розыску лиц и сбору информации представлением должностным лицом органа полиции отчета начальнику полиции, в котором отражены все проведенные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия» [3, с. 289].

Основываясь на отчете, начальник отдела полиции принимает одно из следующих решений:

- направление собранных материалов в судебные органы для рассмотрения по существу в общем порядке;
- предложение заключить подозреваемому лицу соглашение о признании вины. Как было отмечено выше, ключевая роль в отношениях по сделкам о признании со стороны государства принадлежит прокурору. Орган, производящий предварительное расследование выступает в качестве инициатора заключения соглашения;
- принятие решения о передаче материалов в суд в порядке суммарного производства [7, с. 114]. Данный вид производства по уголовным делам также относится к категории упрощенных, однако данный признак связан с тем, что в суммарном производстве, в сущности, отсутствуют досудебные стадии.

В качестве преимуществ совершения сделок о признании вины следует выделить отсутствие необходимости производства расследования, а также исследования имеющихся доказательств. Кроме того, заключение соглашения о признании вины позволяет по существу разрешить уголовное дело в случаях, когда присяжные не могут прийти к однозначному заключению о виновности подсудимого лица. Также следует отметить, что при заключении соглашения существенно снижаются судебные издергки, а назначенное наказание может быть более мягким в сравнении с ситуацией, когда производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке. Кроме того, при заключении сделки о признании вины сторона обвинения также может уменьшить объем предъявляемых обвинений либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое. Однако одного признания может быть недостаточно, и стороной обвинения могут быть поставлены дополнительные условия, например, соглашение может включать в себя обязательство обвиняемого лица дать показания в отношении иных участников преступной деятельности.

Отметим, что институт сделок о признании вины не лишен критики со стороны научного сообщества. Так, американский ученый С. Бибас указывает, что фактически процесс ведения переговоров и заключения такого рода сделок весьма слабо урегулирован, что дополнитель но

осложняется фактически монопольным положением прокуроров в определении ее условий и порядка заключения [16, с. 151]. В качестве одной из ключевых проблем, этот ученый выделяет «трудности в проверке надлежащего исполнения адвокатами своих обязанностей». До недавнего времени указанная проблема заключалась в том, что суды основной акцент в своей деятельности смещали на установление факта отказа обвиняемого от судебного разбирательства и установление факта признания им своей вины, не учитывая при этом возможные негативные последствия совершения такой сделки для обвиняемого. Как следствие, лица, заключившие соглашение о признании вины, получали в ряде случаев более суровое наказание по аналогичным обвинениям в сравнении с лицами, отказавшимися от заключения сделки.

В качестве инструмента устранения обозначенной проблемы выступило решение Верховного Суда США по делу Б. Лафлера против Э. Купера, в котором было признано, что ненадлежащая адвокатская помощь как в силу недостаточной компетенции адвоката, так и в силу принятия стороной обвинения действий, направленных на ограничение участия адвоката в переговорах по сделке о признании вины, является нарушением конституционного права подсудимых лиц на квалифицированную юридическую помощь [15].

Вместе с тем, существуют и иные проблемы института сделки о признании вины. Так, К. Малон указывает на то обстоятельство, что суды при рассмотрении данной категории уголовных дел, ограничиваются исключительно исполнением формальных требований в отношении обоснованности и добровольности признания вины [11, с. 1171]. В этой связи необходимо отметить, что суды исходят из того, что указание обвиняемому стороной обвинения на то, что в случае непринятия условий сделки о признании вины обвиняемый будет подвергнут более суровому наказанию, не является обстоятельством, подрывающим добровольность признания [10]. В качестве возможного способа решения данной проблемы Д. Бауэрс предлагает устанавливать обязанность суда проверять обоснованность предъявляемых прокурорами обвинений с тем, чтобы исключить злоупотребление последними в целях понуждения к заключению сделок о признании вины на несправедливых для обвиняемых лиц условиях [14, с. 1657].

Также К. Малон в своем исследовании указывает на такую проблему как неочевидность для подсудимого связанных с признанием вины последствий, не связанных непосредственно с уголовным наказанием, в частности ограничения избирательных прав или возможности приобретения отдельных специальных прав.

Завершая рассмотрение особенностей упрощенной формы досудебного производства по уголовным делам в соответствии с законодательством США, следует отметить, что им, что является весьма актуальным для Российской Федерации, не предполагается

установление ограничений заключения сделок о признании в зависимости от тяжести преступных посягательств.

Рассматривая, уголовное процессуальное законодательство Итальянской Республики, как страны – представителя континентальной правовой семьи, отметим, что национальный законодатель не выделяет упрощенных форм досудебного производства по уголовным делам в качестве самостоятельной категории в понимании, свойственном для российского уголовно-процессуального законодательства.

В целом досудебное производство предварительного расследования в Италии носит достаточно условный характер, что во многом связано с особенностями субъектного состава уголовного процесса. Так, в соответствии со ст. 327 Уголовно-процессуального кодекса Италии (далее – УПК Италии), руководство предварительным расследованием и судебной полицией осуществляет прокурор [12]. Помимо прокурора, важную роль в предварительном расследовании преступлений играет также судья предварительного следствия, осуществляющий судебный контроль за деятельность органов предварительного расследования, разрешающий ходатайства сторон, а также принимающий решение о передаче материалов уголовного дела на рассмотрение в судебные органы для разрешения уголовного дела по существу. Следует отметить, что судья предварительного следствия является самостоятельным субъектом, действующим исключительно в пределах стадии предварительного расследования, которому запрещено принимать участие в рассмотрении уголовного дела по существу для вынесения приговора [4, с. 313].

В целом, исходя из анализа итальянского уголовно-процессуального законодательства, можно выделить пять механизмов упрощенного досудебного производства, первый из которых связан с вынесением упрощенного решения. Так, ст. 438 УПК Италии установлено, что лицо, в отношении которого осуществляется предварительное расследование, правомочно на этапе предварительного слушания с участием судьи предварительного следствия, заявить ходатайство о назначении судебного разбирательства, что является его потестативным правом. Вопрос о возможности применения данного порядка разрешается судом и не требует согласия прокурора или органов полиции. Важно отметить, что рассматриваемый механизм не может быть применен в отношении лиц, совершивших преступления, по которым в качестве меры наказания уголовным законом устанавливается пожизненное лишение свободы.

Отметим, что рассматриваемый механизм упрощенного производства не обязательно связан с признанием подозреваемого либо обвиняемого виновным и не исключает состязательности процесса. Судом рассматриваются все собранные сторонами доказательства за исключением свидетельских показаний, которые не заслушиваются.

Если же сторона защиты планирует привести какие-либо аргументы, доказательства в свою пользу, то приносит их в письменной форме с приобщением к прокурорскому досье уголовного дела. Доказательственная база исчерпывается сугубо собранными к моменту подачи ходатайства доказательствами, за исключением случая, когда прокурору предоставляется дополнительное время для производства дополнительного расследования [9, с. 3].

Рассмотренный упрощенный порядок досудебного производства в числе своих преимуществ позволяет существенно сократить объем совершаемых на этапе предварительного расследования следственных действий, ограничиваясь только необходимыми, а также издержки, возникающие на этапе судебного следствия, особенно в части доказательственного процесса. В порядке упрощенного производства, в случае осуждения, наказание снижается на 1/3, а если обвиняемым и его представителем не обжаловался приговор, вынесенный в упрощенном порядке, размер наказания дополнительно сокращается на 1/6, что устанавливается ст. 442 УПК Италии.

Второй механизм обеспечения упрощенного производства по уголовным делам представлен соглашением о признании вины. Так, ст. 444 УПК Италии закрепляется применение приговора по требованию сторон, а также устанавливаются общие требования к заключению соглашения о признании вины. Вместе с тем, в отличие от североамериканского института сделки о признании вины, не предусматривающей напрямую ограничений относительно категорий уголовных дел, в отношении которых такая сделка может быть заключена, в УПК данной страны такие ограничения существуют, при этом они имеют как объективный, так и субъективный характер.

В числе объективных ограничений следует обозначить прямой запрет применения сделки о признании вины, закрепленный в п.п. 3-bis и 3-quarter ст. 51 УПК Италии, а также наличие факта обвинения лица в совершении преступлений, предусмотренных ст. 416 (объединение мафиозного типа) и ст. 630 Уголовного кодекса Италии (похищение лица с целью вымогательства) либо преступлений сексуального характера [13].

Субъективные ограничения, препятствующие заключению сделки о признании вины, связаны с характеристикой личности обвиняемого лица. Например, рецидивисты и профессиональные преступники не могут заключать соглашение о признании вины.

Еще одной особенностью института заключения сделки о признании вины в уголовном процессе Италии является также то, что при подаче соответствующего ходатайства на этапе предварительного следствия суд допрашивает прокурора и защитника в случае их явки, что отражено в ст. 447 УПК Италии. Указанной нормой также устанавливается возможность одностороннего ходатайства о

заключении сделки о признании вины, при этом судом устанавливается срок, в течение которого другая сторона должна выразить свое согласие либо несогласие.

Третий механизм упрощенного производства по уголовным делам на досудебной стадии устанавливается ст. 449 УПК Италии, регламентирующей прямой порядок производства, при котором лицо, совершившее уголовное преступление, арестовывается непосредственно на месте совершения преступления, после чего прокурор представляет обвиняемого судье. Основным следствием данной процедуры является незамедлительное производство в судебном порядке по уголовному делу, результатом которого при соблюдении установленного процессуального порядка является вынесение решения судом по существу. В случае, если лицо, которое было выявлено в момент совершения преступления либо непосредственно после его совершения скрылось, ему направляется повестка с вызовом на судебное заседание. При рассматриваемой форме упрощенного производства досудебный этап практически отсутствует, так как доказательственная база образуется, как правило, по факту задержания на месте совершенного преступления, последующего допроса и признания виновного лица.

Необходимо подчеркнуть, что если в случае с упрощенным порядком вынесения решения речь идет о праве обвиняемого лица, на которое ни прокурор, ни полиция, ни суд, в части оказания властного воздействия, влияния оказать не могут, то в случае с прямым производством возникает непосредственная обязанность прокурора перейти к указанному механизму. Исключение представляют случаи, когда лицо, задержанное на месте преступления в результате производства допроса, представляется, по убеждению прокурора, непричастным к преступлению либо квалификация содеянного требует дополнительного расследования.

Тут следует выделить ст. 452 УПК Италии, устанавливающей право обвиняемого ходатайствовать об упрощенном производстве. Однако необходимо подчеркнуть, что данное право может быть реализовано до момента открытия судебного разбирательства в порядке прямого производства.

Четвертый механизм упрощенного производства представляет собой особый подвид прямого производства. Однако, в случае «классического» варианта прямого производства основанием к рассмотрению дела по существу выступает факт задержания с поличным (либо достоверное установление лица, совершившего преступления непосредственно в момент посягательства, однако впоследствии скрывшимся), в то время как в рассматриваемом подвиде прямого производства, в соответствии со ст. 453 УПК Италии, основанием упрощенного порядка досудебного производства по уголовному делу выступают имеющиеся очевидные доказательства.

Содержанием указанной статьи в качестве необходимого условия перехода к прямому производству выделяется то, что такое решение не должно наносить серьезного ущерба расследованию.

Пятый механизм упрощенного производства является достаточно специфичным и связан с совершением преступлений специальным субъектом – должностным лицом. Как следует из ст. 459 УПК Италии, основанием для производства в указанном порядке выступает наличие поданной жалобы, ходатайства, полученного от потерпевшего либо компетентного органа.

Таким образом, в зарубежных странах имеется практика регламентации упрощенных форм досудебного производства по уголовным делам посредством вариации способов окончания производства предварительного расследования. При этом реализация указанных механизмов может требовать как обоюдного волеизъявления сторон обвинения и защиты, так и одной из них, что закрепляется положениями национального уголовно-процессуального законодательства.

При этом, возможность производства упрощенных форм расследования уголовного дела обуславливается, как правило, двумя обстоятельствами. Во-первых, это умеренный объем карательного воздействия государства на личность виновного лица, которое может сводиться к назначению штрафа или ограничению в отдельных правах (например, праве на управление автотранспортным средством). Во-вторых, это незначительность самого ущерба, причиненного совершенным преступлением, что делает избыточным значительную доказательственную активность со стороны органов уголовного преследования, добывающих сведения о преступлении.

Во всех рассматриваемых случаях основной целью упрощенного производства на досудебных этапах является снижение связанных с расследованием преступления издержек. При этом сопутствующий эффект нередко сопровождается последующим предоставлением обвиняемому либо подозреваемому лицу определенных гарантий того, что в отношении него будет назначена более мягкая, в части объема, мера наказания, в сравнении со случаями, когда производство по уголовному делу осуществлялось бы в общем порядке.

Основываясь на произведенном исследовании, представляется возможным выдвинуть следующие предложения, касающиеся модернизации действующего российского уголовного процессуального законодательства. В частности, представляется целесообразным дополнить существующий институт упрощенного досудебного производства по уголовным делам такими формами как производство по уголовным делам, по которым лицо было задержано с поличным, при условии, что им не отрицается причастность к совершенному преступному деянию, а также производство по должностным

преступлениям, при предоставлении органом, в котором было совершено преступление, исчерпывающих сведений о преступном событии. Реализация данных предложений, по мнению автора, позволит существенно снизить издержки производства по уголовным делам не только на досудебных, но также и на судебных стадиях, в силу возникающего сокращенного объема доказательственной деятельности. Вместе с тем следует учитывать, что опосредованным образом имплементация зарубежных процессуальных институтов, регулирующих упрощенные формы расследования уголовных дел, в правовую систему Российской Федерации связана и с другими проблемами, например, дифференциацией системы правонарушений и структуры стадий досудебного производства по уголовному делу, поэтому механическое заимствование норм и институтов зарубежного права недопустимо.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Российская газета. 2001. № 249.
2. Бахновский А.В. Сделка с правосудием: особенности ангlosаксонской и континентальной правовой традиции: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 172 с.
3. Губарев И.С. Сокращенное досудебное производство зарубежных стран: анализ и правовая оценка // Вестник ВИ МВД России. 2022. № 3. С. 288–294.
4. Даниленко И.А. Судья по предварительному следствию на примере опыта Италии // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 308–316.
5. Решняк М.Г. О некоторых особенностях правовой регламентации действия уголовного закона во времени и пространстве в уголовном законодательстве США // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 1. С. 122–124.
6. Смирнов А. В. Об исторической английской форме уголовного судопроизводства // Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 136–141.
7. Стойко Н.Г., Семухина О. Б. Уголовный процесс в США: Учебное пособие. Красноярск, 2000. 315 с.
8. Federal Rules of Criminal Procedure // United states courts [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uscourts.gov/rules-policies/current-rules-practice-procedure/federal-rules-criminal-procedure> (дата обращения: 18.09.2024).
9. Barbero F. L'inapplicabilità del giudizio abbreviato ai delitti puniti con la pena dell'ergastolo. // Brevi note a caldo, in Giurisprudenza Penale Web, 2019, 5.
10. Bordenkircher v. Hayes, 434 U.S. 357, 362–63 (1978) // U.S. Supreme Court [Электронный ресурс] URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/434/357/> (дата обращения: 18.09.2024).
11. Carlie Malone, Plea Bargaining and Collateral Consequences: An Experimental Analysis // 73 Vanderbilt Law Review 1161 (2020). P. 1161–1208.
12. Codice di procedura penale 2023 (D.P.R. 22 settembre 1988, n. 447) //

- Brocardi [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brocardi.it/codice-diprocedura-penale/> (дата обращения 18.09.2024)
13. Codice Penale 2024 (R.D. 19 ottobre 1930, n. 1398) [Электронный ресурс] // Brocardi. URL: <https://www.brocardi.it/codice-penale/> (дата обращения: 18.09.2024).
14. Josh Bowers, Legal Guilt, Normative Innocence, and the Equitable Decision Not to Prosecute // Columbia Law Review. Vol. 110. 2010. № 7. P. 1655–1726.
15. Lafler v. Cooper, 566 U.S. 156 (2012) // U.S. Supreme Court [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/566/156/> (дата обращения: 18.09.2024).
16. Stephanos Bibas. Incompetent Plea Bargaining and Extrajudicial Reforms // Harvard Law Review. 2012. vol.1 Issue 1. P. 150–174.

Об авторе:

ЛАВРИНОВСКАЯ Ирина Сергеевна – аспирант кафедры управления органами расследования преступления ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8), ORCID: 0009-0008-5615-0741, e-mail: ilavrinovskaia@mail.ru

Analysis of foreign criminal procedural legislation regarding the use of simplified pre-trial proceedings

I.S. Lavrinovskaya

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow

The research analyzes the criminal procedure legislation of foreign countries to identify possible prospects for the development of simplified proceedings on criminal cases at the pre-trial stage in Russian criminal procedure legislation. The object of the research is criminal procedure relations that arise during simplified investigations in foreign countries. The subject of the research is the norms of foreign criminal procedure legislation governing the procedure and grounds for proceedings on criminal cases in a simplified manner at the pre-trial stage. The purpose of the research is to develop proposals for improving Russian criminal procedure legislation in terms of simplified pre-trial proceedings on criminal cases. The methodological basis was the dialectical-materialistic method of cognition and general scientific and special research methods based on it (analysis, synthesis, logical-legal, comparative law). The basic method was a comparative analysis of the criminal procedure legislation of foreign countries regulating the simplified form of proceedings on criminal cases at the pre-trial stages. As a result of the conducted research, the author analyzed the features of legal regulation of simplified proceedings on criminal cases in foreign countries and carried out a comparative analysis of approaches to regulating the specified sphere of public relations based on which the author formulated proposals for the modernization of domestic criminal procedure legislation in terms of

regulating simplified proceedings on criminal cases at the pre-trial stage of criminal proceedings.

Keywords: *pre-trial proceedings, simplified proceedings, criminal proceedings, foreign experience, modernization of legislation.*

About author:

LAVRINOVSAYA Irina – the postgraduate student of the Academy of Management of the MIA of Russia (125993, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8), ORCID: 0009-0008-5615-0741, e-mail: ilavrinovskaia@mail.ru

Лавриновская И.С. Анализ зарубежного уголовно-процессуального законодательства в части применения упрощенных досудебных производств // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 164–175.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право решением Президиума ВАК включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 4 (80), 2024

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 20.12.2024. Выход в свет 24.12.2024.

Формат 70 x 108 $\frac{1}{16}$. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4.

Тираж 500 экз. Заказ № 280.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. Цена свободная.